

Оглавление

Волк и Коза. Русская народная сказка	4
Зимовье зверей. Русская народная сказка.....	7
Кот и лиса. Русская народная сказка	10
Белая уточка. Русская народная сказка	14
Царевна-лягушка. Русская народная сказка	17
Кто сильнее? Африканская сказка	23
Ссора птиц. Индийская сказка.....	24
Хвост. Чукотская сказка	25
Алеша Попович. Русская народная сказка	26
Илья Муромец и змей. Русская народная сказка	29
Илья Муромец и Соловей-разбойник. Русская народная сказка.....	35
Великие путешественники. М. Зощенко	38
Детство. И. Суриков	44
Заколдованная буква. В. Драгунский	48
Конь-огонь. В. Маяковский.....	50
«Он живой и светится...» В. Драгунский	55
Самое главное. М. Зощенко	58
«Домовой» в зоопарке. В. Чаплина	61
Белолобый. А. Чехов	64
Галины питомцы. В. Чаплина	68
Журка. М. Пришвин.....	75
Слон Бэби. В. Дуров.....	76
Хрюшка-парашютист. В. Дуров.....	87
Что ни страница – то слон, то львица. В. Маяковский	89
Ворона и Лисица. И. Крылов	92
Мартышка и очки. И. Крылов	93
Листы и Корни. И. Крылов	94
Зеркало и Обезьяна. И. Крылов	96
«В небе тают облака...». Ф. Тютчев	97
«В тот год осенняя погода...». А. Пушкин	98
«Весна! Выставляется первая рама...». А. Майков	99

Встреча зимы. И. Никитин.....	100
«Зреет рожь над жаркой нивой...». А. Фет	104
К зиме. К. Бальмонт.....	105
«Листья в поле пожелтели...». М. Лермонтов.....	106
«Мама! Глянь-ка из окошка...». А. Фет.	107
«Нивы сжаты, рощи голы». С. Есенин.....	108
Осень. К. Бальмонт	109
Полевые цветы. И. Бунин.....	110
«Пройдет зима холодная...». С. Дрожжин	111
«Славная осень! Здоровый, ядреный...». Н. Некрасов.....	112
«Тени вечера сгущаются...». С. Дрожжин	113
Волшебные краски. Е. Пермяков	114
Гадкий утенок. Г. Х. Андерсен	116
Госпожа Метелица. Братья Гримм.....	124
Подарки Феи. Ш. Перро	127
Змей - хвастунишка. В. Берестов	129
Как найти дорожку. В. Берестов.....	131
Калиф – аист. В. Гауф.....	133
Король лягушонок, или Железный Гейнрих. Братья Гримм.....	141
Кошка, гулявшая сама по себе. Р. Киплинг	144
Мороз Иванович. В. Одоевский	153
Огниво. Г. Х. Андерсен	158
Сказка о потерянном времени. Е. Шварц.....	163
Слоненок. Р. Киплинг	169
Спящая красавица. Ш. Перро	176
Горячий камень. А. Гайдар	182
История Власа – лентяя и лоботряса. В. Маяковский	187
Кто дерет нос кверху. К. Ушинский	190
«От чистого сердца...». Н. Саконская	191
Сказка о громком барабане. С. Могилевская	193
Торопливый ножик. Е. Пермяк.....	198
Честное слово. Л. Пантелеев	199
Ивовый пир. Н. Сладков.....	204
Лесная газета. В. Бианки	205

Лесной голосок. Г. Скребицкий	232
Лягушонок. М. Пришвин	233
Передышка. Г. Скребицкий	234
Этажи леса. М. Пришвин.....	237
Бабушка и внучек. И. Никитин.....	239
В шкафу. В. Голявкин	245
Где ты ходишь осень? Я. Аким	248
Еще мама. А. Платонов	249
Как я под партой сидел. В. Голявкин	255
Подружки. Н. Артюхова	256
Про то, для кого Вовка учится. В. Голявкин.....	260
Читалочка. В. Берестов.....	261
Школьные зарисовки. В. Берестов.....	262

Начинает сказка сказываться

Волк и Коза. Русская народная сказка

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдет, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоет:

— Козлятушки, детушки,
Отопритесь, отомкнитеся.
Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Бежит молочко по вымечку,
Из вымечка на копытечко,
С копытечка на сыру землю!

Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдет в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко. Волк все это и подслушал. Выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим толстым голосом:

— Козлятушки, детушки,
Отопритесь, отомкнитеся.
Ваша мать пришла,
Молока принесла...

А козлятки отвечают:

— Слышим, слышим — не матушкин голосок! Наша матушка поет тонким голоском.

Волк ушел и спрятался. Вот приходит коза и стучится:

— Козлятушки, детушки,
Отопритесь, отомкнитеся.
Ваша мать пришла,

Молока принесла;
Бежит молочко по вымечку,
Из вымечка на копытечко,
С копытечка на сыру землю.

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк и хотел их поест. Коза накормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придет кто к избушке и станет просить толстым голосом, того ни за что не впускать в двери. Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голосом:

— Козлятушки, детушки,
Отопритесь, отомкнитеся.

Ваша мать пришла,
Молока принесла;
Бежит молочко по вымечку,
Из вымечка на копытечко,
С копытечка на сыру землю.

Козлятки не признали волчьего голоса и отперли двери. Волк вбежал в избу, разинул свою широкую пасть и бросился на бедняжек; что ни схватит, то проглотит — всех поел. Уцелел только один козленочек, и тот в печь забился.

Приходит коза. Сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что они отворены; в избу — а там все пусто. Заглянула в печь и нашла одного козленочка. Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, начала горько плакать и причитывать:

— Ох вы детушки мои, козлятушки! На что отпиралися-отворялися, злому волку доставалися?

Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Эх, кума, кума! Что ты на меня грешишь! Неужели-таки я сделаю это! Пойдем-ка в лес погуляем.

— Нет, кум, не до гулянья!

— Пойдем! — уговаривал волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в той яме разбойники кашицу недавно варили, и оставалось в ней еще довольно горячих угольев. Коза говорит волку:

— Кум! Давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму.

Стали прыгать. Волк прыгнул и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлята выбежали оттуда да прыг к матери. И стали они жить-поживать, ума наживать, а лиха избывать.

Зимовье зверей. Русская народная сказка

Шел бык лесом, попадается ему навстречу баран.

- Куда, баран, идешь? - спросил бык.

- От зимы лета ищу, - говорит баран.

- Пойдем со мною!

Вот пошли они вместе, попадается им навстречу свинья.

- Куда, свинья, идешь? - спросил бык.

- От зимы лета ищу, - отвечает свинья.

- Иди с нами.

Пошли втроем дальше, навстречу им гусь.

- Куда, гусь, идешь? - спрашивает бык.

- От зимы лета ищу, - отвечает гусь.

- Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух.

- Куда, петух, идешь? - спросил бык.

- От зимы лета ищу, - отвечает петух.

- Иди за нами!

Вот они идут путем-дорогою и разговаривают промеж себя:

- Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать? Бык и сказывает:

- Ну, давайте избу строить, а то, чего доброго, и впрямь зимою замерзнем. Баран говорит:

- У меня шуба тепла - вишь какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

- А по мне хоть какие морозы - я не боюсь: зароюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

- А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую.

Петух говорит:

- А разве у меня нет своих крыльев? И я прозимую!

Бык видит - дело плохо, надо одному хлопотать.

- Ну, - говорит, - вы как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живет в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран просится у быка:

- Пусти, брат, погреться.

- Нет, баран, у тебя шуба теплая; ты и так перезимуешь. Не пущу!

- А коли не пустишь, то я разбегусь и вышибу из твой избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: “Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит”, - и пустил барана.

Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

- Пусти, брат, погреться.

- Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.

- А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу сворочу.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух:

- Пусти, брат, к себе погреться.

- Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; так и прозимуете!

- А не пустишь, - говорит гусь, - так я весь мох из твоих стен повыщипываю, тебе же холоднее будет.

- Не пустишь? - говорит петух. - Так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать.

Услыхала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушиным мясом полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

- Ну, любезные куманьки! Я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, - быка, для тебя волк, - барана, а для себя - петуха.

- Хорошо, кумушка! - говорит медведь и волк. - Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдем же приколем да поедим!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку.

- Иди ты вперед! А волк кричит:

- Нет, ты посильнее меня, иди ты вперед!

Ладно, пошел медведь; только что в двери - бык наклонил голову и припер его рогами к стенке. А баран разбежался да как бацнет медведя в бок - и сшиб его с ног. А свинья рвет и мечет в клочья. А гусь подлетел - глаза щиплет. А петух сидит на брису и кричит:

- Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услышали крик да бежать!

Вот медведь рвался, рвался, насилиу вырвался, догнал волка и рассказывает:

- Ну, что было мне!.. Этакого страху отродясь не видывал. Только что вошел я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьет, кто рвет, кто шилом в глаза колет. А еще один на брису сидел да все кричал: "Подайте сюда, подайте сюда!" Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

Кот и лиса. Русская народная сказка

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понес в лес. Принес и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрел на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть — пойдет в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошел кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса. — Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама все спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— И я, лисица, — девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома. Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лиса! Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придется, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придется! Волк побежал за бараном, а лиса — домой.

Идет лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несешь? Отдай мне!

— Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придется!

Медведь пошел за быком, а лиса — домой.

Вот принес волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — и медведь лезет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови, — говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!

Вдруг — откуда ни возьмись — бежит заяц.

Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда косой!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Леоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идет ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Леоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисой. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мау, мау!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберется!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услышал, что листья шевелятся, подумал, что этомышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать. А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, — думает медведь, — увидел он меня!» Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печенки отбил, вскочил — да наутек.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

Белая уточка. Русская народная сказка

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить.

Князь уехал, она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось - такая простая, сердечная!

- Что,- говорит,- ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда,- и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

- Что,- говорит женщина,- день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

- Нет, нет, не хочу!- А там подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине.

- Плыви ты,- говорит,- белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яицек, вывела деточек: двух хороших, а третьего - заморышка; и деточки ее вышли - ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтанчики сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

- Ох, не ходите туда, дети!- говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше - и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить,- заморышек-то и не спит, все слышит, все видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

- Спите вы, детки, иль нет? Заморышек отвечает:

- Мы спим - не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати: огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

- Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь.

- Спите, детки, или нет? Заморышек опять говорит то же:

- Мы спим - не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати: огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

“Что же это все один голос?”- подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукой - и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток: детки не идут. Зачуяло ее сердце, встрепелась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

- Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Я нуждой вас выхаживала,

Я слезой вас выпаивала,

Темну ночь недосыпала,

Сладок кус недоедала!

- Жена, слышишь, небывалое? Утка приговаривает.

- Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

- Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Погубила вас ведьма старая,

Ведьма старая, змея лютая,

Змея лютая, подколотная;

Отняла у нас отца родного,

Отца родного - моего мужа,

Потопила нас в быстрой реченьке,

Обратила нас в белых уточек,

А сама живет-величается!

“Эге!” - подумал князь и закричал:

- Поймите мне белую уточку! Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит:

- Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой - говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою - они встрепнулись, сбрызнули говорящею - они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога - там стала кочерга; где рука - там грабли; где голова - там куст да колода. Налетели птицы - мясо поклевали, поднялись ветры - кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

Царевна-лягушка. Русская народная сказка

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

- Сынки, мои любезные, покуда я ещё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

- Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

- Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит - сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

- Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу. А лягушка ему отвечает:

- Возьми меня замуж!

- Что ты, как Я возьму себе в жёны лягушку?

- Бери, знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего - на купеческой, а несчастного Ивана-царевича - на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

- Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка, по полу скачет, спрашивает его:

- Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

- Батюшка, велел тебе к завтраму рубашку сшить. Лягушка отвечает:

- Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка, прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке, не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка, опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

- Эту рубашку, в черной избе носить. Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

- В ней только, в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

-Ну, вот это рубашка - в праздник её надевать. Пошли братья по домам - те двое - и судят между собой:

- Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра... Царь опять позвал сыновей:

- Пускай ваши жёны испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка, его спрашивает:

- Что закручинился? Он отвечает:

- Надо к завтраму испечь царю хлеб.

- Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки, сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку, посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню; печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам; все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитrostями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понес к отцу. А царь в то время принимал хлебы от боль-ших сыновей. Их жены-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

- Вот это хлеб, только, в праздник его есть. И приказал царь трем своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка, по полу скачет:

- Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от батюшки слово не приветливое?

- Лягушка, лягушка, как мне не горевать! Батюшка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я, тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

- Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: “Это моя лягушонка, в коробчонке едет”.

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, наруганными, насурьмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

- Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные - пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрёсся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

- Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка, в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье - частые звезды, на голове - месяц ясный, такая красавица - ни вздумать, ни взгадать, только, в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки, за правый рукав бросила.

Жёны больших-то царевичей увидели её хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась - всем на диво. Махнула левым рукавом - вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом - поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом - только гостей забрызгали, махнули другим - только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушечью кожу и бросил её в печь, сжёл на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась - нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

- Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят - искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истёр, шапчонку дождик иссёк. Попадаетеся ему навстречу старый старичок.

- Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старый старичок говорит ему:

-- Эх, Иван-царевич; зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идет. В чистом поле попадаетеся ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

- Не бей меня, Иван царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

-- Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе пригожусь, Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косой заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

- Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь. Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит - на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

- Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

- Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич вошёл в неё и видит - на печи, на девятом кирпичи, лежит Баба-яга, костяная нога, зубы - на полке, а нос в потолок врос.

- Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? - говорит ему Баба-яга. - Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

- Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

- Знаю, знаю, - говорит ему Баба-яга, - твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный, как свой глаз, бережёт.

Иван-царевич у Бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошёл туда Иван-царевич, видит - стоит, шумит высокий дуб, на нем казённый сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц - и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся, как ударит её - утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море.

Тут Иван-царевич залился горькими слезами - где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьется, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошёл в Кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

Кто сильнее? Африканская сказка

Птица ткач поймала червя.

- Отпусти меня, - взмолился он.

- Нет, я съем тебя, потому что я сильнее, - ответила птица.

Спустя некоторое время ее схватил ястреб и отнес в свое гнездо на вершине дерева.

- Смилуйся, освободи меня, - стала просить птица.

- Нет, я съем тебя, потому что я сильнее, - ответил ястреб.

Он убил ее и начал есть. Но тут появился гриф. Схватив ястреба, он воскликнул:

- Хвала всевышнему, я нашел еду!

- Прошу тебя, сжался надо мной, - взмолился ястреб.

- Ты хочешь, чтобы я оставил тебе жизнь и лег спать голодным? Нет, я съем тебя, потому что я сильнее, - сказал гриф и убил его.

А в это время к дереву подкрался охотник, и его стрела поразила грифа.

- Теперь ты умер и стал тем же, что и те, кого ты превосходил силой, - сказал охотник.

Ссора птиц. Индийская сказка

Один птицелов расстелил в лесу сеть, и в нее попались разные птицы: вороны, скворцы, голуби. Стали они говорить друг-другу:

— Соблазнила нас приманка, вот мы и попались. Давайте подумаем, как нам вырваться на волю. Будем стараться все как один, может, и освободимся!

Думали, думали и придумали.

— Давайте, — говорят, — все разом взмахнем крыльями и попробуем взлететь. Может нам удастся поднять сеть.

Взмахнули птицы крыльями, подняли сеть и полетели.

Увидал птицелов, что сеть с птицами летит — прямо диву дался и побежал вдогонку.

Наверху сеть с птицами летит, а внизу птицелов вдогонку бежит. Бежал, бежал, глаз с сети не спускал. А как пригляделся к птицам, так и подумал: «А ведь в сеть попались-то птицы разные! Может перессорятся! Тогда быстро лететь не смогут. Тут-то их сеть к земле и потянет». — Так оно и случилось.

Сначала все птицы дружно тащили сеть, но вскоре вороны закаркали: «Никто так не старается, как мы, вороны! Если бы мы так ленились, как все вы, сеть давно бы упала на землю!»

Услышали это голуби и рассердились:

— Будет вам бахвалиться! Мы больше вас стараемся!

Вступили в спор и остальные птицы. Стали они все браниться, стали крыльями еле-еле махать. Стала опускаться сеть все ближе к земле. Когда дружба врозь, работа на лад не идет.

Подбежал птицелов, ухватился за веревку, притянул сеть к себе. Унес всех птиц да в клетки их и пересажал.

Хвост. Чукотская сказка

Идёт белый медведь по ущелью, голову опустил: третьи сутки в рот ничего не брал, еле ноги переставляет. Смотрит, под горой лиса сидит и что-то ест.

— Что ты, лисонька, ешь?

— Хвост, — отвечает лиса.

Ущелье — узкая и глубокая долина в горах. Здесь: во льдах.

— Хвост? Какой хвост? Что-то я не понимаю.

— А тут и понимать нечего. Свой хвост.

— Свой?

— Ну да!

— А как же ты без хвоста жить будешь?

— Глупый ты! — рассмеялась лиса. — Хвост не камень — отрастёт. Ты его сколько ни ешь, а он опять такой же будет... Мне не впервой!

— Вот оно как, — удивился медведь. — И почему я этого раньше не знал?

— Потому и голодаешь, что не знал...

Обрадовался медведь, что наконец поест, потянулся к своему хвосту и так хватил острыми зубами, что почти весь его оторвал.

С тех пор и остался медведь без хвоста.

Алеша Попович. Русская народная сказка

На небесах зародился млад-светел месяц, на земле-то у старого соборного у Леонтья-попа зародился сын — могучий богатырь; а имя нарекли ему млад Алеша Попович — имечко хорошенькое. Стали Алешу кормить-поить: у кого недельный, он денной такой; у новых годовой, Алеша недельный такой. Стал Алеша по улочке похаживати, стал с малыми ребятками поигрывать: кого возьмет за ручку — ручка прочь, кого за ножку — ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! Кого за середку возьмет — живота лишит. И стал Алеша на возрасте; учал у отца-матери просить благословеньица: ехать-гулять во чисто поле.

Отец говорит:

- Алеша Попович! Поезжаешь ты во чисто поле; есть у нас и посильней тебя; ты возьми себе в слуги верные Марышка Паранова сына.

И садились добры молодцы на добрых коней; как поехали они во чисто поле — пыль столбом закурилася: только добрых молодцев и видели!

Приезжали добры молодцы ко князю ко Владимиру; тут Алеша Попович прямою идет в белокаменные палаты ко князю ко Владимиру, крест кладет по-писаному, поклоняется поученому на все на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встречает добрых молодцев Владимир-князь и сажает их за дубовый стол: хорошо добрых молодцев попоить-покормить и втапор вестей поспросить; учили добры молодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими. Тут спросил добрых молодцев Владимир-князь:

- Кто вы, добры молодцы? Сильные ли богатыри удалые или путники перехожие — сумки переметные? Не знаю я вам ни имени, ни отчины.

Ответ держит Алеша Попович:

- Я сын старого соборного Леонтья-попа Алеша Попович млад, а в товарищах слуга Марышко Паранов сын.

Как поел да попил Алеша Попович, учал правиться на кирпичну печь, лег полудновать, а Марышко за столом сидит.

В те поры да в то времечко наезжал Змеевич-богатырь и обла тынил все царство князя Владимира. Идет Тугарин Змеевич в палаты белокаменны ко князю Владимиру; он левой ногой на порог ступил, а правой ногой за дубовый стол; он пьет и ест и с княгиней обнимается, а над князем Владимиром играется и ругается; он кладет ковригу за щеку, а другую за другую кладет; на язык кладет целого лебедя, пирогом попихнул — все вдруг проглотнул.

Лежит Алеша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеевичу:

- Было у нашего батюшки у старого у Леонтья-попа — было коровище, было обжорище, ходило по пивоварням и съедало целые кадцы пивоварные с гущею; дошло коровище,

дошло обжорище до озера, всю воду из озера выпило — взяло его тут и розорвало, а и тебя бы Тугарина так за столом-то всего прирвало!

Рассердился Тугарин на Алешу Поповича, бросил в его булатным ножом; Алеша Попович увертлив был, увернулся от его за дубовый столб. Говорит Алеша таково слово:

- Спасибо тебе, Змеевич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я тебе очи ясные, засмотрю я твоего ретива сердца.

В те поры выскакал Марышко Паранов сын из-за стола из-за дубового на резвы ноги и хватил Тугарина за наворотъ, выхватил из-за столъя и бросил о палату белокаменну — и посыпались оконницы стекольчатые. Как возговорит Алеша Попович с кирпичной печи:

- Ой ты, Марышко, Марышко Паранов сын, ты верная слуга неизменная!

Отвечает Марышко Паранов сын:

- Подай-ка ты мне, Алеша Попович, булатный нож; распорю я Тугарину Змеевичу груди белые, застелю я ему очи ясные, засмотрю его ретива сердца.

Ответ держит Алеша с кирпичной печи:

- Ох ты, Марышко Паранов сын! Не руди ты палат-то белокаменных, отпусти его во чисто поле; некуда он там девается; съедемся с ним заутро во чистом поле.

Поутру раным-ранешенько подымался вместиах с солнышком Марышко Паранов сын, выводил он резвых коней пить воды на быстру реку. ЛетаеТ Тугарин Змеевич по поднебесью и просит Алешу Поповича во чисто поле. И приезжал Марышко Паранов сын к Алеше Поповичу:

- Бог тебе судья, Алеша Попович! Не дал ты мне булатного ножа; распорол бы я поганцу груди белые, застлал бы я его очи ясные, высмотрел бы я его ретива сердца; теперя что возьмешь у него, у Тугарина? ЛетаеТ он по поднебесью.

Говорит Алеша таково слово:

- Не замена моя, все измена!

Выводил Алеша своего добра коня, обседлал во черкасское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелковыми — не ради басы, ради крепости, поехал Алеша во чисто поле. Едет Алеша по чисту полю и видит Тугарина Змеевича: он летаеТ по поднебесью. И взмолился Алеша Попович:

- Пресвятая мати богородица! Накажи-ка ты тучу черную; дай бог из тучи черной часта дождичка крупенистого, смочило бы у Тугарина крыльица бумажные.

У Алеши была мольба доходная: накатилаcя туча черная; из той тучи грозной дал бог дождичка частого, частого да крупенистого, и смочило у Тугарина крыльица бумажные; пал он на сыру землю и поехал по чисту полю.

Не две горы вместе скатаются, то Тугарин с Алешей съезжались, палицами ударились — палицы по чивьям поломались, копьями соткнулись — копья чивьями извернулись, саблями махнулись — сабли исщербились. Тут-то Алеша Попович валился с седла, как овсяный сноп; и тут Тугарин Змеевич учал бить Алешу Поповича, а тот ли Алеша увертлив был, увернулся Алеша под конное черево, с другой стороны вывернулся из-под черева и ударил Тугарина булатным ножом под правую пазуху, и спихнул Тугарина со добра коня, и учал Алеша Попович кричать Тугарину:

- Спасибо тебе, Тугарин Змеевич, за булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я твои очи ясные, засмотрю я твоего ретива сердца.

Отрубил ему Алеша буйну голову, и повез он буйну голову ко князю ко Владимиру; едет да головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копьё головушку подхватывает. Тут Владимир ополохнулся:

- Везет-де Тугарин буйну голову Алеши Поповича! Попленил он теперь наше царство христианское!

Ответ держит Марышко Паранов сын:

- Не тужи ты, красно солнышко Владимир стольный, киевский! Если едет по земли, а не летает по поднебесью поганый Тугарин, сложит он свою буйну голову на мое копьё булатное; не печалуйся, князь Владимир: какова пора — я с им побратаются!

Посмотрел тут Марышко Паранов сын в трубочку подзорную, опознал он Алешу Поповича:

- Вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую.

Накруто Алеша коня поворачивает, головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копьё головушку подхватывает. Едет это не Тугарин поганый, а Алеша Попович, сын Леонтья-попа старого соборного; везет он головушку поганого Тугарина Змеевича.

Илья Муромец и змей. Русская народная сказка

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был мужичок и с хозяйюшкою. Живет он богатой рукой, всего у него довольно, капитал хороший имеет. И говорят они промеж собой, сидя с хозяйкою:

- Вот, хозяйка, довольно всего у нас, только у нас детей нету; станем просить бога, авось господь нам создаст детище хотя бы напоследях, при старости.

Стали просить бога, и забрюхатела она, и время пришло — родила детище. Прошел год, и два, и три года прошли, ноги у него не ходят, а должно б ему ходить; восемнадцать годов прошло — все без ног сидит.

Вот пошел отец с матерью на покос убирать сено, и остался сын один. Приходит к нему нищенский братия и просит у него милостыньку:

- Хозяинушка! Сотвори старичку господню милостыньку Христа ради!

Вот он ему и говорит:

- Старичок господень, не могу я тебе подать милостыньку: я без ног.

Вошел старичок в избу.

- Ну-тка, — говорит, — встань-ка с постели, дай мне ковшичек.

Вот, взявши, дал ему ковшичек.

- Поди, — говорит, — принеси мне водицы.

Принес ему воды и подает в ручки:

- Извольте, старичок господень!

Вот он ему назад и отдает.

- Выпей, — говорит, — в ковше всеё воду.

Опять посылает он его за водою:

- Опять сходи, принеси другой ковшик воды.

Шедши он за водою за которое дерево ни ухватится — из корню выдернет. Старичок господень и спрашивает у него:

- Слышишь ли теперь в себе силу?

- Слышу, старичок господень! Сила теперь во мне есть большая: кабы утвердить в подвселенную такое кольцо, я бы смог поворотить подвселенную.

Как принес он другой ковшик, старичок господень выпил полковша, а другую половину дал ему выпить: силы у него и поубавилось.

- Будет, — говорит он, — с тебя и этой силы!

Помолился старичок господень богу и пошел домой.

- Оставайся, — говорит, — с богом!

Скучно ему лежать, и пошел он копать в лес, свою силу пробовать. И ужаснулся народ, что он сделал, сколько лесу накопал! Вот идет и отец с матерью с покосу. Что это такое? Лес весь вырыт; кто такой вырыл? Подходят ближе. Жена и говорит своему мужу:

- Хозяин, ведь это наш Илюшенька роет!

- Дура, — говорит он, — не может наш Илюшенька это сделать; пустяки, что это наш Илюшенька!

И подошли к нему:

- Ах, батюшка ты наш, как тебе господь создал это?

Вот и говорит Илья:

- Пришел ко мне старичок господень, милостыньку просить стал; я ему и отвечаю:

- Старичок господень, не могу я тебе милостыньку подать: я без ног.

Вот он ко мне и пришел в избу:

- Ну-тка, говорит, встань-ка с постели, дай мне ковшичек!

Встал я и дал ему ковшичек.

- Поди, говорит, принеси мне водицы.

Принес ему воды и подал в ручки.

- Выпей, — говорит старичок, — в ковше всеё воду!

Выпил — и стала во мне сила великая!

Вот сходятся мужики на улицу, говорят промеж собою:

- Вона какой он стал сильный, могучий богатырь! — называют этак мужики Илью. — Вишь он наделал какую копать! Надобно, — говорят, — в городе объявить про него.

Вот узнал об нем и государь, что есть такой сильный, могучий богатырь; призвал его к себе, и показался он государю, и нарядил его государь в платье, како следует. И показался он всем и служить стал хорошо. Вот и говорит государь:

- Сильный, могучий ты богатырь! Подымешь ли мой дворец под угол?

- Извольте, ваше царское величество! Хошь набок, как угодно подыму его.

Вот у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать. И показалась она ему оченно, и хочет с ней обвенчаться.

Вот как-то государь и поехал в друго государство к королю к другому. Приезжает к другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился к ней змей летать об двенадцати голов, всеё ее иссушил: совсем извелась! Вот государь и говорит этому королю:

- У меня есть такой сильный, могучий богатырь, он убьет змея об двенадцати голов.

Король и просит:

- Пожалуйста — ко мне его пришлите.

Вот как приехал он в свое государство и разговаривает с своей государыней:

- У этакого-то короля повадился змей об двенадцати глав летать к дочери, всеё ее извел, иссосал.

И говорит:

- Илья Иванович! Не можешь ли ты послужить, его убить?

- Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью.

Вот государь и говорит:

- На почте поедешь и трахтами пойдешь, так и так-то возьмешь.

- Я верхом один поеду, пожалуйста мне жеребца.

- Войди в конюшню, — говорит ему государь, — выбирай любого.

А дочь просит его в другой комнате:

- Не ездите, Илья Иванович; вас убьет змей об двенадцати головах, не сможете с ним сладить.

Он и говорит:

- Извольте оставаться и ничего не думать; я приеду в сохранности и в добром здоровье.

Пошел в конюшню жеребца себе выбирать; пришел к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот спотыкнулся; перепробовал всех жеребцов в конюшне: на которого ни наложит руку — всякий спотыкается, ни один не удержит. Пришел к самому последнему жеребцу — так, в забросе стоял, — ударил его по спине рукой; он только заржал. И говорит Илья:

- Вот мой верный слуга, не спотыкнулся!

Приходит к государю:

- Выбрал, ваше царское величество, себе жеребца, слугу верного.

Отпускают его с молебном, со добрыми порядками.

Сел на доброго коня, ехал долго ли, мало ли, подъезжает к горе: прекрутая, большая гора, и на ней все песок; насилу въехал. На горе стоит столб, на столбе подписано три дороги: по одной дороге ехать — сам сыт будешь, конь голоден; по другой дороге ехать — конь сыт, сам голоден; по третьей дороге ехать — самого убьют. Вот он взял да и поехал по этой дороге, по которой самого убьют; а он на себя надеялся. Долго ли, мало ли ехал лесами дремучими: не можно взглянуть — такой лес! А тут сделалась в лесу елань такая широкая, а на ней стоит избушка. Подъезжает он к избушке и говорит:

- Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом.

Избушка поворотилась, стала к лесу задом, к нему передом. Слезает он с доброго коня и привязывает его к столбу. И услышала это баба-яга и говорит:

- Кто такой невежа приехал? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух хочу очьми видеть.

Вот, взявши, ударила она жезлом по двери, и дверь отворилась. А у ней в руках коса кривая, и хочет она ею взять богатыря за шею и срезать ему голову.

- Постой, баба-яга! — говорит он. — Я с тобой поправлюсь.

Взял у ней выдернул косу эту из рук, схватил ее за волосы, ударил ее и говорит:

- Ты бы прежде спросила, какой я фамилии, какого роду и какого поведения и куды еду.

Вот она и спрашивает:

- Какой вы фамилии, какого роду и куда едете?

- Меня зовут Илья Иванович, а еду туда-то.

- Пожалуйста, — говорит, — Илья Иванович, ко мне в горницу.

Вот он и пошел к ней в горницу; она сажает его за стол, ставит на стол кушанья и напитки всякие и потчевает, а девушку послала баньку топить для него. Вот покушал он и выпарился, перестоял у нее сутки и собирается опять в путь-дорогу, куда надлежит.

- Извольте, — говорит баба-яга, — я напишу письмо к сестрице, чтоб она вас не тронула, а приняла бы с честью с хорошею... А то она вас убьет, как завидит!

Отдает ему письмо и провожает его с честью доброю, хорошею.

Вот садится богатырь на доброго коня и поехал лесами дремучими; ехал много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лес! И приезжает на елань — такая широкая елань, а на ней стоит избушка наслана. Подъезжает он к избушке, и слезает с добра коня, и

привязывает своего добра коня к столбу. Услышала это баба-яга, что он привязывает к столбу коня, и закричала:

- Что такое? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух очьми хочу видеть.

Вот она ударила жезлом по двери; дверь отворилася. И хватает она его саблею по шее; он и говорит:

- Ты не моги со мною барахтаться! Вот тебе письмо сестрица прислала.

Она прочитала и принимает его с честью к себе в дом:

- Пожалуйста ко мне в гости!

Идет Илья Иванович. Она сажает его за стол и ставит на стол кушанья всякие, напитки и наедки, потчевает, а сама послала девушку топить для него баньку. Покушавши, пошел выпарился в бане. Двое суток он у ней перестоял, сам отдохнул, и добрый конь его отдохнул. Стал на добра коня садиться, и провожает она его с честью.

- Ну, Илья Иванович, — говорит, — таперьча тебе не проехать; тут Соловей-разбойник ждет, на семи дубах у него гнездо свито, он не допустит на тридесять верст — свистом оглушит!

Вот он ехал долго ли, мало ли, подъезжает к тому месту, что слышал свист от Соловья-разбойника, и как до половины дороги доехал, конь его спотыкнулся. Вот он и говорит:

- Не спотыкайся, добрый конь, уж послужи мне.

Подъезжает к Соловью-разбойнику, он все свищет. Подъехавши к гнезду, взял стрелу, натянул и пустил в него — и упал Соловей с гнезда. Вот он его на земле и ударил одна, чтобы не до смерти убить, и посадил к себе в корока на седло, и едет к дворцу. Видят его из дворца и говорят:

- Соловей-разбойник везет кого-то в короках!

Подъезжает богатырь ко дворцу и подает бумагу. Подали королю от него бумагу; тот прочитал и приказал его впустить. Вот и говорит король Илье Ивановичу:

- Велите Соловью-разбойнику засвистать.

А Соловей-разбойник говорит:

- Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклися.

Вот и принесли ему винца, а он говорит:

- Что мне штофик! Вы бы бочоночек принесли мне порядочный.

Принесли ему бочонок вина, вылили в ведро. Он выпил зараз и говорит:

- Еще бы Соловью-разбойничку две ведерочки, так выпил бы! — да уж не дали ему.

И просит король:

- Ну, прикажи, — говорит, — ему засвистать.

Илья велел ему засвистать, а короля и всю его фамилию поставил к себе под руки, под мышки:

- А то, — говорит, — он оглушит вас!

Как засвистал Соловей-разбойник, насилу остановил его Илья Иванович, ударил его жезлом — он и перестал свистать, а то было попадали все!

Вот и говорит король Илье Ивановичу:

- Послужишь ты мне вот этакую службу, как я стану тебя просить? К моей дочери вот летает змей о двенадцати голов; как бы его убить?

- Извольте, ваше королевское величество! Что для вас угодно — все сделаю.

- Пожалуйста, Илья Иванович; вот в таком-то часу прилетит змей к моей дочери, так постарайся!

- Извольте, ваше королевское величество!..

Лежит королевна в своей комнате; в двенадцать часов и летит к ней змей. Вот и стали они драться: как ни ударит Илья, так с змея голова долой; как ни ударит, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и последнюю голову с него сшиб: ударил жезлом и расшиб ее всю. Радехонька же королевна встала, пришла к нему и его благодарила; доложила отцу с матерью, что убит змей: все-де головы посбивал! Король и говорит:

- Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня.

- Нет, — говорит, — я поеду в свое государство.

Отпустил его король от себя с честью хорошею. Вот он и поехал опять тою же дорогою. Как приехал к первой бабе-яге ночевать, приняла она его с честью; и к другой приехал, и та приняла его с честью со всякою. Приехал в свое государство и подал государю от того короля бумагу. И государь принял его с честью, а дочь государева насилу дождалась:

- Ну, тятенька, извольте, я за него замуж пойду.

Отец с ней воли не снял:

- Ну, коли угодно, так поди!

Обвенчались и таперьча живут.

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Русская народная сказка

Скачет Илья Муромец во всю конскую прыть. Его конь, Бурушка-Косматушка с горы на гору перескакивает, реки-озера перепрыгивает, холмы перелетает. Доскакали они до Брынских лесов, дальше Бурушке скакать нельзя: разлеглись болота зыбучие, конь по брюхо в воде тонет. Соскочил Илья с коня. Он левой рукой Бурушку поддерживает, а правой рукой дубы с корнем рвет, настилает через болото настилы дубовые. Тридцать верст Илья настилов настелил - до сих пор по ним люди добрые ездят.

Так дошел Илья до речки Смородиной. Течет река широкая, бурливая, с камня на камень перекачивается. Заржал конь Бурушка, взвился выше темного леса и одним скачком перепрыгнул реку. А за рекой сидит Соловей-разбойник на трех дубах, на девяти суках. Мимо тех дубов ни сокол не пролетит, ни зверь не пробежит, ни змей не проползет. Все боятся Соловья-разбойника, никому умирать не хочется... Услыхал Соловей конский скок, привстал на дубах, закричал страшным голосом:

- Что это за невежа проезжает тут, мимо моих заповедных дубов? Спать не дает Соловью-разбойнику!

Да как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному, зашипит по-змеиному, так вся земля дрогнула, столетние дубы покачнулись, цветы осыпались, трава полегла. Бурушка-Косматушка на колени упал. А Илья в седле сидит, не шевельнется, русые кудри на голове не дрогнут. Взял он плетку шелковую, ударил коня по крутым бокам.

- Травяной ты мешок, не богатырский конь. Не слыхал ты разве писка птичьего, шипения гадючьего. Вставай на ноги, подвези меня ближе к Соловьиному гнезду, не то волкам тебя брошу на съедение.

Тут вскочил Бурушка на ноги, подскакал к Соловьиному гнезду. Удивился Соловей-разбойник

– Это что такое?

Из гнезда высунулся. А Илья, ни минуточки не мешкая, натянул тугой лук, спустил каленую стрелу, небольшую стрелу, весом в целый пуд. Взвыла тетива, полетела стрела, угодила Соловью в правый глаз, вылетела через левое ухо. Покатился Соловей из гнезда, словно овсяной сноп. Подхватил его Илья на руки, связал крепко ремнями сыромятными, подвязал к левому стремяни.

Глядит Соловей на Илью, слово вымолвить боится.

- Что глядишь на меня, разбойник, или русских богатырей не видывал?

- Ох, попал я в крепкие руки, видно не бывать мне больше на волюшке!

Поскакал Илья дальше по прямой дороге и прискакал на подворье Соловья-разбойника. У него двор на семи верстах, на семи столбах, у него вокруг железный тын, на каждой тычинке по маковке, на каждой маковке голова богатыря убитого. А на дворе стоят палаты белокаменные, как жар горят крылечки золоченые.

Увидала дочка Соловья богатырского коня, закричала на весь двор:

- Едет, едет наш батюшка Соловей Рахманович, везет у стремени мужичишку-деревенщину.

Выглянула в окно жена Соловья-разбойника, руками всплеснула:

- Что ты говоришь, неразумная! Это едет мужик-деревенщина и у стремени везет нашего батюшку - Соловья Рахмановича!

Выбежала старшая дочка Соловья - Пелька - во двор, ухватила доску железную, весом в девяносто пудов и метнула ее в Илью Муромца. Но Илья ловок да увертлив был, отмахнулся он от доски богатырской рукой, полетела доска обратно, попала в Пельку и убила ее до смерти. Бросилась жена Соловья Илье в ноги:

- Ты возьми у нас, богатырь, серебра, золота, бесценного жемчуга, сколько может увезти твой богатырский конь, отпусти только нашего батюшку, Соловья-разбойника.

Говорит ей Илья в ответ:

- Мне подарков несправедливых не надобно. Они добыты слезами детскими, они политы кровью русскою, нажиты нуждой крестьянскою. Как в руках разбойник - он всегда тебе друг, а отпустишь - снова с ним наплачешься. Я свезу Соловья в Киев-город, там на квас пропью, на калачи проем.

Повернул Илья коня и поскакал к Киеву. Приумолк Соловей, не шелохнется. Едет Илья по Киеву, подъезжает к палатам княжеским. Привязал он коня к столбику точеному, оставил на нем Соловья-разбойника, а сам пошел в светлую горницу. Там у князя Владимира пир идет, за столами сидят богатыри русские. Вошел Илья, поклонился, стал у порога:

- Здравствуй, князь Владимир с княгиней Апраксией, принимаешь ли к себе заезжего молодца?

Спрашивает его Владимир Красное Солнышко:

- Ты откуда, добрый молодец, как тебя зовут? Какого ты роду-племени?

- Зовут меня Ильей. Я из-под Муромца. Крестьянский сын из села Карачарова. Ехал я из Чернигова дорогой прямой, широкой. Я привез тебе, князь, Соловья-разбойника, он на твоём дворе у коня моего привязан. Ты не хочешь ли поглядеть на него?

Повскакали тут с мест князь с княгинею и все богатыри, поспешили за Ильей на княжеский двор. Подбежали к Бурушке-Косматушке. А разбойник висит у стремени, травяным мешком висит, по рукам-ногам ремнями связан. Левым глазом он глядит на Киев и на князя Владимира.

Говорит ему князь Владимир:

- Ну-ка засвищи по-соловьиному, зарычи по-звериному!

Не глядит на него Соловей-разбойник, не слушает:

- Не ты меня с бою брал, не тебе мне приказывать.

Просит тогда Владимир-князь Илью Муромца:

- Прикажи ты ему, Илья Иванович.

- Хорошо, только ты на меня, князь, не гневайся, закрою я тебя с княгиней полами моего кафтана крестьянского, не то, как бы беды не было. А ты, Соловей Рахманович, делай, что тебе приказано.

- Не могу я свистеть, у меня во рту запеклось.

- Дайте Соловью чару сладкого вина в полтора ведра, да другую пива горького, да третью меду хмельного, закусить дайте калачом ржаным, тогда он засвищет, потешит нас...

Напоили Соловья, накормили, приготовился Соловей свистать.

- Ты смотри, Соловей, - говорит Илья, - ты не смей свистать во весь голос, а свистни ты полусвистом, зарычи полурыком, а то будет худо тебе.

Не послушал Соловей наказа Ильи Муромца, захотел он разорить Киев-город, захотел убить князя с княгиней и всех русских богатырей. Засвистел он во весь соловьиный свист, заревел во всю мочь, зашипел во весь змеиный шип.

Что тут сделалось! Башенки на теремах покривились, крылечки от стен отвалились, стекла в горницах полопались, разбежались кони из конюшен, все богатыри на землю упали, на четвереньках по двору расползлись. Сам князь Владимир еле живой стоит, шатается, у Ильи под кафтаном прячется.

Рассердился Илья на разбойника:

- Я велел тебе князя с княгиней потешить, а ты сколько бед натворил. Ну, теперь я с тобой за все рассчитаюсь. Полно тебе обижать отцов-матерей, полно вдовить молодущек, сиротить детей, полно разбойничать. Взял Илья саблю острую и отрубил Соловью голову. Тут и конец Соловья настал.

- Спасибо тебе, Илья Муромец, - говорит Владимир-князь. - Оставайся в моей дружине, будешь старшим богатырем, над другими богатырями начальником. И живи ты у нас в Киеве, век живи, отныне и до смерти.

Великие путешественники. М. Зощенко

Когда мне было шесть лет, я не знал, что Земля имеет форму шара.

Но Степка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое земля. Он сказал:

— Земля есть круг. И если пойти все прямо, то можно обогнуть всю Землю и все равно придешь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Степка ударил меня по затылку и сказал:

— Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестренкой Лелей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Степке перочинный ножик. Степке понравился мой ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Степка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Леле:

— Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдет на речку стирать, мы сделаем что задумали. Мы пойдем всё прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не вернемся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушел целый год.

Леля сказала:

— А если, Степочка, мы встретим индейцев?

— Что касается индейцев, — ответил Степа, — то индейские племена мы будем брать в плен.

— А которые не захотят идти в плен? — робко спросил я.

— Которые не захотят, — ответил Степа, — тех мы и не будем брать в плен.

Леля сказала:

— Из моей копилки я возьму три рубля. Я думаю, что нам хватит этих денег.

Степка сказал:

— Три рубля нам безусловно хватит, потому что нам деньги нужны только лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дороге будем убивать мелких животных, и их нежное мясо мы будем жарить на костре.

Степка сбегал в сарай и принес оттуда большой мешок из-под муки. И в этот мешок мы стали собирать вещи, нужные для далеких путешествий. Мы положили в мешок хлеб и

сахар и кусочек сала, потом положили разную посуду — тарелки, стаканы, вилки и ножи. Потом, подумавши, положили цветные карандаши, волшебный фонарик, глиняный рукомойник и увеличительное стеклышко для зажигания костров. И, кроме того, запихали в мешок два одеяла и подушку от тахты.

Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек.

И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Степкина мать ушла на речку полоскать белье, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес.

Впереди бежала Степкина собачка Тузик. За ней шел Степка с громадным мешком на голове. За Степкой шла Леля со скакалкой. И за Лелей с тремя рогатками, сачком и удочкой шел я.

Мы шли около часа.

Наконец Степа сказал:

— Мешок дьявольски тяжелый. И я один его не понесу. Пусть каждый по очереди несет этот мешок.

Тогда Леля взяла этот мешок и понесла его.

Но она недолго несла, потому что выбилась из сил.

Она бросила мешок на землю и сказала:

— Теперь пусть Минька понесет.

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления, до того этот мешок оказался тяжелым.

Но я еще больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону, пока наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву.

Причем я свалился в канаву странным образом. Сначала упал в канаву мешок, а вслед за мешком, прямо на все эти вещи, нырнул и я. И хотя я был легкий, тем не менее я ухитрился разбить все стаканы, почти все тарелки и глиняный рукомойник.

Леля и Степка умирали от смеха, глядя, как я барахтаюсь в канаве. И поэтому они не рассердились на меня, узнав, какие убытки я причинил своим падением.

Степка свистнул собаку и хотел ее приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, чего мы от него хотим. Да и мы плохо соображали, как нам под это приспособить Тузика.

Воспользовавшись нашим раздумьем, Тузик прогрыз мешок и в одно мгновение скушал все сало.

Тогда Степка велел нам всем вместе нести этот мешок.

Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее мы шли еще два часа. И наконец вышли из леса на лужайку.

Тут Степка решил сделать привал. Он сказал:

— Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда будем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямо го пути.

И Степка сел у дороги, протянув вперед ноги.

Мы развязали мешок и начали закусывать.

Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком.

Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая, видимо, попробовать мой сахар, ужалила меня в щеку. Вскоре моя щека вздулась, как пирог. И я, по совету Степки, стал прикладывать к ней мох, сырую землю и листья.

Перед тем как пойти дальше, Степка выкинул из мешка почти все, что там было, и мы пошли налегке.

Я шел позади всех, скуля и хныча. Щека моя горела и ныла.

Леля тоже была не рада путешествию. Она вздыхала и мечтала о возвращении домой, говоря, что дома тоже бывает хорошо.

Но Степка запретил нам об этом и думать. Он сказал:

— Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.

Мы продолжали идти в плохом настроении.

И только у Тузика настроение было ничего себе.

Задрав хвост, он носился за птицами и своим лаем вносил излишний шум в наше путешествие.

Наконец стало темнеть.

Степка бросил мешок на землю. И мы решили тут заночевать.

Мы собрали хворосту для костра. И Степка извлек из мешка увеличительное стеклышко, чтоб разжечь костер.

Но не найдя на небе солнца, Степка приуныл. И мы тоже огорчились.

И, покушав хлеба, легли в темноте.

Степка торжественно лег ногами вперед, говоря, что утром нам будет ясно, в какую сторону идти.

Степка тотчас захрапел. И Тузик тоже засопел носом. Но мы с Лелей долго не могли заснуть. Нас пугал темный лес и шум деревьев.

Сухую ветку под головой Леля вдруг приняла за змею и от ужаса завизжала.

А упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик.

Наконец мы задремали.

Я проснулся от того, что Леля теребила меня за плечи. Было раннее утро. И солнце еще не взошло.

Леля шепотом сказала мне:

— Минька, пока Степка спит, давай повернем его ноги в обратную сторону. А то он заведет нас, куда Макар телят не гонял.

Мы посмотрели на Степку. Он спал с блаженной улыбкой.

Мы с Лелей ухватились за его ноги и в одно мгновение повернули их в обратную сторону, так что Степкина голова описала полукруг.

Но от этого Степка не проснулся.

Он только застонал во сне и замахал руками, бормоча: «Эй, сюда, ко мне...»

Наверное, ему снилось, что на него напали индейцы и он зовет нас на помощь.

Мы стали ждать, когда Степка проснется.

Он проснулся с первыми лучами солнца и, посмотрев на свои ноги, сказал:

— Хороши бы мы были, если б я лег ногами куда попало. Вот мы бы и не знали, в какую сторону нам идти. А теперь благодаря моим ногам всем нам ясно, что надо идти туда.

И Степка махнул рукой по направлению дороги, по которой мы шли вчера.

Мы покушали хлеба и двинулись в путь.

Дорога была знакома. И Степка то и дело раскрывал рот от удивления. Тем не менее он сказал:

— Кругосветное путешествие тем и отличается от других путешествий, что все повторяется, так как Земля есть круг.

Позади раздался скрип колес. Это какой-то дяденька ехал в пустой телеге. Степка сказал:

— Для быстроты путешествия и чтоб скорей обогнуть Землю, не худо бы нам сесть в эту телегу.

Мы стали проситься, чтоб нас подвезли. Добродушный дяденька остановил телегу и позволил нам в нее сесть.

Мы быстро покатили. И ехали не больше часа. Вдруг впереди показалась наша деревня Пески. Степка, раскрыв рот от изумления, сказал:

— Вот деревня, в аккурат похожая на нашу деревню Пески. Это бывает во время кругосветных путешествий.

Но Степка еще больше изумился, когда мы подъехали к пристани.

Мы вылезли из телеги.

Сомнения не оставалось — это была наша пристань, и к ней только что подошел пароход.

Степка прошептал:

— Неужели же мы обогнули землю?

Леля фыркнула, и я тоже засмеялся.

Но тут мы увидели на пристани наших родителей и нашу бабушку — они только что сошли с парохода.

И рядом с ними мы увидели нашу няньку, которая с плачем что-то говорила.

Мы подбежали к родителям.

И родители засмеялись от радости, что увидели нас.

Нянька сказала:

— Ах, дети, а я думала, что вы вчера потонули.

Леля сказала:

— Если бы мы вчера потонули, то мы бы не могли отправиться в кругосветное путешествие.

Мама воскликнула:

— Что я слышу! Их надо наказать.

Папа сказал:

— Все хорошо, что хорошо кончается.

Бабушка, сорвав ветку, сказала:

— Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпорот мама. А Лелю я беру на себя.

Папа сказал:

— Порка — это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети, небось, и без порки поняли, какую глупость они совершили.

Мама, вздохнув, сказала:

— У меня дурацкие дети. Идти в кругосветное путешествие, не зная таблицы умножения и географии, — ну что это такое!

Папа сказал:

— Мало знать географию и таблицу умножения. Чтоб идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать все, что там преподают, включая космографию. А те, которые пускаются в дальний путь без этих знаний, приходят к печальным результатам, достойным сожаления.

С этими словами мы пришли домой. И сели обедать. И наши родители смеялись и ахали, слушая наши рассказы о вчерашнем приключении.

Что касается Степки, то его мамаша заперла в бане, и там наш великий путешественник просидел целый день.

А на другой день мамаша его выпустила. И мы с ним стали играть как ни в чем не бывало.

Остается еще сказать несколько слов о Тузике.

Тузик бежал за телегой целый час и очень переутомился. Прибежав домой, он забрался в сарай и там спал до вечера. А вечером, покушав, снова заснул, и что он видел во сне — остается покрытым мраком неизвестности.

Детство. И. Суриков

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернули санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася выюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой...

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал;
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку, —
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

А во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица,
Точно жар, горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я...

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

Заколдованная буква. В. Драгунский

Недавно мы гуляли во дворе: Аленка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нем лежит елка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофер с нашим дворником стали елку выгружать. Они кричали друг на друга:

– Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Становь ее на попа! Легче, а то весь шпич обломаешь.

И когда выгрузили, шофер сказал:

– Теперь надо эту елку заактивировать, – и ушел.

А мы остались возле елки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Аленка взялась за одну веточку и сказала:

– Смотрите, а на елке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

– Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

– Пять лет девчонке, а говорит «сыски»... Хаха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

– Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

– Ик!.. Сыски. Ик! Ик! Умру от смеха! Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошел с ума. Я орал:

– Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она – сыски.

У Аленки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

– Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

– Эка невидаль! У нее зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я все равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово – хыхх-кии! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зеленая,

Боюсь уколюся я.

Но Аленка как закричит. Одна громче нас двоих:

– Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

– Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» – «Хыхки!» – «Сыски!».

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шел домой и все время думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился и внятно сказал:

– Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё!

Конь-огонь. В. Маяковский

Сын

отцу твердил раз триста,

за покупкою гоня:

— Я расту кавалеристом.

Подавай, отец, коня! —

О чем же долго думать тут?

Игрушек

в лавке

много вам.

И в лавку

сын с отцом идут

купить четвероногого.

В лавке им

такой ответ:

— Лошадей сегодня нет.

Но, конечно,

может мастер

сделать лошадь

всякой масти,—

Вот и мастер. Молвит он:

— Надо

нам

достать картон.

Лошадей подобных тело

из картона надо делать.—

Все пошли походкой важной

к фабрике писчебумажной.

Рабочий спрашивать их стал!

— Вам толстый

или тонкий? —

Спросил

и вынес три листа
отличнейшей картонки.

— Кстати

нате вам и клей.

Чтобы склеить —

клей налей.—

Тот, кто ездил,

знает сам,

нет езды без колеса.

Вот они у столяра.

Им столяр, конечно, рад.

Быстро,

ровно, а не криво,
сделал им колесиков.

Есть колеса,

нету гривы,

нет

на хвост волосиков.

Где же конский хвост найти нам?

Там,

где щетки и щетина.

Щетинщик возражать не стал,—

чтоб лошадь вышла дивной,

дал

конский волос

для хвоста
и гривы лошадиной.
Спохватились —
нет гвоздей.
Гвоздь необходим везде.
Повели они отца
в кузницу кузнеца.
Рад кузнец.
— Пожалте, гости!
Вот вам
самый лучший гвоздик.—
Прежде чем работать сесть,
осмотрели —
все ли есть?
И в один сказали голос:
— Мало взять картон и волос.
Выйдет лошадь бедная,
скучная и бледная.
Взять художника и краски,
чтоб раскрасил
шерсть и глазки.—
К художнику,
удал и быстр,
вбегает наш кавалерист.
— Товарищ,
вы не можете
покрасить шерсть у лошади?
— Могу.—
И вышел лично
с краскою различной.

Сделали лошажье тело,
дальше дело закипело.
Компания остаток дня
впустую не теряла
и мастерить пошла коня
из лучших матерьялов.
Вместе взялись все за дело.
Режут лист картонки белой,
клеем лист насквозь пропитан.
Сделали коню копыта,
щетинщик вделал хвостик,
кузнец вбивает гвоздик.
Быстра у столяра рука —
столяр колеса остругал.
Художник кистью лазит,
лошадке
 глазки красит,
Что за лошадь,
 что за конь —
горячей, чем огонь!
Хоть вперед,
 хоть назад,
хочешь — в рысь,
 хочешь — в скок.
Голубые глаза,
в желтых яблоках бок.
Взнуздан
 и оседлан он,
крепко сбруей оплетен.

На спину сплетенному —

помогай Буденному!

«Он живой и светится...» В. Драгунский

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы все еще не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались темные облака – они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы все не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждет меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял ее сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

– Здорово!

И я сказал:

– Здорово!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

– Ого! – сказал Мишка. – Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Ее можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

– Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало еще темнее.

Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придет мама. Но она все не шла. Видно, встретила тетю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лег на песок.

Тут Мишка говорит:

– Не дашь самосвал?

– Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

– Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

– Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

– Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

– Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

– Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

– А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

– Ну, была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял ее в руки.

– Ты открой ее, – сказал Мишка, – тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зеленый огонек, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звездочка, и в то же время я сам держал ее сейчас в руках.

– Что это, Мишка, – сказал я шепотом, – что это такое?

– Это светлячок, – сказал Мишка. – Что, хорош? Он живой, не думай.

– Мишка, – сказал я, – бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звездочку, я ее домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зеленый, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит мое сердце, и чуть-чуть колело в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

– Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

– Я, мама, променял его.

Мама сказала:

– Интересно! А на что?

Я ответил:

– На светлячка! Вот он, в коробочке живет. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоем смотреть на бледно-зеленую звездочку.

Потом мама зажгла свет.

– Да, – сказала она, – это волшебство! Но все-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

– Я так долго ждал тебя, – сказал я, – и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

– А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

– Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Самое главное. М. Зощенко

Жил на свете мальчик Андрюша Рыженький. Это был трусливый мальчик. Он всего боялся. Он боялся собак, коров, гусей, мышей, пауков и даже петухов.

Но наиболее всего он боялся чужих мальчишек.

И мама этого мальчика очень и очень грустила, что у неё такой трусливый сынок.

В одно прекрасное утро мама этого мальчика сказала ему:

— Ах, как плохо, что ты всего боишься! Только храбрые люди хорошо живут на свете. Только они побеждают врагов, тушат пожары и отважно летают на самолётах. И за это все любят храбрых людей. И все их уважают. Дарят им подарки и дают ордена и медали. А трусливых никто не любит. Над ними смеются и потешаются. И от этого у них жизнь бывает плохая, скучная и неинтересная.

Мальчик Андрюша так ответил своей маме:

— С этих пор, мама, я решил быть храбрым человеком. И с этими словами Андрюша пошёл во двор погулять. А во дворе мальчишки играли в футбол. Мальчишки эти, обыкновенно, задевали Андрюшу.

И он их боялся как огня. И всегда от них убегал. Но сегодня он не убежал. Он крикнул им:

— Эй вы, мальчишки! Сегодня я не боюсь вас! Мальчишки удивились, что Андрюша так смело им крикнул. И даже сами немножко испугались. И даже один из них — Санька Палочкин — сказал:

— Сегодня Андрюшка Рыженький что-то задумал против нас. Давайте лучше уйдём, а то нам, пожалуй, попадёт от него.

Но мальчишки не ушли. Один дёрнул Андрюшу за нос. Другой сбил ему кепку с головы. Третий мальчик ткнул Андрюшу кулаком. Короче говоря — они немножко побили Андрюшу. И тот с рёвом вернулся домой.

И дома, утирая слёзы, Андрюша сказал маме:

— Мама, я сегодня был храбрый, но из этого ничего хорошего не получилось.

Мама сказала:

— Глупый мальчик. Недостаточно быть только храбрым, надо быть ещё сильным. Одной храбростью ничего нельзя сделать.

И тогда Андрюша незаметно от мамы взял бабушкину палку и с этой палкой пошёл во двор. Подумал: „Вот теперь я буду сильнее, чем обычно. Теперь я разгоню мальчишек в разные стороны, если они на меня нападут».

Андрюша вышел с палкой на двор. А на дворе мальчишек уже не было.

Там гуляла чёрная собака, которой Андрюша всегда боялся.

Размахивая палкой, Андрюша сказал этой собаке: — Попробуй только залай на меня — получишь по заслугам. Узнаешь, что такое палка, когда она прогуляется по твоей голове.

Собака начала лаять и бросаться на Андрюшу. Размахивая палкой, Андрюша раза два ударил собаку по голове, но та забежала сзади и немного порвала Андрю-шины штаны.

И Андрюша с рёвом побежал домой. А дома, утирая слёзы, он сказал своей маме:

— Мама, как же это так? Я сегодня был сильный и храбрый, но из этого ничего хорошего не получилось. Собака разорвала мои штаны и чуть не укусила меня.

Мама сказала:

— Ах ты, глупый мальчонка! Недостаточно быть храбрым и сильным. Надо ещё иметь смекалку. Надо думать и соображать. А ты поступил глупо. Ты размахивал палкой и этим рассердил собаку. Вот за это она и порвала твои штаны. Ты сам виноват.

Андрюша сказал своей маме: — С этих пор я буду всякий раз думать, когда что-нибудь случится.

И вот Андрюша Рыженький в третий раз вышел погулять. Но во дворе уже не было собаки. И мальчишек тоже не было.

Тогда Андрюша Рыженький вышел на улицу, чтобы посмотреть, где мальчишки.

А мальчишки купались в реке. И Андрюша стал смотреть, как они купаются.

И в этот момент один мальчишка, Санька Палочкин, захлебнулся в воде и стал кричать:

— Ой, спасите, тону!

А мальчишки испугались, что он тонет, и побежали звать взрослых, чтобы те спасли Саньку.

Андрюша Рыженький крикнул Саньке:

— погоди тонуть! Я тебя сейчас спасу.

Андрюша хотел броситься в воду, но потом подумал: «Ой, я плохо плаваю, и у меня не хватит силы спасти Саньку. Я поступлю умней: я сяду в лодку и на лодке подплыву к Саньке».

А у самого берега стояла рыбацкая лодка. Андрюша оттолкнул эту лодку от берега и сам вскочил в неё.

А в лодке лежали вёсла. Андрюша стал бить этими вёслами по воде. Но у него ничего не вышло: он не умел грести. И течение отнесло рыбацкую лодку на середину реки. И Андрюша от страха стал кричать.

А в этот момент по реке плыла другая лодка. И в этой лодке сидели люди.

Эти люди спасли Саню Палочкина. И, кроме того, эти люди догнали рыбацкую лодку, взяли её на буксир и доставили к берегу.

Андрюша пошёл домой и дома, утирая слёзы, сказал своей маме:

— Мама, я сегодня был храбрый, я хотел спасти мальчика. Я сегодня был умный, потому что не бросился в воду, а поплыл в лодке. Я сегодня был сильный, потому что оттолкнул

тяжёлую лодку от берега и тяжёлыми вёслами колотил по воде. Но у меня ничего не вышло.

Мама сказала:

— Глупый мальчик! Я забыла тебе сказать самое главное. Недостаточно быть храбрым, умным и сильным. Это слишком мало. Надо ещё иметь знания. Надо уметь грести, уметь плавать, ездить верхом на лошади, летать на самолёте. Надо многое знать. Надо знать арифметику и алгебру, химию и геометрию. А для того чтобы это всё знать, надо учиться. Кто учится, тот бывает умным. А кто умный, тот должен быть храбрым. А храбрых и умных все любят, потому что они побеждают врагов, тушат пожары, спасают людей и летают на самолётах.

Андрюша сказал:

— С этих пор я буду всему учиться.

И мама сказала:

— Вот и хорошо.

«Домовой» в зоопарке. В. Чаплина

Когда служитель Правиков пришёл утром убирать львятник, он не узнал помещения: валялись на полу разбитые горшки, цветы, земля, а из открытой печки высыпалась вся зола. Правиков протёр глаза. Вчера они со вторым служителем, дядей Павлом, ушли, оставили всё в порядке, а сегодня!.. Кто же это мог сделать? Но задумываться было некогда. Надо убрать помещение и вымыть клетки до прихода публики. В это время пришёл дядя Павел, и, решив, что это чья-нибудь шутка, служители принялись за уборку. Как и всегда, Правиков начал с огромного тигра Раджи. Раджи был самым злым из всех тигров Зоопарка. Когда Правиков к нему подходил, он бросался на решётку и так бил лапами, что она тряслась.

Правиков Раджи не боялся. Он знал, что широкая лапа тигра не пройдёт через прутья и что гораздо больше нужно опасаться узкой лапы леопарда Васьки. Васька любил поохотиться даже в клетке. Идёт, бывало, Правиков, а он притаится в углу и караулит служителя. Ну совсем как кошка за мышкой! А чуть только служитель зазеваётся — схватит. Лапа у него сильная, когти острые, ни за что не вырвешься.

Хорошо знал служитель своих зверей. Но вот почему сегодня Васька не бросился, как всегда, на решётку? Подошёл Правиков и видит: в клетке леопарда кровь. Кровь покрывала пятнами пол. Правиков испугался. Он схватил длинный железный прут и стал им стучать по решётке. Нужно было поднять зверя и посмотреть, что с ним случилось. Васька встал и, хромя, отошёл в сторону. Одна из его передних лап оставляла кровавый след.

Вызвали ветеринара. Ветеринар поманил Ваську к решётке, внимательно осмотрел его лапу и сказал, что это укус. Хотя сидевшая в той же клетке леопард Маруська никогда не дралась, подумали на неё.

Остальная часть дня прошла как обычно. В два часа привезли мясо, в три накормили зверей, и, перед уходом налив в поенки воды, служители ушли.

На следующее утро дядя Павел и Правиков пришли вместе. Вместе открыли помещение и... остолбенели. Что за штука! Можно было подумать, что они вчера не убрали. Везде валялись черепки разбитых горшков, поломанные цветы, а у любимицы Правикова — Маруськи текла из лапы кровь. Это уж было чересчур!

Оставив всё, как застали, служители пошли узнать у сторожа, не брал ли кто ключ. Тот даже обиделся. «Сколько лет работаю, — кричал он, — ни разу греха не было!»

Врач, осмотрев Маруськину лапу, тоже сказал, что укус.

Совсем такой же укус и тоже на передней лапе оказался ещё у пантеры.

С этого дня начались мучения служителей. Каждое утро, отпирая львятник, находили они в нём беспорядок, каждое утро кто-нибудь из зверей был покусан. Правиков не знал, на кого и подумать. Чего он только не делал! Брал с собой ключ, ставил на дверях заметки — всё безрезультатно. Зато его помощник дядя Павел сразу решил, что это дело рук «домового». Он крепко верил, что есть на свете ведьмы, черти, и, когда решил, что в львятнике завелась нечистая сила, подал заявление о переводе на другую работу. Тогда,

чтобы выяснить причину ночных происшествий, решили изловить виновника всего — «домового».

Вечером, когда Правиков с дядей Павлом сдали ключи и ушли домой, к сторожу подошли несколько дежурных ребят из КЮБЗа. Они попросили у него ключи от львятника и показали записку от директора. В записке было сказано, чтобы ребятам выдать ключи. Сторож удивился, но ключи всё-таки дал. Ребята давно убежали, а он ещё долго смотрел им вслед.

Позднее, когда закрылся Зоопарк, к львятнику подошли знакомые нам ребята. Быстро открыли дверь помещения и спрятались под длинными рядами клеток. Некоторое время там слышалась возня, потом всё затихло. Встревоженные звери успокоились, и только скучавший по воле Раджи, хрипло мяукая, долго ещё ходил по клетке. Наконец лёг и он. Стало совсем тихо, и было слышно, как тикают часы. Было одиннадцать часов.

Вдруг в самом дальнем углу львятника что-то завозилось. Ребята вздрогнули, но тут же успокоились — в своей клетке проснулся барсук. Он подошёл к решетке, потянул носом воздух и осторожно полез наверх. Встревоженный леопард насторожился. А барсук, держась лапами за перекладины, просунул сквозь прутья голову и, ловко извернувшись, очутился на свободе.

Леопард Васька подбежал к решётке и замер, ожидая барсука. Ничего не подозревая, барсук слез вниз и медленно пошёл вдоль клеток по длинному, Узкому карнизу. Когда он поравнялся с клеткой леопарда, подстерегавший его хищник прыгнул. Далеко за решётку просунул он лапу, чтобы схватить барсука, но тут же её с рёвом отдернул. Из лапы текла кровь, а барсук спокойно продолжал свой путь. Дойдя до конца, он спустился по скамейке на пол и, цокая длинными когтями, побежал к стоявшим в помещении цветам.

Ребятам очень хотелось поймать беглеца, но, вспомнив, что пришли не за этим, они остались на месте.

Барсук опасности не замечал. Он спокойно залез на подставки и стал сбрасывать оттуда цветы. Ломались хрупкие хризантемы, астры... Их красивые белые шапки откатывались в стороны, а падающие горшки наполнили помещение шумом. Проснулись звери. Они метались по клеткам, рычали. Горевшие злобой глаза жадно следили за погромщиком, а барсук продолжал своё дело. От одной подставки перешёл к другой, третьей, пока все цветы львятника не очутились на полу. Тогда он стал разбрасывать землю. Выгребал её из разбитых горшков, что-то усердно искал и, находя, с аппетитом чавкал.

Покончив с этим, барсук перевернул все урны, подставки, слазил даже в печку и выбросил оттуда всю золу. Потом стал играть. До чего же смешны были его движения! Сидевшие в засаде ребята едва сдерживали смех. Мягко, словно тело его было без костей, барсук кувыркался через голову, поднимая дыбом шерсть, отчего становился вдруг похожим на шар; он подпрыгивал, как заводная игрушка, или валялся на спине, держа в передних лапах осколок черепка, камешек.

Время шло. Сквозь окна львятника уже пробивалась узкая полоска света наступающего дня. Но никто из ребят не уснул. С барсуком не уснёшь!

Зазвенел в дверях ключ. Уловив этот звук, барсук насторожился. Потом, вдруг засопев, торопливо побежал к табуретке, влез на карниз и знакомой дорогой, через раздвинутые под потолком прутья, проник к себе в клетку. Клетка заменяла ему нору, и барсук искал в ней спасения. Едва он скрылся, как в помещение вошли дядя Павел и Правиков. Увидев

беспорядок и выползавших из-под клеток ребят, они только развели руками. Тут, перебивая друг друга, рассказали им ребята о ночных похождениях барсука.

— А домового мы так и не видели, — сказал в заключение один из мальчиков.

Правиков засмеялся. Он подошел к клетке с барсуком, внимательно осмотрел изогнутые прутья и аккуратно переплёл их проволокой. С этого дня в помещении был полный порядок, а дядя Павел перестал верить в домовых.

Белолобый. А. Чехов

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Ее волчата, все трое, крепко спали, сбившись в кучу, и грели друг друга. Она облизала их и пошла.

Был уже весенний месяц март, но по ночам деревья трещали от холода, как в декабре, и едва высунешь язык, как его начинало сильно щипать. Волчиха была слабого здоровья, мнительная; она вздрагивала от малейшего шума и все думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат. Запах человеческих и лошадиных следов, пни, сложенные дрова и темная унавоженная дорога пугали ее; ей казалось, будто за деревьями в потемках стоят люди и где-то за лесом воют собаки.

Она была уже не молода и чутье у нее ослабело, так что, случалось, лисий след она принимала за собачий в иногда даже, обманутая чутьем, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости. По слабости здоровья она уже не охотилась на телят и крупных баранов, как прежде, и уже далеко обходила лошадей с жеребятами, а питалась одною падалью; свежее мясо ей приходилось кушать очень редко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у нее детей или забиралась к мужикам в хлев, где были ягнята.

В верстах четырех от ее логовища, у почтовой дороги, стояло зимовье. Тут жил сторож Игнат, старик лет семидесяти, который все кашлял и разговаривал сам с собой; обыкновенно ночью он спал, а днем бродил по лесу с ружьем-одностволкой и посвистывал на зайцев. Должно быть, раньше он служил в механиках, потому что каждый раз, прежде чем остановиться, кричал себе: «Стоп, машина!» и прежде чем пойти дальше: «Полный ход!» При нем находилась громадная черная собака неизвестной породы, по имени Арапка. Когда она забежала далеко вперед, то он кричал ей: «Задний ход!» Иногда он пел и при этом сильно шатался и часто падал (волчиха думала, что это от ветра) и кричал: «Сошел с рельсов!»

Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки, и когда она не так давно пробежала мимо, то ей послышалось, будто в хлеву блекли. И теперь, подходя к зимовью, она соображала, что уже март и, судя по времени, в хлеву должны быть ягнята непременно. Ее мучил голод, она думала о том, с какою жадностью она будет есть ягненка, и от таких мыслей зубы у нее щелкали и глаза светились в потемках, как два огонька.

Изба Игната, его сарай, хлев и колодец были окружены высокими сугробами. Было тихо. Арапка, должно быть, спала под сараем.

По сугробу волчиха взобралась на хлев и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, так что волчиха едва не провалилась; на нее вдруг прямо в морду пахнуло теплым паром и запахом навоза и овечьего молока. Внизу, почувствовав холод, нежно заблеял ягненок. Прыгнув в дыру, волчиха упала передними лапами и грудью на что-то мягкое и теплое, должно быть, на барана, и в это время в хлеву что-то вдруг завизжало, залаяло и залилось тонким, подвывающим голосом, овцы шарахнулись к стенке, и волчиха, испугавшись, схватила, что первое попало в зубы, и бросилась вон...

Она бежала, напрягая силы, а в это время Арапка, уже почуявшая волка, неистово выла, кудахтали в зимовье потревоженные куры, и Игнат, выйдя на крыльцо, кричал:

— Полный ход! Пошел к свистку!

И свистел, как машина, и потом — го-го-го-го!.. И весь этот шум повторяло лесное эхо.

Когда мало-помалу все это затихло, волчиха успокоилась немного и стала замечать, что ее добыча, которую она держала в зубах и волокла по снегу, была тяжелее и как будто тверже, чем обыкновенно бывают в эту пору ягнята; и пахло как будто иначе, и слышались какие-то странные звуки... Волчиха остановилась и положила свою ношу на снег, чтобы отдохнуть и начать есть, и вдруг отскочила с отвращением. Это был не ягненок, а щенок, черный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки. Судя по манерам, это был невежа, простой дворняжка. Он облизал свою помятую, раненую спину и, как ни в чем не бывало, замахал хвостом и залаял на волчиху. Она зарычала, как собака, и побежала от него. Он за ней. Она оглянулась и щелкнула зубами; он остановился в недоумении и, вероятно, решив, что это она играет с ним, протянул морду по направлению к зимовью и залился звонким радостным лаем, как бы приглашая мать свою Арапку поиграть с ним и с волчихой.

Уже светало, и когда волчиха пробиралась к себе густым осинником, то было видно отчетливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто вспархивали красивые петухи, обеспокоенные неосторожными прыжками и лаем щенка.

«Зачем он бежит за мной? — думала волчиха с досадой. — Должно быть, он хочет, чтобы я его съела».

Жила она с волчатами в неглубокой яме; года три назад во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на дне ее были старые листья и мох, тут же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись и все трое, очень похожие друг на друга, стояли рядом на краю своей ямы и, глядя на возвращавшуюся мать, помахивали хвостами. Увидев их, щенок остановился поодаль и долго смотрел на них; заметив, что они тоже внимательно смотрят на него, он стал лаять на них сердито, как на чужих.

Уже рассвело и взошло солнце, засверкал кругом снег, а он все стоял поодаль и лаял. Волчата сосали свою мать, пихая ее лапами в тощий живот, а она в это время грызла лошадиную кость, белую и сухую; ее мучил голод, голова разболелась от собачьего лая, и хотелось ей броситься на непрошенного гостя и разорвать его.

Наконец щенок утомился и охрип; видя, что его не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал несмело, то приседая, то подскакивая, подходить к волчатам. Теперь, при дневном свете, легко уже было рассмотреть его... Белый лоб у него был большой, а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак; глаза были маленькие, голубые, тусклые, а выражение всей морды чрезвычайно глупое. Подойдя к волчатам, он протянул вперед широкие лапы, положил на них морду и начал:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенок ударил лапой одного волчонка по большой голове. Волчонок тоже ударил его лапой по голове. Щенок стал к нему боком и посмотрел на него искоса, помахивая хвостом, потом вдруг рванулся с места и сделал несколько кругов по насту. Волчата погнались за ним, он упал на спину и задрал вверх ноги, а они втроем напали на него и, визжа от восторга, стали кусать его, но не больно, а в шутку. Вороны сидели на высокой сосне и смотрели сверху на их борьбу, и очень беспокоились. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему; и

петухи, то и дело перелетавшие через сосну, поваленную бурей, при блеске солнца казались изумрудными.

Обыкновенно волчихи приучают своих детей к охоте, давая им поиграть добычей; и теперь, глядя, как волчата гонялись по насту за щенком и боролись с ним, волчиха думала:

«Пускай приучаются».

Наигравшись, волчата пошли в яму и легли спать. Щенок повыл немного с голоду, потом также растянулся на солнышке. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечером волчиха вспоминала, как прошлой ночью в хлеву блеял ягненок и как пахло овечьим молоком, и от аппетита она все щелкала зубами и не переставала грызть с жадностью старую кость, воображая себе, что это ягненок. Волчата сосали, а щенок, который хотел есть, бегал кругом и обнюхивал снег.

«Съем-ка его...» — решила волчиха.

Она подошла к нему, а он лизнул ее в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с ним. В былое время она едала собак, но от щенка сильно пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпела этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь...

К ночи похолодело. Щенок соскучился и ушел домой.

Когда волчата крепко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Как и в прошлую ночь, она тревожилась малейшего шума, и ее пугали пни, дрова, темные, одиноко стоящие кусты можжевельника, издали похожие на людей. Она бежала в стороне от дороги, по насту. Вдруг далеко впереди на дороге замелькало что-то темное... Она напрягла зрение и слух: в самом деле, что-то шло впереди, и даже слышны были мерные шаги. Не барсук ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая все в сторону, обогнала темное пятно, оглянулась на него и узнала. Это, не спеша, шагом, возвращался к себе в зимовье щенок с белым лбом.

«Как бы он опять мне не помешал», — подумала волчиха и быстро побежала вперед.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлев по сугробу. Вчерашняя дыра была уже заделана яровой соломой, и по крыше протянулись две новые следи. Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идет ли щенок, но едва пахнуло на нее теплым паром и запахом навоза, как сзади послышался радостный, залихватый лай. Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял еще громче... Арапка проснулась под сараем и, почуяв волка, завывала, закудахтали куры, и когда на крыльце показался Игнат со своей одностволкой, то перепуганная волчиха была уже далеко от зимовья.

— Фюйть! — засвистел Игнат. — Фюйть! Гони на всех парах!

Он спустил курок — ружье дало осечку; он спустил еще раз — опять осечка; он спустил в третий раз — и громадный огненный снаряд вылетел из ствола и раздалось оглушительное «бу! бу!» Ему сильно отдало в плечо; и, взявши в одну руку ружье, а в другую топор, он пошел посмотреть, отчего шум...

Немного погодя он вернулся в избу.

— Что там? — спросил хриплым голосом странник, ночевавший у него в эту ночь и разбуженный шумом.

— Ничего... — ответил Игнат. — Пустое дело. Повадились наш Белолобый с овцами спать, в тепле. Только нет того понятия, чтобы в дверь, а норовит все как бы в крышу. Намедни ночью разобрал крышу и гулять ушел, подлец, а теперь вернулся и опять разворошил крышу.

— Глупый.

— Да, пружина в мозгу лопнула. Смерть не люблю глупых! — вздохнул Игнат, полезай на печь. — Ну, божий человек, рано еще вставать, давай спать полным ходом...

А утром он подозвал к себе Белолобого, больно оттрепал его за уши и потом, наказывая его хворостиной, все приговаривал:

— Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!

Галины питомцы. В. Чаплина

Галя училась на биологическом факультете, но ещё ей хотелось обязательно пойти работать в Зоопарк. Ведь она изучала птиц, а в Зоопарке, уж наверное, сможет хорошо с ними познакомиться.

Когда Галя пришла в Зоопарк и спросила заведующую секции орнитологии Анну Васильевну, кем можно поступить на работу, та внимательно посмотрела на Галю, на её модную причёску, высокие каблочки и сказала:

— Служительницей.

— Служительницей?! — переспросила Галя. — А что это такое и что нужно делать?

— Служитель — это человек, который ухаживает за животными, — ответила Анна Васильевна. — А делать нужно всё. Нужно убирать клетки, кормить птиц, за ними ухаживать, готовить корма, мыть посуду и вообще всё, что нужно.

— Но это, наверное, трудно, — нерешительно проговорила Галя. Она до этого нигде и никогда не работала, и такой длинный перечень обязанностей её испугал.

— Работать не трудно, — ответила Анна Васильевна, — нужно только стараться и любить своё дело. —

И, протягивая Гале какую-то бумажку, добавила: — Вот вам записка в отдел кадров. Если хотите к нам поступить на работу, идите и оформляйтесь, а завтра к восьми утра приходите на работу.

Когда Галя уходила, Анна Васильевна с сомнением посмотрела ей вслед. Она никак не думала, что эта хорошенькая, модная девушка придёт. Но Галя пришла. Она пришла ровно к восьми часам утра и осталась работать служительницей в попугайнике. Птицы, за которыми она должна была ухаживать, совсем не походили на домашних кур или уток, а в первый же день работы попугаи так оглушили Галю пронзительными криками, что она пришла домой с головной болью.

Сначала Галю в клетку одну не пускали. Её сопровождала старая, опытная служительница — тётя Нюра. Она заходила вместе с Галей в клетку и, пока Галя смотрела, как проводится уборка или кормят попугаев, поясняла:

— Этих не бойся. Как войдёшь, они мигом вверх полезут.

И верно, попугаи, цепляясь за решётку клювом и лапками, быстро карабкались вверх. Когда же служительница ставила им корм и выходила с Галей из клетки, попугаи слезали вниз. Они ловко брали лапкой большие грецкие орехи и легко их разгрызали своим сильным, крючковатым клювом.

Потом тётя Нюра входила с Галей в клетку, где сидели два больших попугая какого-то неопределённого тёмно-голубого цвета и с такими огромными клювами, каких Гале никогда не приходилось видеть.

— Это гиацинтовые ара, — поясняла каждый раз служительница, осторожно заходя в клетку. — И за- помни: сюда одна не ходи. Сколько за ними ухаживаю, а они и сейчас меня стараются укусить, уж очень норовистые.

Галя с интересом наблюдала за «норовистыми» птицами. Вместо того чтобы забраться наверх, как это делали другие попугаи, они всячески старались схватить своими огромными клювами служительницу, дёрнуть её за халат или сорвать с головы платок. Такое поведение попугаев Гале даже понравилось. Уж очень энергично они действовали и интересно проявляли своё отношение к людям. Пусть кусались, но зато не висели словно груши на решётке. Гале они так понравились, что ей даже захотелось с ними познакомиться поближе и попытаться приручить этих непокорных птиц. О своём замысле она не сказала тётке Нюре, но с первого же дня старалась лишний раз подойти к клетке гиацинтовых попугаев, поговорить с ними или отдельно угостить чем-нибудь вкусным. Одним словом, делала всё возможное, чтобы привлечь к себе внимание птиц. И нужно сказать, что её старания не пропали даром. Не прошло и недели, как оба гиацинтовых ара стали заметно интересоваться своей молоденькой служительницей.

Наблюдая за ними, Галя заметила, что самец, которого она назвала Кутя, был храбрее и спокойнее своей подружки. Когда Галя совала ему сквозь сетку сахар, он спускался с жёрдочки и смело брал кусочек. Зато самочка — Галя назвала её Ара — была трусливей. Несмотря на все Галины усилия, она ничего не желала брать из её рук. Однако было заметно, что обоим попугаям Галя нравилась, особенно когда она с ними разговаривала. Попугаи тоже что-то бормотали ей в ответ, а Кутя прижимался к решётке и топорщил перья. Но что это означало — сердится он или ласкается, Галя ещё не знала.

В клетку к гиацинтовым попугаям Галя продолжала ходить только с тёткой Нюрой, и та её одну никак не пускала.

— Тётя Нюра, можно я сама у них уберу? — не раз спрашивала Галя. — Ведь я уже две недели работаю.

— Рано ещё, не спеши, — отвечала тётя Нюра. — Попугай хоть и птица, а знать её надо. Поработаешь ещё месяц, привыкнешь, а там и сама пойдёшь. Сперва приглядеться нужно.

Однако начать самостоятельно работать Гале пришлось значительно раньше, чем она предполагала сама. Тётя Нюра заболела и на работу не вышла. Конечно, можно было пойти к заведующей и попросить замену, но Гале очень и очень захотелось проверить себя. И вот, вооружившись ведром и водой, тряпкой, ножом и метлой, Галя пошла убирать клетки. Это был первый её самостоятельный день. Пусть в этот день она не очень чисто и долго убирала клетки. Пусть не решилась зайти к гиацинтовым попугаям и с таким опозданием приготовила корм, что все птицы уже возмущённо кричали. Зато на другой день она справилась отлично, но нельзя сказать, что без робости вошла к гиацинтовым попугаям.

Увидев новую служительницу, Кутя и Ара мигом спустились со своей полочки. Они лазали по решётке вокруг Гали и всячески старались её щипнуть. Но Галя не стала их отгонять ни метлой, ни тряпкой. Ласково и спокойно она начала уговаривать птиц не сердиться. И попугаи не тронули Галю. Когда же она, продолжая разговаривать, протянула руку к Аре, та схватила её за палец своим огромным сильным клювом, немного подержала и выпустила. Очевидно, ласковый голос девушки успокоил птиц, и поэтому они её не тронули.

Теперь Галя узнала «ключ» к этим птицам. Оказывается, они любят, когда с ними разговаривают ласково и спокойно. Она ещё чаще и больше стала заниматься с Арой и Кутей и скоро перестала их опасаться.

Познакомившись с гиацинтовыми попугаями, Галя стала к ним заходить теперь всегда одна. Тётя Нюра поправилась и, придя на работу, только удивлялась своей молодой помощнице да потихоньку её похваливала.

— Молодец всё-таки, — говорила она, — ишь как приучила. Небось меня, старую, всё клонуть норовят, а молодую не трогают.

И на самом деле попугаи к Гале привыкли и совсем её не боялись. Не успевала она войти в клетку и поставить ведро, как оба попугая буквально скатывались вниз. Ара тотчас, зацепившись лапками за край ведра, низко опускала туда голову, доставала тряпку и, что-то довольно бормоча, долго с ней возилась. Потом клювом вытягивала тряпку из воды и лезла вместе с нею на самый верх клетки. Кутя тоже не терял время зря. Он поспешно хватал нож, брал его клювом за деревянную ручку и так же торопливо взбирался наверх, а Гале приходилось очень долго уговаривать попугая отдать опасный предмет. Ведь Кутя мог поранить себя или при резком повороте головы ударить ножом Ару и поранить её.

Однако, несмотря на уговоры, Кутя подолгу не желал расставаться с любимой вещью. При этом он дико кричал, и нередко именно этот крик помогал Гале завладеть ножом. Потому что, забывшись, Кутя открывал клюв, и нож падал.

За своими предметами для уборки Гале уследить было очень трудно. А если она оставляла ведро и нож в другой клетке, то Кутя довольно ловко сбрасывал клювом крючок с дверцы и проникал туда, устраивая панику среди других птиц. Тогда Галя стала запирать дверь на замок, но попугаи тут же переключали своё внимание на метлу и так старательно её общипывали, что к концу уборки оставался один черенок.

Все эти проделки хоть и мешали Гале при уборке, но такое забавное поведение птиц ей нравилось. Она даже перенесла уборку их клетки под самый конец, чтобы побольше находиться со своими любимцами. А как привыкли за это время попугаи к своей новой служительнице! Они даже разрешали ей себя трогать. Особенно Кутя. Он всегда первый подходил к Гале, наклоня головку, и, растопырив перышки, всем своим видом просил, чтобы она почесала ему затылок. Галя ласково почёсывала ему пёрышки, а Кутя довольно бормотал и топорщил их ещё больше.

Нередко Кутя забирался к Гале на руки, ловко влезал в карман клювом и вытаскивал лакомства, которые Галя не забывала туда положить. Или занимался ещё тем, что обкусывал все пуговицы на Галином халате, пока она его ласкала.

— И куда ты их только деваешь?! — возмущённо спрашивала Галина мама, почти ежедневно пришивая дочери пуговицы то на халате, то на платье.

Пришлось Гале сознаться, что это дело «фрук» попугая. Сначала мама очень рассердилась, а потом сказала:

— Знаешь, Галя, что я придумала: давай сошьём платье без пуговиц, тогда сколько хочешь, столько и ходи к своим попугаям.

Нельзя сказать, что Галя была очень довольна предложением мамы. Хотя и работала она служительницей, и работа была не чистой, а придеться °на любила. Но мама знала вкус своей дочери и подобрала такой фасон, что впоследствии это было самое любимое Галино платье на работе. Во-первых, оно ей очень шло, а во-вторых, Галя в нём смело заходила к попугаям и не боялась, что Кутя обломает пуговицы и придётся пришивать новые.

Зато Ара совсем не интересовалась пуговицами. Ей гораздо больше нравилось танцевать или петь. Танцевала Ара всегда одно и то же, приседая то на одну, то на другую лапку, а если Галя хлопала в ладоши, она кивала в такт головой и танцевала с таким азартом и так старательно поднимала лапки, что без смеха невозможно было на неё смотреть. Танцевала Ара в любое время, особенно когда у неё было хорошее настроение. А вот пела она только по утрам или вечером, когда уходила публика. Ара смешно брала высокие или низкие ноты из каких-то неизвестных мотивов и тянула их очень долго.

Однажды Галя принесла с собой на работу проигрыватель и пластинки. Ей хотелось узнать, как отнесутся к музыке её любимцы. И здесь у них оказались разные вкусы. Аре больше всего понравились вальсы и цыганские песни. Она сразу начала подпевать, старалась попасть в тон, и это ей иногда удавалось, особенно высокие ноты и смех. Зато Кутя на вальс не обращал внимания и продолжал заниматься своими делами. Но стоило заиграть шумному джазу, как он восторженно и тут же принялся петь или, вернее, кричать. Очевидно, он не был так музыкален, как его подруга.

Другие попугаи тоже заинтересовались музыкой, и, когда пластинка кончилась, в попугайнике поднялся необычный шум. Все попугаи что-то бормотали, что-то говорили, совсем как базарные торговки. Глядя на них, Галя от всей души смеялась. Уж очень смешно вели себя эти птицы.

Чем больше работала Галя с попугаями, чем больше их узнавала, тем больше удивлялась памяти и сообразительности этих птиц. В какой бы одежде Галя ни пришла, Кутя и Ара её мигом узнавали и спешили к двери, чтобы скорее к ней приласкаться. Они так привыкли к девушке, что, если даже она их иногда шлёпала за непослушание, в ответ только сердито кричали, но никогда не кусались. Но стоило Гале протянуть руку и сказать ласковое слово, как они тут же успокаивались и опять лезли ласкаться.

Зато как ненавидели и запоминали они тех людей, которые хоть когда-то их обидели. Был такой случай с зоотехником Куприяновым. На всю жизнь запомнили его попугаи. А случилось это так: наступило лето, и настала пора переводить попугаев в летние вольеры. Обычно это делал зоотехник. Правда, Галя сразу предложила перенести гиацинтовых попугаев сама, но этого ей сделать не разрешили.

— Ты что, без пальцев задумала остаться! — рассердилась тётя Нюра, подавая Куприянову сачок.

Когда Куприянов зашёл с сачком к Куте и Аре, они ещё не знали, в чём дело, так как попали в Зоопарк сравнительно недавно. Оба попугая стали спускаться вниз, чтобы познакомиться с вошедшим к ним человеком. Первым, как всегда, спускался Кутя. Но вот ловкий взмах, и Кутя, даже не успев вскрикнуть, очутился в сачке. Потом Куприянов вытряхнул попугая в летний вольер и, пока растерянный и взъерошенный Кутя приводил себя в порядок, пошёл за Арой.

Тем временем Ара, испуганная столь таинственным исчезновением своего друга и чувствуя в этом что-то неладное, залезла под самый потолок клетки.

Увидев оттуда подходившего Куприянова, она сразу его узнала, страшно переполошилась, стала кричать, махать крыльями. Нелегко было зоотехнику справиться с Арой. Она забилась в угол клетки под самым потолком, и накрыть её там сачком было очень неудобно. К тому же она очень энергично отбивалась, отталкивала от себя сачок лапой, хватала клювом.

Наконец после долгих усилий Куприянов всё же накрыл Ару и тоже перенес её.

С тех пор оба попугая хорошо запомнили зоотехника. В чём бы он ни был одет, как ни старался подойти незамеченным или спрятаться за посетителями, попугаи моментально его замечали. Они поднимали такой шум и крик, что работники птичника мигом узнавали, кто идёт.

— Ну, Куприяныч, — смеялись они, — теперь к нам не подкрадешься, за километр слышно, когда идёшь.

Сколько раз Куприянов пробовал «помириться» с Кутей и Арой, но из этого ничего не получалось. Напрасно он предлагал своим недругам самые различные лакомства. Из его рук они ничего не желали брать, а в ответ только зло кричали и старались укусить.

А какой они подняли скандал, когда зоотехнику понадобилось прикрепить на их клетке этикетку с надписью! Такого пронзительного крика даже тётя Нюра за все годы работы в Зоопарке ни разу не слышала. Особенно старался Кутя. Он бросался на решётку, бил крыльями, и не успевал зоотехник просунуть проволоку, чтобы привязать надпись, как он тут же её вырывал клювом.

Пришлось Куприянову сдаться и звать на помощь Галя. Галя открыла дверь клетки и спокойно подошла к разъярённому попугаю.

— Осторожно, как бы не укусил, — предупредил зоотехник.

Но Галя теперь хорошо знала своих питомцев. Она только попросила зоотехника отойти, чтобы птицы не нервничали. А когда Куприянов отошёл, наклонилась к Куте и стала ласково его уговаривать:

— Не волнуйся, Кутя... не надо... тебя никто не тронет... тебя все любят...

Она говорила так ровно и спокойно, что Кутя перестал кричать и вытаскивать проволоку. Потом, окончательно успокоившись, он полез к Гале на руки, прижался к её щеке и уже совсем спокойно дал ей возможность закрепить этикетку.

Находясь в летней вольере, оба попугая стали заметно подвижней и веселей. По-видимому, им нравилось, что в клетке много солнца, что под его лучами хорошо погреться и что кругом вместо скучных стен помещения свежая зелень. Попугаи старались достать клювами случайно упавший на сетку листочек и, если это удавалось, с удовольствием съедали. Теперь часто, как никогда, можно было услышать, как они хохотали, пели, кричали какие-то слова. Но какие именно, Галя разбирала не всегда.

Слов и даже фраз Кутя с Арой знали много, но произносили их невнятно и, конечно, совсем произвольно. Например, если Ара произносила фразу «попочка хочет кушать», это совсем не значило, что она действительно голодная. Совсем нет. Она говорила так сразу после еды, когда была уже сыта, но если Галя всё же предлагала ей добавку, то отказывалась.

Кормили попугаев летом иначе, чем зимой. Стараюсь дать побольше зелени, фруктов, ягод, орехов. Орехи чаще всего давали грецкие. Сначала Галя их раскалывала, так как думала, что попугаям трудно разгрызть такую твёрдую кожуру. Но потом она увидела, клюв у них такой сильный, что они разгрызают орехи, словно семечки.

Им даже доставляло удовольствие грызть что-нибудь твёрдое. Заметив это, Галя притащила и поставила им в клетку круглое полено. И надо же было видеть, с каким удовольствием оба попугая стали его обгрызать! Они так старательно над ним трудились, что очень скоро от полена осталась одна труха.

Ещё нравилось попугаям купаться, особенно под тёплым, летним дождём. Стоило ему заморосить, как Ара и Кутя, вместо того чтобы спрятаться под навес, поспешно вылезали, взбирались на обтянутый сеткой верх клетки и повисали на нём, подставляя брюшко под дождевые капли. Смешно растопырив перья и раскинув крылья, они висели, словно под душем, минут по тридцать-сорок, а потом спускались на свою жёрдочку и, довольно бормоча, отряхивались и чистили пёрышки.

Жили попугаи дружно, но всё же иногда не обходилось без ссор. Особенно летом. Здесь Кутя нередко так долбил клювом свою подругу, что она забивалась в угол и поднимала крик. Галя уже хорошо знала своих питомцев, по тону крика сразу догадывалась о происходящем и спешила на помощь Аре.

Увидев Галю, Кутя мигом прекращал избиение своей подруги и спешил к дверям. Когда же Галя заходила в клетку, залезал к ней на руки и позволял с собой делать всё, что угодно. Он позволял даже класть себя на спину и качать, как ребёнка. Попугай лежал на руках девушки спокойно, брюшком вверх, и ласково ворковал. Потом Галя его сажала на жёрдочку и уходила, а успокоенный Кутя присаживался к своей подружке и больше её не обижал.

ЭКЗАМЕН

Лето прошло незаметно. Наступила осень, а вместе с ней и время переводить попугаев в зимнее помещение. Впрочем, на этот раз Кутю и Ару переносил уже не Куприянов, а Галя. Ей не понадобился сачок, чтобы ловить птиц. Она просто вошла в клетку, взяла Кутю, прижала его к себе и, почёсывая ему головку, перенесла в зимнюю клетку, а следом за ним и его подругу Ару.

Очутившись снова в помещении, попугаи остались очень недовольны. Они раздражённо лазили по клетке, заглядывали в окна и громко, пронзительно кричали. Им вторили попугаи из других клеток. В помещении поднимался невообразимый шум и гам, который мог оглушить любого нового человека. Но Галя к такому шуму привыкла, и он ей ничуть не мешал.

Свою работу Галя очень любила. Ей не трудно было убрать клетки, накормить птиц, а потом ещё спешить в институт. У неё был самый строгий распорядок дня, и поэтому она успевала сходить иногда вечером ещё в кино или в театр.

Но вот однажды получилось так, что весь её распорядок нарушился. Случилось это зимой, как раз в то время, когда нужно было готовиться к экзаменам. Наступили самые морозы, и вдруг беда — лопнул отопительный котёл. Срочно перевели систему отопления на запасной котёл. Но он оказался слишком мал, и температура в помещении падала с каждой минутой.

Прибежала Анна Васильевна.

— Надо быстрее поставить электропечи, — сказала она, — а то птицы простудятся. Вон как мёрзнут.

Действительно, попугаи сидели нахохлившись и тесно прижавшись друг к другу. Кутя с Арой тоже прижались друг к другу, и Гале даже показалось, что они дрожат. Она зашла в клетку, будто хотела что-то прибрать, а на самом деле обняла руками сидевших на жёрдочке попугаев и прижала их к себе, чтобы согреть. Пока она так стояла, пришёл Куприянов с двумя большими электрическими печками. Анна Васильевна распорядилась поставить их на пол, посередине помещения, и включить. От печек пахнуло жаром. Через некоторое время температура на градуснике стала подниматься.

— Всё в порядке, — облегченно вздохнув, сказала Анна Васильевна. — Только придётся около печек дежурить, а то проводка старая, как бы не вспыхнули провода.

Первую ночь остался дежурить Куприянов. Потом составили расписание, в списке были перечислены все сотрудники попугайника, кроме Гали.

— А почему нет меня? — возмутилась Галя, но ей сказали, что она пусть учится и сдаёт экзамены.

Это же подтвердила и заведующая.

— Сдавайте, Галя, экзамены, — сказала она. — Вам и так трудно работать и учиться.

— Совсем не трудно, вот посмотрите, — упрашивала Галя, но Анна Васильевна, несмотря на все просьбы девушки, осталась непреклонна.

Тогда Галя, стараясь хоть чем-нибудь помочь, стала приходить раньше, чтобы к приходу остальных сотрудников убрать как можно больше клеток, и уходила позже. Она уже не успевала зайти домой переодеться и поесть. Переодевалась прямо на работе и, жуя на ходу булку, спешила в институт. Домой Галя приходила совсем поздно. Она сразу ложилась спать, а утром чуть свет спешила в Зоопарк, чтобы прийти раньше всех и побольше сделать.

Наконец котёл починили. В этот день Галя кончила работу вовремя. Она шла домой, и ей было необыкновенно легко и весело. Так легко, словно экзамены она уже сдала.

Журка. М. Пришвин

Раз было у нас — поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он ее проглотил. Дали другую — проглотил. Третью, четвертую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

— Умница! — сказала моя жена и спросила меня: — А сколько он может съесть их? Десяток может?

— Десять, — говорю, — может.

— А ежели двадцать?

— Двадцать, — говорю, — едва ли...

Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду ходить. Она корову доить — и Журка с ней, она в огород — и Журке там надо, и тоже на полевые колхозные работы ходит с ней и за водой. Привыкла к нему жена, как к своему собственному ребенку, и без него ей уж скучно, без него никуда. Но только ежели случится — нет его, крикнет только: «Фру-фру!» — и он к ней бежит. Такой умница!

Так живет у нас журавль, а подрезанные крылья его всё растут и растут.

Раз пошла жена за водой вниз, к болоту, и Журка за ней. Лягушонок небольшой сидел у колодца и прыг от Журки в болото. Журка за ним, а вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься. Мах-мах крыльями Журка и вдруг полетел. Жена ахнула — и за ним. Мах-мах руками, а подняться не может. И в слезы, и к нам: «Ах-ах, горе какое! Ах, ах!» Мы все прибежали к колодцу. Видим — Журка далеко, на середине нашего болота сидит.

— Фру-фру! — кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат:

— Фру-фру!

И такой умница! Как только услышал он это наше «фру-фру», сейчас мах-мах крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам бежать скорее за лягушками. В этот год лягушек было множество, ребята скоро набрали два картуза. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять — проглотил, дали десять — проглотил, двадцать и тридцать, — да так вот и проглотил за один раз сорок три лягушки.

Слон Бэби. В. Дуров

Карлик

В городе Гамбурге был большой зоологический сад, который принадлежал одному известному торговцу зверями. Когда мне захотелось купить слона, я поехал в Гамбург. Хозяин показал мне маленького слонёнка и сказал:

— Это не слонёнок, это почти взрослый слон.

— Почему же он такой маленький? — удивился я.

— Потому что это слон-карлик.

— А разве бывают такие?

— Как видите, — заверил меня хозяин.

Я поверил и купил диковинного слона-карлика. За малый рост я дал слону кличку Бэби, что по-английски значит «дитя».

Его привезли в ящике с окошечком. Сквозь окошко часто высовывался кончик хобота.

Когда Бэби приехал, его выпустили из ящика и поставили перед ним таз с рисовой кашей и ведро молока. Слон терпеливо загрёб хоботом рис и отправил его в рот.

Хобот у слона — как у человека руки: Бэби хоботом брал пищу, хоботом ощупывал предметы, хоботом ласкал.

Бэби скоро привязался ко мне и, ласкаясь, водил хоботом по моим векам. Он делал это очень осторожно, но всё же подобные слоновьи ласки причиняли мне боль.

Прошло три месяца.

Мой «карлик» сильно вырос и прибавил в весе. Я начал подозревать, что в Гамбурге меня обманули и продали мне не карликового слона, а обыкновенного шестимесячного слонёнка. Впрочем, существуют ли вообще на свете карликовые слоны?

Когда мой «карлик» подрос, очень стало смешно наблюдать, как это громадное животное по-ребячьи шалит и резвится.

Днём я выводил Бэби на пустую арену цирка, а сам следил за ним из ложи.

Сначала он стоял на одном месте, растопырив уши, мотая головой и косясь по сторонам. Я кричал ему:

— Бэби!

Слонёнок медленно двигался по арене, обнюхивая хоботом землю. Не найдя ничего, кроме земли и опилок, Бэби принимался играть, как детишки в песке: он хоботом сгребал землю в кучу, потом подхватывал часть земли и осыпал ею голову и спину. Затем он встряхивался и уморительно хлопал ушами-лопухами.

Но вот, подгибая сначала задние, а затем и передние ноги, Бэби ложится на живот. Лёжа на животе, Бэби дует себе в рот и снова осыпает себя землёй. Он, видимо, наслаждается

игрой: медленно переваливается с боку на бок, хоботом возит по арене, разбрасывает во все стороны землю.

Навалившись вволю, Бэби подходит к ложе, где я сижу, и протягивает хобот за лакомством.

Я встаю и делаю вид, будто ухожу. У слона моментально меняется настроение. Он встревожен и бежит за мной. Ему не хочется оставаться одному.

Бэби не переносил одиночества: он топорщил уши и ревел. В слоновнике с ним обязательно должен был спать служащий, иначе слон своим рёвом не давал никому покоя. Даже днём, оставаясь один долго в стойле, он сначала лениво играл хоботом со своей цепью, которой он был прикован за заднюю ногу к полу, а потом начинал тревожиться и шуметь.

В стойлах возле Бэби стояли с одной стороны верблюды, а с другой — ослик Оська. Это для того, чтобы отгородить стоявших в конюшне лошадей, которые боялись слона, брыкались и становились на дыбы.

Бэби привык к своим соседям. Когда во время представления приходилось брать осла или верблюда на арену, слонёнок ревел и изо всех сил натягивал цепь. Ему хотелось бежать за своими друзьями.

Особенно он подружился с Оськой. Бэби часто просовывал хобот через перегородку и нежно гладил ослика по шее и спине.

Раз Оська заболел расстройством желудка, и ему не дали обычной порции овса. Уныло опустив голову, он, голодный, скучал в стойле. А рядом Бэби, наевшись досыта, развлекался как мог: то положит клок сена в рот, то вынет, повертит во все стороны. Случайно Бэбин хобот с сеном потянулся к ослику. Оська не прозевал: он схватил сено и стал жевать. Бэби это понравилось. Он стал загребать хоботом сено и передавать его через перегородку другу-ослику...

Раз я решил взвесить Бэби. Но где взять подходящие весы?

Пришлось его вести на вокзал, туда, где взвешивают товарные вагоны. Весовщик с любопытством посмотрел на необычный груз.

— Сколько? — спросил я.

— Без малого сорок пудов! — ответил весовщик.

Сорок пудов? Хорош карлик! Что же будет дальше? Ведь мой «карлик» только начинал как следует расти: ему было немного более года. Я понял, что меня обманули.

— Это обыкновенный слонёнок! — сказал я мрачно. — Прощай, чудо природы — маленький, карликовый слон!..

Бэби боится... метлы

Слон не только умное, но и терпеливое животное. Посмотрите, как изорваны уши у любого слона, работающего в цирке. Обычно дрессировщики, обучая слона ходить по «бутылкам», или кружиться, или вставать на задние ноги, или садиться на бочку,

действуют не лаской, а болью. Если слон не слушается, они рвут ему уши стальным крючком или же втыкают шило под кожу. И слоны всё терпят. Впрочем, некоторые слоны не выдерживают мучений. Когда-то в Одессе громадный старый слон Самсон рассвирепел и начал разносить зверинец. Служители ничего не могли с ним поделать. Ни угрозы, ни побои, ни угощения не помогали. Слон ломал всё, что попадалось ему на пути. Пришлось его окопать и держать несколько дней в яме. В Одессе только и было разговоров что о Самсоне:

— Слыхали, Самсон сбежал?

— Но ведь это очень опасно! Что, если он побежит по улицам?

— Надо убить его!

— Убить такое редкое животное?!

Но Самсон никак не хотел возвращаться в зверинец. Тогда решили его отравить. Наполнили большой апельсин сильным ядом и преподнесли Самсону. Но Самсон есть не стал и даже не подпустил к себе отравителей.

Тогда предложили желающим убить Самсона из ружья.

Нашлись любители, которые даже заплатили за «стрельбу в цель». Выпустив массу пуль, они прикончили великана.

И никто не подумал, что если бы Самсона в зверинце не мучили, а обращались с ним ласково, то не пришлось бы в него стрелять.

Я, обучая животных, стараюсь действовать лаской, лакомым кусочком, а не побоями. Так я учил Бэби. Заставляя его что-нибудь делать, я ласкал его, похлопывал по груди и показывал сахар. И Бэби меня слушался.

Раз мы приехали в Харьков. Поезд с моими зверями выгружался на товарной станции.

Из огромного пульмановского вагона показался Бэби. Его вожак Николай, выметая сор из-под слона, задел случайно метлой ногу Бэби. Бэби сердито повернулся к вожаку, растопырил уши-лопухи — и ни с места. Николай начал гладить Бэби, хлопал его по животу, чесал его за ухом, совал в рот морковь — ничто не помогало. Бэби не шевелился. Николай вышел из терпения. Он вспомнил старый способ цирковых дрессировщиков и стал колоть слона острым шилом и тащить за ухо стальным крючком. Бэби ревел от боли, мотал головой, но не двигался. На ухе его показалась кровь. На помощь Николаю прибежали восемь служителей с вилами и дубинками. Они стали бить бедного Бэби, но слон только ревел, мотал головой, а с места не двигался.

Я в это время был в городе. Меня разыскивали по телефону. Я тотчас же прибежал на выручку Бэби — прогнал всех его мучителей и, оставшись со слоном наедине, громко и ласково позвал:

— Сюда, Бэби, сюда, маленький!

Услышав знакомый голос, Бэби насторожился, поднял голову, выставил хобот и стал с шумом втягивать воздух. Несколько секунд он стоял неподвижно. Наконец громадная туша зашевелилась. Медленно, осторожно Бэби стал выходить из вагона, пробуя хоботом и ногой доски трапа: прочны ли они, выдержат ли его.

Когда слон сошёл на платформу, служащие быстро задвинули дверь вагона. Я продолжал ласково звать упряма. Бэби быстро и решительно подошёл ко мне, обхватил хоботом мою руку выше локтя и слегка притянул меня к себе. И сейчас же он почувствовал на своём скользком языке апельсин. Бэби подержал апельсин во рту, чуть оттопырил «лопухи» и тихо, с лёгким ворчаньем выпустил воздух из хобота.

Мой голос и ласка успокоили Бэби. Я осторожно освободил руку из-под хобота и пошёл по платформе. Слон пошёл за мной по пятам, как собака.

Так я лаской добился того, чего не смогли добиться девять человек, вооруженных вилами и дубинками.

Дорогой нам встречались взрослые, дети. Они бежали за слоном. Многие протягивали ему яблоки, апельсины, белый хлеб, конфеты. Но Бэби не обращал внимания на все эти чудесные вещи; ровным шагом он шёл за мной. И я благополучно привёл его в цирк.

Первое выступление в Харькове прошло как нельзя лучше. Но вот через день началось второе выступление. Я стоял посреди арены. Публика ждала выхода своего любимца слона.

Только я собрался крикнуть: «Бэби, сюда», как вдруг из-за кулис показалась голова слона. Я сразу понял: Бэби взволнован. Уши у него растопырены, а хобот закручен улиткой. Он шёл очень быстро, но вовсе не ко мне. Меня он даже не заметил и направился прямо к главному выходу.

Почувяв недоброе, я бросился к Бэби... но не тут-то было. Не обращая на меня никакого внимания, он все тем же широким, быстрым шагом прошел в фойе. Здесь его с граблями, вилами и барьерами встретили служащие и конюхи цирка. На злополучного слона посыпались удары. Публика повскакала с мест. У выходных дверей образовалась толпа. Кого-то придавили. Поднялась суматоха, перебранка.

Я бросился к Бэби. Вместе со служащими мы повисли на нём. Но Бэби твёрдо решил покинуть ненавистный цирк. Он шел прямо к двери. Боясь быть раздавленными, мы отскочили от великана. Он вышел на улицу. Служащие бежали за ним.

Я вернулся на арену: не мог же я бежать по улице в клоунском наряде, с раскрашенным для представления лицом. Кроме того, надо успокоить публику. Я поднял руку и сказал:

— Дети, у Бэби заболел животик, и он сам пошёл в аптеку за касторкой.

Публика засмеялась и вернулась на места. Дети хохотали и весело повторяли:

— У слона заболел животик!

— Слон сам пошёл в аптеку!

— Ему, наверно, надо ведро касторки!

— Умный слон!

— Только пускай скорее вернётся!

Я и сам хотел того же. Я очень беспокоился за Бэби. Где-то он теперь? Но я взял себя в руки и продолжал представление. Я закончил номер и уехал с арены на тройке остяцких собак.

Очутившись за кулисами, я быстро переоделся, стёр с лица краски, выскочил на улицу и на первом попавшемся извозчике помчался в погоню за беглецом.

Бэби успел переполошить весь город. Прохожие указывали мне дорогу. Я мчался к вокзалу. Но вот мне встретился служащий цирка. Он вскочил ко мне в пролётку и крикнул:

— Не беспокойтесь! Бэби цел... Он прибежал на товарную платформу... как раз туда, где мы выгружались.

— А как же он нашёл дорогу? Кто его повёл?

— Сам. Запомнил, значит...

— Извозчик, гони! — крикнул я.

И вот мы на вокзале. Ещё издали я заметил Бэби. Он стоял на той самой платформе, где выходил из вагона. Кругом — толпа любопытных. Я подошёл. Толпа расступилась. Я позвал:

— Бэби, сюда!

Слон сейчас же поднял хобот, повернулся ко мне и радостно заревел.

Толпа дрогнула, почтительно уступая слону дорогу. Бэби с шумом выпустил через хобот воздух и, махая ушами, пошёл за мной.

Потом я узнал все подробности. Николай перед выходом слона на арену взял метёлку и стал подметать под ним навоз. Сначала Бэби не заметил метлы. Но вдруг тонкие, гнущиеся прутья нечаянно задели ноги слона. Бэби вздрогнул, подобрал зад, поджал короткий хвост и побежал на арену.

Из цирка он направился прямо к вокзалу. Он шёл уверенным шагом по улицам и переулкам, ни разу не сбившись с дороги.

У ворот товарного двора, около вокзала, он на минуту остановился в раздумье. Засовы и замок преграждали путь. Но Бэби думал недолго. Великан слегка подналёг на ворота. Минута — и замок, затворы, скобы и балки полетели в разные стороны.

Бэби обошёл длинные каменные склады и направился к знакомой платформе. Вагонов он не нашёл: они были переведены на запасный путь. Но Бэби не огорчился. Он стал равнодушно подбирать хоботом сор, бумагу и солому, оставшиеся на платформе после разгрузки.

Почему же громадный слон испугался безобидной метлы?

Цирковые артисты в то время отличались суеверием. Они пугались, если бумажка с ролью упадёт на пол: плохая примета — не будет успеха. Они не позволяли подметать метлой цирк, говоря: «Это значит вымести из цирка благополучие».

Вместо метлы в цирке всегда пользовались только граблями.

Бэби отлично знал железные грабли и совершенно не был знаком с метлой. Она, наверно, показалась ему чудовищем, и он постыдно бежал.

Громадный слон испугался метлы, которая случайно попала в цирк.

Вечером он снова как ни в чём не бывало выступал на арене, похрустывая заработанным сахаром. И дети хлопали и кричали:

— Бэби поправился! У Бэби больше не болит животик!

А метлу, конечно, выкинули...

Бэби-парикмахер

У меня был помощник, карлик, по прозвищу Ванька-Встанька. Вдвоём с Бэби они разыгрывали на арене смешную сценку «В парикмахерской». Публика очень любила этот номер.

Крошечный Ванька-Встанька выходит на арену. Я грозно кричу:

— Ванька-Встанька! Как тебе не стыдно выступать перед публикой небритым? Надо тебя побрить! Пойди переоденься, а я устрою здесь парикмахерскую.

Карлик уходит. На арену выносят большущую кровать с огромной, набитой сеном подушкой. Рядом с кроватью — тумба. На тумбе, в подсвечнике, — свеча. В другом углу арены — стол, а на столе — длинные железные щипцы и громадная деревянная бритва. У стола — стул на высоких ножках, горн с тлеющими углями, точило. У входа — декорация: дверь и окно с вывеской:

ПАРИКМАХЕР ИЗ ПАРИЖА

СЛОНОВ

СТРИЖКА И БРИЖКА

Вот отворяется дверь. Появляется Бэби. Я представляю его публике. Слон раскланивается. Я говорю:

— Приведите в порядок парикмахерскую, смахните пыль и ложитесь спать. Завтра надо рано подняться: придут клиенты.

Бэби подходит к столу, хватается хоботом за ручку ящика, выдвигает его и достаёт салфетку. Стирая пыль со стола, он сметает на пол щипцы и бритву. Потом «парикмахер» начинает водить тряпкой по нарисованному окну, будто протирает стёкла.

— Спать, мастер, спать! — говорю я.

Бэби подходит к кровати и хоботом нашаривает под подушкой гигантского «клопа», величиной с полметра. Бэби кладёт «клопа» на землю и наступает на него ногой. «Клоп», сделанный из свиного пузыря, громко лопается. Публика хохочет.

Раздавив «клопа», Бэби становится всеми ногами на кровать. Это он так ложится спать. Затем он берёт хоботом подушку и делает вид, будто хочет запустить ею в подсвечник. Я кричу:

— Что вы делаете? Разве так тушат свечи! — Я вырываю подушку. — Тушите!

Бэби вытягивает хобот и дует на свечу. Свеча вместе с подсвечником летит на землю. Я говорю:

— Вот кого бы следовало пригласить в пожарные.

В дверь стучат. Входит Ванька-Встанька. На нём пёстрое смешное пальто и лысый парик. Я кланяюсь «клиенту». Бэби тоже почтительно качает головой.

— Садитесь!

Карлик садится. Я подвязываю ему салфетку:

— Что угодно?

— Завейте, — говорит карлик, показывая на лысую голову.

— Да что же мы станем завивать?.. — удивляюсь я. — Мастер Слонов, проверьте голову посетителя.

Бэби свёртывает хобот улиткой и осторожно стучит им по голове Ваньки-Встаньки. Я беру щипцы:

— Нагрейте!

Слон берётся за рычаг горна и начинает накачивать воздух. Я подсыпаю бенгальского огня. Цирк освещается ярким красным светом.

— Пожалуйста, наточите бритву.

«Парикмахер» вертит хоботом ручку точила.

— А теперь не угодно ли взбить мыло для бритья?

Я подставляю Бэби ведро и швабру. Слон хоботом обхватывает «кисточку» и взбивает в ведре мыло.

— Довольно!

Бэби водит шваброй по голове карлика. Ванька-Встанька в ужасе. Он кричит и болтает коротенькими ручками и ножками, а Бэби деловито собирает мыло с Ванькиной головы... себе в рот.

Я подаю «мастеру» деревянную бритву. Бэби начинает «брить». «Клиент» кричит благим матом:

— Ой, довольно! Пустите, довольно!

Он срывается с места и бежит к выходу. Бэби догоняет его. Я говорю:

— Платите!

«Клиент» достаёт из кармана кусок сахара.

«Парикмахер» жуёт сахар и кланяется публике. Потом мы скрываемся за занавесом.

Эта сложная сценка очень нравилась детям. Подготовить её было не так-то легко. Пришлось затратить много труда и терпения. Но и здесь, как всегда, я действовал только лаской и ни разу не ударил своего четвероногого ученика Бэби.

Слон любил меня и был послушен и добр. Но иногда на него находили припадки упрямства.

Раз я повёл его на арену для репетиции. Вдруг Бэби вздумалось повернуть налево, в тускло освещенный проход под галереей. Я загородил дорогу и крикнул:

— Алле!

Но Бэби встал как вкопанный. Я взял его за ухо и с силой потянул в сторону. Бэби заревел, вырвался и двинулся к тому же проходу. Я снова поймал его за ухо и снова повернул назад. Но Бэби не слушался. Я стал его ласково уговаривать и сунул ему в рот кусок сахара. В ответ раздался невообразимый рёв, будто я подсунул слону отраву. Бэби выплюнул сахар и снова потянулся к тёмному проходу. «Ладно, упрямец, — решил я, — будешь знать!» В проходе, под галереей, стояла железная печка. Она в это время топилась и была сильно накалена. Я подумал: «Бэби, проходя под галереей, обязательно заденет горячую печку». Я отпустил его ухо и отступил. Бэби пошёл куда хотел, дошёл до печки и, конечно, обжёгся. Он попятился, поджал короткий хвост и побежал ко мне. Я молча ждал. Бэби опустил хобот и стал жалобно гудеть. Я тихо погладил его, потрепал за ухо, и Бэби затих. Я начал репетицию. Упрямец был наказан.

Бэби разъезжал со мной по разным городам. Когда мы приезжали куда-нибудь и шли с вокзала в цирк, вокруг нас собиралась толпа. Мальчишки дивились длинному хоботу слона, его толстым ногам.

Они целыми днями осаждали цирк. Они находили в стене щели, просовывали туда палки и дразнили Бэби. А Бэби в ответ прикладывал к щели хобот и дул на хулиганов.

В одном городе произошел случай, который я никогда не забуду.

Наш летний цирк стоял на площади. Крыша цирка была сделана из парусины. Ночью поднялся сильный ветер, сорвал парусину и электрические провода. Наступила кромешная тьма. К счастью, публики в цирке не было. Но там были артисты, служители, звери. Во мраке раздавались крики людей, топот лошадей, треск ломающихся досок... Оглушительно заревел Бэби.

Я нащупал в темноте керосиновую лампу, зажгё и бросился к слону. При скудном свете лампы я увидел: всё стойло Бэби было разгромлено. Столбы, на которых держалась балка с цепью, были вырваны из земли вместе с досками. Бэби, объятый ужасом, высоко поднял хобот, растопырил уши и дергал ногу с цепью, стараясь оторваться от балки. При этом он ревел во всё горло. Он потащил за собой балку; она застряла в проходе. Слон рвался и ревел. В соседних стойлах вздыбились лошади. Я понимал, что обезумевший Бэби может меня убить. Но выбора не было: я обязан был во что бы то ни стало успокоить слона.

Я приближался к нему, освещая путь тусклой лампой, и ласково звал:

— Бэби, Бэби!

Добравшись до Бэби, я начал его гладить, чесать ему живот, трепать за ухо; я обнимал его, целовал в хобот — ничего не помогало. Бэби обезумел. Он рвался с цепи, причиняя себе страшную боль: цепь всё глубже впивалась в ногу. Потом он упал на колени и чуть не задавил меня. Он загребал хоботом землю и выворачивал камни.

Но вот цирк наполнился слабым светом — это служащие нашли запасные лампы. Ветер стал тише. С большим трудом мне удалось снять цепь с ноги слона.

Почувствовав облегчение, Бэби перестал реветь. Он долго не мог успокоиться, вздрагивал, топорщил уши и с шумом выпускал воздух через хобот.

Хорошо, что балка застряла и Бэби не мог вырваться на свободу! Обезумевший от страха, он наделал бы немало бед, и его пришлось бы пристрелить.

Бэби-воришка

Бэби любил, когда служитель Николай смазывал ему тело вазелином. Вазелин предохраняет кожу от мороза: не смазанная жиром, кожа слона высыхает и трескается. Особенно чувствительны у слона уши.

Вот стоит, бывало, Бэби в стойле, а Николай усердно мажет его. Кожа слона начинает щеголевато лосниться. Бэби разнеживается и начинает шалить: мотает головой, болтает хоботом, будто веревкой, старается толкнуть ногой табурет.

Шалил он много и во время купанья. А купаться он очень любил. В Крыму, в Евпатории, толпы отдыхающих часами наблюдали, как мой Бэби купается в море. Слон кувыркался в волнах, как акробат. Он доставал хоботом со дна песок, обмазывал им себе голову и спину, бил хоботом по воде. Наигравшись вволю, он погружался в воду с головой — из воды торчал только коротенький хвост. Публика хохотала.

Бэби был большой попрошайка. Я его кормил очень хорошо, и всё же он всегда выпрашивал у публики подарки. Публика его любила и щедро угощала. Особенно старались дети. Они без конца совали в его цепкий хобот разные лакомства.

Выйдет, бывало, Бэби на арену и давай кланяться. Со всех сторон бросают ему лакомства. А попрошайка кивает головой и похрустывает конфетами и сахаром.

Однажды я решил сосчитать, сколько же булок подарили Бэби. Оказалось, за один вечер в Москве гостеприимные москвичи поднесли Бэби сто двадцать шесть больших белых булок, и он всё съел.

Бэби попрошайничал везде: в цирке, на улице, на вокзалах. Один раз у вокзала, когда мы выгружались из вагона, вокруг Бэби собрались женщины, торгующие продуктами. Бэби заметил корзинку с капустой, картофелем и морковкой. Корзинку держала девочка лет одиннадцати. Забыв обо всем на свете, девочка смотрела на невиданного зверя.

Не долго думая, Бэби протянул хобот, схватил корзинку и всю её, вместе с капустой, картофелем и морковкой, отправил в рот.

Девочка застыла от удивления. Молча она следила за тем, как слон глотает её корзинку.

Бэби поел (видно, ему понравилось) и, по привычке, стал усиленно кланяться: он благодарил за угощение. Девочка растерялась, заморгала глазами и в ответ тоже стала кивать слону. Публика захохотала. Пожалуй, даже и в цирке у Бэби не было лучшего номера.

Смех привёл девочку в себя. Она оглянулась на толпу и заплакала. Пришлось мне заплатить за овощи и за корзину.

Иногда Бэби развлекался мелким воровством. Он не был разборчив и подбирал все, что плохо лежало. Попадётся ему брошенная вожакom куртка — Бэби хватает куртку и всю её

вместе с карманами, где лежат табак, кошелёк, перочинный нож и даже паспорт, отправляет в рот. Проходя мимо артистической уборной, он при удобном случае воровал парики, гримировальные краски, платья. Всё это он прятал в одно место — в рот.

Один раз он даже пытался проглотить горящую керосиновую лампу.

Попробуй докажи ему, что воровать нельзя!

У классной доски

На арене — школа. На партах, будто настоящие школьники, сидят морские львы, свиньи, слон, телёнок, ослик, пеликан, фокстерьер Пик и большой сенбернар Лорд.

Бэби — один из первых учеников. Он получает круглые пятёрки, и даже с плюсом. Особенно он силен в арифметике.

Я вызываю Бэби к доске:

— Бэби, сколько будет три и четыре?

Бэби берёт хоботом громадный кусок мела и выводит на доске семь толстых палок. Порой он писал таким размашистым, слоновьим почерком, что единицы не помещались на доске.

— Лорд, сколько не хватает единиц на доске?

И Лорд лаял ровно столько раз, сколько надо было. А пеликан, сидевший на второй скамье, шипел на весь «класс».

Я журил пеликана:

— Нельзя подсказывать... Нехорошо.

Как видите, совсем как в настоящей школе. И даже книги на партах лежат.

Книги были особенные, деревянные, и ученики перелистывали их кто как мог: свинья — пяточком, осёл — мордой, пеликан — длинным, будто ножницы, клювом, а морские львы — лапами.

Случалось, Бэби выводил на доске больше палок, чем нужно. Тогда Лео, морской лев, подбегал к доске, становился на задние лапы, упирался левым ластом в доску, а правым стирал лишние единицы.

Публика аплодировала и удивлялась. Ей всё это казалось чем-то вроде чуда. А тут никакого чуда нет. Я долго и терпеливо обучал зверей всем этим движениям. А некоторым вещам и учить не надо было. Так, например, сидя на арене за партой, старый пёс Лорд нередко зевал, широко раскрывая пасть. Я его этому не учил — он зевал от усталости. А я говорил:

— Лорд — плохой ученик: зевает на уроке. Надо ему поставить четыре по поведению.

И публика смеялась.

Но вот урок окончен. Парты убираются, и ученик Бэби подходит к своему учителю. Я ложусь на землю. Бэби высоко поднимает ноги и осторожно переступает через меня. Публика ахает и аплодирует.

Бэби быстро бежит вокруг арены и снова, ещё выше поднимая ноги, шагает через моё беспомощно раскинутое тело.

Вот он стоит надо мной. Я командую:

— Алле, Бэби!

И слон медленно начинает подгибать задние ноги, становится на колени, затем подгибает передние и осторожно опускается на меня.

— Раздавит, раздавит! — кричит публика.

— Довольно!

— Ай, раздавил!..

Но Бэби и не думает меня давить. Правда, в нём примерно три тонны, и если бы он действительно лёг на меня, от учителя осталось бы мокрое место, но Бэби чувствует свой громадный вес. Как только его живот приближается ко мне, Бэби каменеет. Он напрягает все мускулы, старается удержаться в трудной позе и только тревожно гудит. По этому гуденью я узнаю, что Бэби хочет поскорее окончить утомительный номер и подняться.

— Алле!

Бэби медленно поднимается, выпрямляя толстые, как колонны, ноги. В публике облегчённо вздыхают.

— Бэби, алле!

И громадный слон поднимает передние ноги. Вот он стоит на одних задних ногах, высоко подняв передние, и балансирует. А я с распростёртыми руками стою под ним. И кажется, вот-вот слон не устоит на двух ногах и тяжёлая туша рухнет на меня.

— Алле!

Я отскакиваю. Бэби ставит передние ноги на землю и с облегчением выпускает воздух через хобот. Публика аплодирует.

Я заставляю Бэби поднять хобот и открыть рот. Он послушно исполняет это. Затем я вкладываю в его рот голову и расставляю руки. Публика замирает. Бэби стоит смирно, несмотря на то что мои волосы щекочут его скользкий язык. В такой позе я не могу крикнуть: «Алле!» Я жду, пока публика не начнет аплодировать и кричать: «Довольно!» Иногда приходится ждать долго, но ничего не поделаешь. И когда наконец публика начинает хлопать, я вынимаю голову из пасти Бэби, и мы оба кланяемся. Надо отвечать на аплодисменты, нехорошо быть невежливым.

Хрюшка-парашютист. В. Дуров

Была у меня свинья Хрюшка. Она у меня летала! В то время ещё самолётов не было, а поднимались в воздух на воздушном шаре. Я решил, что моя Хрюшка тоже должна подняться в воздух. Я заказал из белой бязи воздушный шар (метров на двадцать в диаметре) и к нему шёлковый парашют.

В воздух шар поднимался так. Из кирпичей устроили печь, там сжигалась солома, а шар привязывался к двум столбам над печью. Держали его человек тридцать, постепенно растягивая. Когда шар весь наполнялся дымом и тёплым воздухом, канаты отпускали, и шар поднимался.

Но как научить Хрюшку летать?

Я тогда жил на даче. Вот мы с Хрюшкой вышли на балкон, а на балконе у меня был устроен блок и через него переброшены обшитые войлоком ремни. Я надел на Хрюшку ремни и стал осторожненько подтягивать её на блоке. Хрюшка повисла в воздухе. Она отчаянно заболтала ногами и как завизжит! Но тут я поднёс будущей лётчице чашку с едой. Хрюшка, почуяв вкусное, забыла про всё на свете и занялась обедом. Так она и ела, болтая ногами в воздухе и покачиваясь на ремнях.

Я несколько раз поднимал её на блоке. Она привыкла к этому и, наевшись, даже спала, повиснув на ремнях.

Я приучил её к быстрому подъёму и спуску.

Потом мы перешли ко второй части обучения.

Я поставил натянутую ремнями Хрюшку на площадку, где был будильник. Затем поднёс Хрюшке чашку с пищей. Но как только её пяточек коснулся еды, я отвел руку с чашкой. Хрюшка потянулась за вкусным, соскочила с площадки и повисла на ремнях. В эту самую минуту затрещал будильник. Эти опыты я проделывал несколько раз, и Хрюшка уже знала, что всякий раз, как зазвонит будильник, она будет получать пищу из моих рук. В погоне за заветной чашкой она при звоне будильника сама соскакивала с площадки и раскачивалась в воздухе, ожидая лакомства. Она привыкла: как затрещит будильник, надо прыгать.

Всё готово. Теперь моя Хрюшка может отправляться в воздушное путешествие.

На всех заборах и столбах нашей дачной местности появились яркие афиши:

Свинья в облаках!

Что творилось в день спектакля! Билеты на дачный поезд брались с бою. Вагоны были набиты до отказа. Дети и взрослые висели на подножках.

Все говорили:

— А как это: свинья — да в облаках!

— Люди ещё летать не умеют, а тут свинья!

Только и разговоров было, что о свинье. Хрюшка сделалась знаменитой особой.

И вот началось представление. Шар наполнили дымом.

На площадку, подвязанную к шару, вывели Хрюшку. Мы привязали свинью к парашюту, а парашют прикрепили к верхушке шара тонкими бечёвками, только чтобы парашют держался. На площадку мы поставили будильник — через две-три минуты он затрещит.

Вот канаты отпущены. Шар со свиньей поднялся в воздух. Все закричали, зашумели:

— Гляди, летит!

— Пропадёт свинья!

— Ого, знай Дурова!

Когда шар был уже высоко, затрещал будильник. Хрюшка, привыкшая по звонку прыгать, бросилась с шара в воздух. Все ахнули: свинья камнем полетела вниз. Но тут парашют раскрылся, и Хрюшка, плавно покачиваясь, благополучно, как заправский парашютист, спустилась на землю.

После этого первого полёта «парашютистка» проделала ещё множество воздушных путешествий. Мы с ней объездили всю Россию.

Полёты не обходились без приключений.

В одном городе Хрюшка попала на крышу гимназии. Положение было не из приятных. Зацепившись парашютом за водосточную трубу, Хрюшка визжала изо всех сил. Гимназисты оставили книжки и бросились к окнам. Уроки были сорваны. Достать Хрюшку не было никакой возможности. Пришлось вызывать пожарную команду.

Что ни страница – то слон, то львица. В. Маяковский

Льва показываю я,
посмотрите нате —
он теперь не царь зверья,
просто председатель.

Этот зверь зовется лама.

Лама дочь

и лама мама.

Маленький пеликан

и пеликан-великан.

Как живые в нашей книжке

слон,

слониха

и слонишки.

Двух- и трехэтажный рост,

с блюдо уха оба,

впереди на морде хвост

под названьем "хобот".

Сколько им еды, питья,

сколько платья снашивать!

Даже ихнее дитя

ростом с папу с нашего.

Всех прошу посторониться,

разевай пошире рот,—

для таких мала страница,

дали целый разворот.

Крокодил. Гроза детей.

Лучше не гневите.

Только он сидит в воде
и пока не виден.

Вот верблюды, а на верблюде
возят кладь
и ездят люди.

Он живет среди пустынь,
ест невкусные кусты,
он в работе круглый год —
он,
верблюд,
рабочий скот.

Кенгуру.
Смешная очень.
Руки вдвое короче.
Но за это
у ней
ноги вдвое длинней.

Жираф-длинношейка —
ему
никак
для шеи не выбрать воротника.
Жирафке лучше:
жирафу-мать
есть
жирафенку
за что обнимать.

Обезьян.

Смешнее нет.
Что сидеть как статуя?!
Человеческий портрет,
даром что хвостатая.
Зверю холодно зимой.
Зверик из Америки.
Видел всех.
Пора домой.
До свиданья, зверики!

Уж сколько раз твердили миру...

Ворона и Лисица. И. Крылов

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
"Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, -
Ведь ты б у нас была царь-птица!"
Вещунья с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, -
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал - с ним была плутовка такова.

Мартышка и очки. И. Крылов

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть!» говорит она: «и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне нагали;
А проку на́-волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.
К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь,— цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

Листы и Корни. И. Крылов

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотой своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами». —
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам»,
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те»,
Им снизу отвечали:
«Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете.

Красуйтесь в добрый час!

Да только помните ту разницу меж нас:

Что с новою весной лист новый народится;

А если корень иссушится,—

Не станет дерева, ни вас».

Зеркало и Обезьяна. И. Крылов

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой.

Тихохонько Медведя толк ногой:

«Смотри-ка», говорит: «кум милый мой!

Что́ это там за рожа?

Какие у нее ужимки и прыжки!

Я удавилась бы с тоски,

Когда бы на нее хоть чуть была похожа.

А, ведь, признайся, есть

Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:

Я даже их могу по пальцам перечесть».—

«Чем кумушек считать трудиться,

Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

Ей Мишка отвечал.

Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:

Не любит узнавать ни кто себя в сатире.

Я даже видел то вчера:

Что Климыч на-руку нечист, все это знают;

Про взятки Климычу читают.

А он украдкою кивает на Петра.

Родного неба милый свет...

«В небе тают облака...». Ф. Тютчев

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немym дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века -
Так же будут, в вечном строe,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

«В тот год осенняя погода...». А. Пушкин

В тот год осенняя погода

Стояла долго на дворе,

Зимы ждала, ждала природа.

Снег выпал только в январе

На третье в ночь. Проснувшись рано,

В окно увидела Татьяна

Поутру побелевший двор,

Куртины, кровли и забор,

На стеклах легкие узоры,

Деревья в зимнем серебре,

Сорок веселых на дворе

И мягко устланные горы

Зимы блистательным ковром.

Все ярко, все бело кругом.

«Весна! Выставляется первая рама...». А. Майков

Весна! Выставляется первая рама —

И в комнату шум ворвался,

И благовест ближнего храма,

И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:

Вон — даль голубая видна...

И хочется в поле, в широкое поле,

Где, шествуя, сыплет цветами весна!

Встреча зимы. И. Никитин

Поутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землёю туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чём,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей.

Словно рад он чему,—
И на ветках берёз,
Как алмазы горят
Капли сдержанных слёз.

Здравствуй, гостя-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас,—
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать,
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

Искони уж таков
Православный народ:
Летом, смотришь, жара -
В полушубке идёт;

Жгучий холод пахнул -
Всё равно для него:
По колени в снегу,
Говорит: «Ничего!»

В чистом поле метель
И -кутит, и мутит,—
Наш степной мужичок
Едет в санках, кряхтит:

«Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!»
Сам сидит и поёт -
«Не белы-то снежки!...»

Да и нам ли подчас
Смерть не встретить шутя,
Если к бурям у нас
Привыкает дитя?

Когда мать в колыбель
На ночь сына кладёт,
Под окном для него
Песни выюга поёт.

И разгул непогод
С ранних лет ему люб,
И растёт богатырь,
Что под бурями дуб.

Рассыпай же, зима,
До весны золотой
Серебро по полям
Нашей Руси святой!

И случится ли, к нам
Гость незванный придёт
И за наше добро
С нами спор заведёт —

Уж прими ты его
На сторонке чужой,
Хмельный пир приготовь,
Гостю песню пропой;

Для постели ему
Белый пух припаси
И метелью засыпь
Его след на Руси!

«Зреет рожь над жаркой нивой...». А. Фет

Зреет рожь над жаркой нивой,

И от нивы и до нивы

Гонит ветер прихотливый

Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,

Изумлен, что день не минул,

Но широко в область ночи

День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба

Меж заката и востока

Лишь на миг смежает небо

Огнедышащее око.

К зиме. К. Бальмонт

Лес совсем уж стал сквозистый,

Редки в нем листы.

Скоро будет снег пушистый

Падать с высоты.

Опушит нам окна наши,

В детской и везде.

Загорятся звезды краше,

Лед прильнет к воде.

На коньках начнем кататься

Мы на звонком льду.

Будет смех наш раздаваться

В парке на пруду.

А в затишье комнат - прятки,

В чет и нечет - счет.

А потом настанут Святки,

Снова Новый год.

«Листья в поле пожелтели...». М. Лермонтов

Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

«Мама! Глянь-ка из окошка...». А. Фет.

Мама! глянь-ка из окошка -

Знать, вчера недаром кошка

Умывала нос:

Грязи нет, весь двор одело,

Посветлело, побелело -

Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий

По ветвям развешен иней -

Погляди хоть ты!

Словно кто-то тороватый

Свежей, белой, пухлой ватой

Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:

За салазки да и в гору

Весело бежать!

Правда, мама? Не откажешь,

А сама, наверно, скажешь:

“Ну, скорей гулять!”

«Нивы сжаты, рощи голы». С. Есенин

Нивы сжаты, рощи голы,

От воды туман и сырость.

Колесом за сини горы

Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.

Ей сегодня примечталось,

Что совсем-совсем немного

Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой

Увидал вчера в тумане:

Рыжий месяц жеребенком

Запрягался в наши сани.

Осень. К. Бальмонт

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце стало грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачет спросонья.

Полевые цветы. И. Бунин

В блеске огней, за зеркальными стеклами,
Пышно цветут дорогие цветы,
Нежны и сладки их тонкие запахи,
Листья и стебли полны красоты.

Их возрастили в теплицах заботливо,
Их привезли из-за синих морей;
Их не пугают метели холодные,
Бурные грозы и свежесть ночей...

Есть на полях моей родины скромные
Сестры и братья заморских цветов:
Их возрастила весна благовонная
В зелени майской лесов и лугов.

Видят они не теплицы зеркальные,
А небосклона простор голубой,
Видят они не огни, а таинственный
Вечных созвездий узор золотой.

Веет от них красотой стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорят про давно позабытые
Светлые дни.

«Пройдет зима холодная...». С. Дрожжин

Пройдет зима холодная,
Настанут дни весенние,
Теплом растопит солнышко,
Как воск, снега пушистые.
Листами изумрудными
Леса зазеленеются,
И вместе с травкой бархатной
Взойдут цветы душистые.

«Славная осень! Здоровый, ядреный...». Н. Некрасов

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно - покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни -
Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

«Тени вечера сгущаются...». С. Дрожжин

Тени вечера сгущаются,
Воздух влажен и душист,
И росой умывается
На деревьях каждый лист.
Птицы в гнездах схоронились,
И у берега реки,
Чуть мерцая, засветились
По деревне огоньки.

Волшебные краски. Е. Пермяков

Один раз в сто лет самый добрый из всех добрых стариков — Дед Мороз — в ночь под Новый год приносит семь волшебных красок. Этими красками можно нарисовать всё, что захочешь, и нарисованное оживёт.

Хочешь — нарисуй стадо коров и потом паси их. Хочешь — нарисуй корабль и плыви на нём... Или звездолёт — и лети к звёздам. А если тебе нужно нарисовать что-нибудь попроще, например стул, — пожалуйста... Нарисуй и садись на него. Волшебными красками можно нарисовать что угодно, даже мыло, и оно будет мылиться. Поэтому Дед Мороз приносит волшебные краски самому доброму из всех самых добрых детей.

И это понятно... Если такие краски попадут в руки злому мальчику или злой девочке — они могут натворить много бед. Стоит, скажем, этими красками пририсовать человеку второй нос, и он будет двуносым. Стоит пририсовать собаке рога, курице — усы, а кошке — горб, и будет собака — рогатой, курица — Усатой, а кошка — горбатой.

Поэтому Дед Мороз очень долго проверяет сердца детей, а потом уже выбирает, кому из них подарить волшебные краски.

В последний раз Дед Мороз подарил волшебные краски одному самому доброму из всех самых добрых мальчиков.

Мальчик очень обрадовался краскам и тут же принялся рисовать. Рисовать для других. Потому что он был самый добрый из всех самых добрых мальчиков. Он нарисовал бабушке тёплый платок, маме — нарядное платье, а отцу — новое охотничье ружьё. Слепому старику мальчик нарисовал глаза, а своим товарищам — большую-пребольшую школу...

Он рисовал, не разгибаясь, весь день и весь вечер... Он рисовал и на другой, и на третий, и на четвёртый день... Он рисовал, желая людям добра. Рисовал до тех пор, пока не кончились краски. Но...

Но никто не мог воспользоваться нарисованным. Платок, нарисованный бабушке, был похож на тряпицу для мытья полов, а платье, нарисованное матери, оказалось таким кособоким, пёстрым и мешковатым, что она его не захотела даже примерить. Ружьё ничем не отличалось от дубины. Глаза для слепого напоминали две голубые кляксы, и он не мог ими видеть. А школа, которую очень усердно рисовал мальчик, получилась до того ужасной, что к ней боялись подходить близко. Падающие стены. Крыша набекрень. Кривые окна. Косые двери... Страшилище, а не дом. Уродливое здание не захотели взять даже для склада.

Так на улице появились деревья, похожие на старые метёлки. Появились лошади с проволочными ногами, автомобили с какими-то странными кругляшками вместо колёс, самолёты с тяжеленными крыльями, электрические провода толщиной в бревно, шубы и пальто, у которых один рукав длиннее другого...

Так появились тысячи вещей, которыми нельзя было воспользоваться, и люди ужаснулись.

— Как ты мог сделать столько зла, самый добрый из всех самых добрых мальчиков?

И мальчик заплакал. Ему так хотелось сделать счастливыми людей, но, не умея рисовать, он зря извёл краски.

Мальчик плакал так громко и безутешно, что его услышал самый добрый из всех самых добрых стариков — Дед Мороз. Услышал и вернулся к нему. Вернулся и положил перед мальчиком краски.

— Только это, мой друг, простые краски... Но они могут стать волшебными, если ты этого захочешь...

Так сказал Дед Мороз и удалился...

Прошёл год... Прошло два года... Прошло много и очень много лет. Мальчик стал юношей, потом взрослым человеком, а потом стариком... Он всю жизнь рисовал простыми красками. Рисовал дома. Рисовал лица людей. Одежду. Самолёты. Мосты. Железнодорожные станции. Дворцы... И пришло время, настали счастливые дни, когда нарисованное им на бумаге стало переходить в жизнь...

Появилось множество прекрасных зданий, построенных по его рисункам. Полетели чудесные самолёты. С берега на берег перекинулись новые мосты... и никто не хотел верить, что всё это было нарисовано простыми красками. Все их называли волшебными...

Так случается на белом свете... Так случается не только с красками, но и с обыкновенным топором или швейной иглой и даже с простой глиной... Так ручается со всем, к чему прикасаются руки самого великого волшебника из самых великих волшебников — руки трудолюбивого человека...

Гадкий утенок. Г. Х. Андерсен

Хорошо было за городом!

Стояло лето. Золотилась рожь, зеленел овес, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у матери.

За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озера. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными листьями во весь рост. В чаще лопуха было глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка.

Она должна была выводить утят, и ей это порядком надоело, потому что сидела она уже давно и ее редко навещали — другим уткам больше нравилось плавать по канавам, чем сидеть в лопухах да кричать с нею. Наконец яичные скорлупки затрещали.

- Пип! Пип! — запищало внутри. Все яичные желтки ожили и высунули головки.

- Кряк! Кряк! — сказала утка. Утята быстро выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом под зелеными листьями лопуха; мать не мешала им — зеленый цвет полезен для глаз.

- Ах, как велик мир! — сказали утята.

Еще бы! Тут было куда просторнее, чем в скорлупе.

- Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все вы тут?

И она встала.

- Ах нет, не все. Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

- Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла ее навестить.

- Да вот с одним яйцом никак не управлюсь, — сказала молодая утка. — Все не лопается. Зато посмотри-ка на малюток! Просто прелесть! Все, как один, — в отца.

- А ну-ка покажи мне яйцо, которое не лопается, — сказала старая утка. — Наверняка это индюшечье яйцо. Вот точно так же и меня однажды провели. Ну и было же мне с этими индюшатами хлопот, скажу я тебе! Никак не могла заманить их в воду. Уж я и крякала, и толкала — не идут, да и только! Ну-ка, покажи яйцо. Так и есть! Индюшечье! Брось его да ступай учи деток плавать!

- Посижу уж еще! — сказала молодая утка. — Столько сидела, что можно и еще посидеть.

- Как угодно! — сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

- Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из яйца. Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его.

- Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на остальных! Уж не индюшонок ли это, в самом деле? Ну да в воде-то он у меня побывает, силой да загоню!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем. Утка со всею своею семьей отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

- Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже побултыхались в воду. Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед.

Лапки у них так и работали, и даже некрасивый серый утенок не отставал от других.

- Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, мой он, мой родненький... Да он вовсе и не дурен, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Сейчас я введу вас в общество, представлю вас на птичьем дворе. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум!

Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря, а кончилось тем, что головка досталась кошке.

- Вот видите, как бывает на свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки.

- Ну-ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскут. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, — по этому лоскуту ее узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вовнутрь! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот так! Смотрите! Теперь наклоните голову и скажите: «Кряк!»

Так они и сделали. Но другие утки оглядели их и сказали громко:

- Ну вот, еще целая орава! Как будто нас мало было? А один-то какой безобразный! Уж его-то мы не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в затылок.

- Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал!

- Положим, но он такой большой и странный! — ответила чужая утка. — Ему надо задать хорошенько.

- Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутом на лапе. — Все славные, вот только один... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

- Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со

временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце, оттого и не совсем удался.

И она почесала у него в затылке и огладила перышки.

- К тому же он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он окрепнет и пробьет себе дорогу.

- Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте как дома, а найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот утята и устроились как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и дразнили решительно все — и утки и куры.

- Больно велик! — говорили они.

А индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким безобразным, что весь птичий двор смеется над ним!..

Так прошел первый день, а потом пошло еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему:

- Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!

А мать прибавляла:

Глаза бы на тебя не глядели!

Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Не выдержал утенок, перебежал двор — и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Это оттого, что я такой безобразный!» — подумал утенок, закрыл глаза и пустился дальше.

Бежал-бежал, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный, пролежал он тут всю ночь.

Утром дикие утки поднялись из гнезд и увидали нового товарища.

- Это что за птица? — спросили они.

Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

- Ну и страшилище ты! — сказали дикие утки. — Впрочем, нам все равно, только не думай породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было думать об этом! Только бы позволили ему посидеть в камышах да попить болотной водицы.

Два дня провел он в болоте. На третий день явились два диких гусака. Они лишь недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

- Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь летать с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут хорошенькие дикие гуси-барышни. Они умеют говорить: «Га-га-га!» Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них успех.

Пиф! Паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака замертво упали в камыши; вода обагрилась их кровью.

Пиф! Паф! — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые засели даже в нависших над болотом ветвях деревьев.

Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту бегали охотничьи собаки — шлеп! шлеп! Камыш и тростник так и качались из стороны в сторону.

Бедный утенок был ни жив ни мертв от страха. Он хотел было спрятать голову под крыло, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами.

Она сунулась пастью к утенку, оскалила острые зубы и — шлеп! Шлеп! — побежала дальше.

«Не тронула, — подумал утенок и перевел дух. — Уж видно, такой я безобразный, что даже собаке противно укусить меня!»

И он притаился в камышах.

Над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы. Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться.

Лишь через несколько часов он осмелился встать, огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи добежал он до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка — приходилось упираться в землю хвостом. А ветер все крепчал.

Тут утенок заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха с котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже пускать искры, если погладить его против шерсти.

У курицы были маленькие, коротенькие ножки, потому ее и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром чужого утенка заметили. Кот замурлыкал, курица заклохтала.

- Что там? — спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утенка, но по слепоте приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

- Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц все не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой — курица, и оба всегда говорили:

- Мы и весь свет!

Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной.

Правда, утенок полагал, что можно быть на этот счет и другого мнения. Но курица этого не потерпела.

- Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

- Нет.

- Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

- Умеешь ты выгибать спину, мурлыкать и пускать искры?

- Нет.

- Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу нахохлившись.

Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

- Да что с тобой? — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

- Ах, плавать так приятно! — сказал утенок. — Такое удовольствие нырять вниз головой в самую глубь!

- Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять. О себе самой я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи, умнее ее никого нет на свете! Потвоему, и ей хочется плавать или нырять?

- Вы меня не понимаете, — сказал утенок.

- Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Ты что ж, хочешь быть умнее кота и хозяйки, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать-то с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да пускать искры!

- Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят, — сказал утенок.

- Ну и ступай себе! — отвечала курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял, но все животные попрежнему презирали его за безобразия.

Настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно.

Тяжелые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во все горло. Бррр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде!

Плохо приходилось бедному утенку. Раз, под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из кустов поднялась целая стая прекрасных больших птиц, утенок никогда еще не видал таких красивых: все белые как снег, с длинными, гибкими шеями.

Это были лебеди.

Издав странный крик, они всплеснули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Высоко-высоко поднялись лебеди, а бедного утенка охватила непонятная тревога.

Волчком завертелся он в воде, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, нырнул на самое дно, вынырнул и был словно не в себе. Не знал утенок, как зовут этих птиц, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете.

Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они. Он был бы рад-радехонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя.

Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше.

Морозило так, что даже лед потрескивал. Без устали работал лапками утенок, но под конец совсем выбился из сил, замер и весь обмерз.

Рано утром проходил мимо крестьянин. Он увидел утенка, разбил лед своими деревянными башмаками и отнес полумертвую птицу домой к жене.

Утенка отогрели.

Но вот дети вздумали поиграть с ним, а ему показалось, что они хотят обидеть его. Шарахнулся от страха утенок и угодил прямо в подойник с молоком.

Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула и взмахнула руками, а утенок между тем влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. Батюшки, на что он стал похож!

Хозяйка кричала и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали.

Хорошо еще, дверь была открыта, — утенок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежевывавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально описывать все беды и несчастья утенка за эту суровую зиму. Когда же солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах.

Запели жаворонки. Пришла весна! Утенок взмахнул крыльями и полетел. Теперь в крыльях его гудел ветер, и они были куда крепче прежнего.

Не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони стояли в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом.

Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде.

Утенок узнал прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

- Полечу-ка к ним, к этим величавым птицам. Они, наверное, заклюют меня насмерть за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!

И он опустил на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, тоже поплыли к нему.

- Убейте меня! — сказал бедняжка и низко опустил голову, ожидая смерти, но что же увидел он в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное отражение.

Но он был уже не гадким темно-серым утенком, а лебедем. Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!

Теперь он был рад, что перенес столько горя и бед, — он мог лучше оценить свое счастье и окружавшее его величие.

А большие лебеди плавали вокруг и гладили его клювами.

В сад прибежали маленькие дети. Они стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый младший закричал:

- Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

- Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости, а потом побежали за отцом и матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. Все говорили:

- Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним голову.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем.

Он был очень счастлив, но нисколько не возгордился — доброе сердце не знает гордости; ему вспоминалось то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных птиц.

Сирень склоняла к нему в воду свои душистые ветви, солнышко светило так тепло, так ярко...

И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

- Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

Госпожа Метелица. Братья Гримм

Была у одной вдовы дочь, была у нее еще и падчерица. Падчерица прилежная, красивая, а дочка и лицом нехороша, и лентяйка страшная. Дочку свою вдова очень любила и все ей прощала, а падчерицу заставляла много работать и кормила очень плохо.

Каждое утро должна была падчерица садиться у колодца и прясть пряжу. И столько ей нужно было спрядь, что часто даже кровь выступала у нее на пальцах.

Однажды сидела она так, пряла и запачкала кровью веретено. Наклонилась девушка к колодцу, чтобы обмыть веретено, и вдруг выскользнуло у нее веретено из рук и упало в колодезь.

Заплакала падчерица и побежала домой к мачехе рассказать о своей беде.

— Ты его уронила, ты его и доставай, — сказала мачеха сердито. — Да смотри, без веретена не возвращайся.

Пошла девушка обратно к колодцу и с горя взяла да и бросилась в воду. Бросилась в воду и сразу сознание потеряла.

А когда очнулась, увидела она, что лежит на зеленой лужайке, с неба солнце светит, а на лужайке цветы растут.

Пошла девушка по лужайке, смотрит: стоит на лужайке печь, а в печи хлебы пекутся. Хлебы крикнули ей:

— Ах, вынь нас, девушка, из печи поскорее:

Ах, вынь поскорее! Мы уже спеклись! А не то мы скоро совсем сгорим!

Взяла девушка лопату и вынула хлебы из печи. Потом пошла она дальше и пришла к яблоне. А на яблоне было много спелых яблок. Яблоня крикнула ей:

— Ах, потряси меня, девушка, потряси! Яблоки давно уже спели!

Стала девушка трясти дерево. Яблоки дождем на землю посыпались. И до тех пор трясла она яблоню, пока не осталось на ней ни одного яблока.

Сложила девушка яблоки в кучу и пошла дальше. И вот наконец пришла она к избушке. В окно избушки выглянула старуха. Из рта у нее торчали огромные белые зубы. Увидела девушка старуху, испугалась и хотела бежать, но старуха крикнула ей:

— Чего ты испугалась, милая? Оставайся-ка лучше у меня. Будешь хорошо работать, и тебе хорошо будет. Ты мне только постель стели получше да перину и подушки взбивай посильнее, чтобы перья во все стороны летели. Когда от моей перины перья летят, на земле снег идет. Знаешь, кто я? Я — сама госпожа Метелица.

— Что же, — сказала девушка, — я согласна поступить к вам на службу.

Вот и осталась она работать у старухи. Девушка она была хорошая, примерная и делала все, что ей старуха приказывала.

Перину и подушки она так сильно взбивала, что перья, словно хлопья снега, летели во все стороны.

Хорошо жилось девушке у Метелицы. Никогда ее Метелица не ругала, а кормила всегда сытно и вкусно.

И все-таки скоро начала девушка скучать. Сначала она и сама понять не могла, отчего скучает, — ведь ей тут в тысячу раз лучше, чем дома, живется, а потом поняла, что скучает она именно по родному дому. Как там ни плохо было, а все-таки она очень к нему привыкла.

Вот раз и говорит девушка старухе:

— Я очень стосковалась по дому. Как мне у вас ни хорошо, а все-таки не могу я здесь больше оставаться. Мне очень хочется родных увидеть.

Выслушала ее Метелица и сказала:

— Мне нравится, что ты своих родных не забываешь. Ты хорошо у меня поработала. За это я тебе сама покажу дорогу домой.

Взяла она девушку за руку и привела к большим воротам. Ворота раскрылись, и когда девушка проходила под ними, посыпалось на нее сверху золото. Так и вышла она из ворот, вся золотом обсыпанная.

— Это тебе в награду за твое старание, — сказала Метелица и дала ей веретено, то самое, которое в колодец упало.

Потом ворота закрылись, и девушка снова очутилась наверху, на земле. Скоро пришла она к мачехиному дому. Вошла она в дом, а петушок, сидевший на колодце, в это время запел:

— Ку-ка-ре-ку, девушка пришла!

Много золота в дом принесла!

Увидели мачеха с дочкой, что принесла падчерица с собой много золота, и встретили ее ласково. Даже ругать не стали за долгую отлучку.

Рассказала им девушка обо всем, что с нею случилось, и захотелось мачехе, чтобы ее дочка тоже стала богатой, чтобы она тоже много золота в дом принесла.

Посадила она свою дочь прясть у колодца. Села ленивая дочка у колодца, но прясть не стала. Только расцарапала себе палец терновником до крови, вымазала веретено кровью, бросила его в колодец и сама за ним в воду прыгнула.

И вот очутилась она на той же самой зеленой лужайке, где росли красивые цветы. Пошла она по тропинке и скоро пришла к печи. где пеклись хлебы.

— Ах, — крикнули ей хлебы, — вынь нас из печки! Вынь поскорее! Мы спеклись уже! Мы скоро сгорим!

— Как бы не так! — ответила лентяйка. — Стану я из-за вас пачкаться, — и пошла дальше.

Потом пришла она к яблоне, яблоня крикнула ей:

— Ах, потряси меня, девушка, потряси меня! Яблоки уже давно поспели!

— Как же, как же, — отвечала она, — того и гляди. если я начну тебя трясти, какое-нибудь яблоко мне на голову свалится да шишку набьет!

Наконец подошла лентяйка к дому госпожи Метелицы. Она совсем не испугалась Метелицы. Ведь сестра рассказала ей о больших зубах Метелицы и о том, что она совсем не страшная.

Вот и поступила лентяйка к Метелице на работу.

Первый день она еще кое-как старалась побороть свою лень, слушалась госпожу Метелицу, взбивала ей перину и подушки так, что перья летели во все стороны.

А на второй и на третий день стала ее одолевать лень. Утром нехотя поднималась она с кровати, постель своей хозяйки стлала плохо, а перину и подушки совсем перестала взбивать.

Надоело Метелице держать такую служанку, вот она и говорит ей:

— Уходи-ка ты обратно к себе домой!

Тут лентяйка обрадовалась.

«Ну, — думает, — сейчас на меня золото посыплется».

Подвела ее Метелица к большим воротам. Распахнулись ворота. Но когда выходила из них лентяйка, не золото на нее посыпалось, а опрокинулся котел со смолой.

— Вот тебе награда за твою работу, — сказала Метелица и захлопнула ворота.

Пришла лентяйка домой, а петушок, сидевший на колодце, увидел ее и закричал:

— Будут смеяться все на селе:

Входит девушка вся в смоле!

И так эта смола к ней крепко пристала, что осталась у нее на коже на всю жизнь.

Подарки Феи. Ш. Перро

Жила-была вдова, у которой были две дочери; старшая до того на нее походила и лицом и нравом, что, как говорится, не развел бы их. Так они были обе горды и неприветливы, что, кажется, никто бы не согласился жить с ними. Младшая, напротив, вышла в отца кротостью и вежливостью, да и сверх того красавица она была необыкновенная. Всякому человеку нравится то, что на него походит: мать была без ума от старшей дочери, а к младшей чувствовала отвращение неодолимое. Она заставляла ее работать с утра до вечера и не позволяла ей обедать за столом, а отсылала ее в кухню.

Два раза в день бедняжка должна была ходить по воду, за три версты от дому, и приносить оттуда большой тяжелый кувшин, полный доверху. Однажды, в самое то время, как она была у колодца, к ней подошла нищая и попросила дать ей напиться. "Изволь, голубушка", - отвечала красавица, выполоскала кувшин, зачерпнула воды на самом чистом месте источника и подала ей, а сама поддерживала кувшин рукою, чтоб старушке ловчее было пить.

Старушка отпила воды да и говорит:

- Ты такая красавица и такая притом добрая и вежливая, что я не могу не сделать тебе подарка. (Старушка эта была волшебница, которая обернулась нищей с тем, чтобы испытать добрый нрав молодой девушки.) И будет мой тебе подарок состоять в том, что всякий раз, как ты промолвишь слово, у тебя изо рта выпадет либо цветок, либо драгоценный камень.

Красавица возвратилась домой, и мать пустилась ее бранить за то, что она так долго промешкала у колодца.

- Извини меня, матушка; я точно немного замешкалась, - отвечала она и тут же выронила изо рта две розы, два жемчуга и два больших алмаза.

- Что я вижу! - воскликнула старуха с удивлением. - У нее изо рта валятся жемчуги и алмазы! Откуда тебе эта благодать пришла, дочь моя? (Она ее в первый раз от роду назвала дочерью.)

Бедняжка чистосердечно все рассказала, на каждом слове роняя по алмазу.

- Вот как! - возразила вдова. - Так я сейчас пошлю туда же мою дочь. Поди сюда, Груша, посмотри, что падает изо рта у твоей сестры, когда она говорит! Небось и ты бы желала иметь такой же дар! Тебе стоит пойти по воду к источнику, и, если нищая тебя попросит воды напиться, исполни ее просьбу со всею вежливостью да любезностью.

- Вот еще! - возразила злюка. - Такая я, чтобы по воду ходить, как же!

- Я хочу, чтобы ты пошла по воду, - возразила мать, - и сию же минуту.

Она пошла, только все время ворчала. Она взяла с собою самый красивый серебряный графин, какой только находился у них в доме. Не успела она приблизиться к источнику, как увидела даму, чрезвычайно богато одетую; эта дама вышла из лесу, подошла к ней и попросила дать ей напиться. Это была та же самая волшебница, которая являлась ее сестре, но на этот раз она приняла на себя вид и всю наружность принцессы с тем, чтоб испытать, до какой степени нрав этой девушки был дурен и неприветлив.

- Разве я сюда пришла, чтобы поить других! - с грубостью отвечала гордячка. - Уж не для тебя ли я принесла из дому этот серебряный графин? Вишь какая барыня! Ты сама рукой зачерпни, коли так тебе пить хочется.

- Какая же ты невежа! - отвечала волшебница спокойным голосом, без всякого, впрочем, гнева. - Ну, коли ты так со мною поступила, и я же тебе сделаю подарок, и будет он состоять в том, что при каждом твоём слове у тебя изо рта выпадет змея или жаба.

Мать, как только издали увидела свою Грушу, тотчас же закричала:

- Ну что, дочка?

- Ну что, matka? - отвечала та, и у нее изо рта выскочили две змеи и две жабы.

- О небо, - воскликнула старуха, - что я вижу! Всею причиною сестра - это верно... Ну, так постой же! Я ж ее!

Она бросилась бить бедняжку, свою вторую дочь, но та убежала и спряталась в соседнем лесу. Царский сын, возвращаясь с охоты, встретил ее там и, пораженный ее красотою, спросил ее, что она делает в лесу и зачем плачет.

- Ах, сударь! - отвечала она. - Мать прогнала меня из дому, -и при этих словах у нее изо рта выпало несколько жемчугов и алмазов.

Царский сын удивился и тотчас спросил, что это значит? Она рассказала ему свое приключение. Царский сын тут же в нее влюбился и, сообразив, что такой дар стоит всякого приданого, взял ее во дворец своего отца и женился на ней.

А сестра ее до того себя довела, что все ее возненавидели и даже собственная мать ее прогнала, и несчастная, всеми отверженная умерла одна в лесу с горя и с голода.

Змей - хвастунишка. В. Берестов

Однажды Витя сделал Змей. День был пасмурный, и мальчик нарисовал на Змее солнце.

Витя отпустил нитку. Змей стал подниматься всё выше и выше, мотая длинным хвостом и напевая песенку:

— Я лечу

И рею,

Я свечу

И грею!

— Ты кто такой? — спросили птицы.

— Разве не видите? — ответил Змей. — Я — солнце!

— Неправда! Неправда! — закричали птицы. — Солнце за тучами.

— За какими такими тучами? — разозлился Змей. — Солнце — это я! Никакого другого солнца не было, нет, не будет и не надо! Ясно?

— Неправда! Неправда! — всполошились птицы.

— Что-о-о? Цыц, короткохвостые! — рявкнул Змей, сердито мотая своим длинным хвостом.

Птицы в испуге разлетелись. Но тут выглянуло солнце.

— Заклевать хвастунишку! Выщипать хвост обманщику! — закричали птицы и набросились на Змея.

Витя начал быстро сматывать нитку, и Змей упал в траву.

— Что ты там натворил? — спросил мальчик.

— А что? — обиделся Змей. — И пошутить нельзя?

— Шутить шути, — сказал Витя, — но зачем же врать и хвастаться? Ты должен исправиться.

— Вот ещё новое дело! — проворчал Змей. — И не подумаю! Пускай птицы сами исправляются!

— Ах так! — возмутился Витя. — Ну хорошо! Тогда я сам тебя исправлю. Теперь уж ты никого не обманешь и не напугаешь, хоть лопни от злости!

Мальчик взял кисть и краски и превратил нарисованное солнце в смешную рожицу.

Змей опять полетел в небо, распевая песенку:

— Я лечу,

Я парю,

Что хочу,

То творю!

Он и дразнился, и врал, и хвастался. Но теперь все видели его смешную рожицу и думали, что он шутит. А он и не думал шутить.

— Я — солнце! Слышите? Я — солнце! — кричал Змей.

— Ха-ха-ха! — смеялись птицы. — Ох и насмешил! Ох и уморил! С тобой, брат, не соскучишься!

— Цыц, короткохвостые! — ворчал Змей, сердито мотая своим длинным хвостом.

Но птицы смеялись ещё громче, кружились рядом со Змеем и дёргали его за хвост.

Как найти дорожку. В. Берестов

Ребята пошли в гости к деду-леснику. Пошли и заблудились. Смотрят, над ними Белка прыгает. С дерева на дерево. С дерева на дерево. Ребята — к ней:

— Белка, Белка, расскажи,

Белка, Белка, покажи,

Как найти дорожку

К дедушке в сторожку?

— Очень просто, — отвечает Белка. — Прыгайте с этой ёлки вот на ту, с той — на кривую берёзку. С кривой берёзки виден большой-большой дуб. С верхушки дуба видна крыша. Это и есть сторожка. Ну что же вы? Прыгайте!

— Спасибо, Белка! — говорят ребята. — Только мы не умеем по деревьям прыгать. Лучше мы ещё кого-нибудь спросим.

Скачет Заяц. Ребята и ему спели свою песенку:

— Зайка, Зайка, расскажи,

Зайка, Зайка, покажи,

Как найти дорожку

К дедушке в сторожку?

— В сторожку? — переспросил Заяц. — Нет ничего проще. Сначала будет пахнуть грибами. Так? Потом — заячьей капустой. Так? Потом запахнет лисьей норой. Так?

Обскочите этот запах справа или слева. Так? Когда он останется позади, понюхайте вот так и услышите запах дыма. Скачите прямо на него, никуда не сворачивая. Это дедушка-лесник самовар ставит.

— Спасибо, Зайка, — говорят ребята. — Жалко, что носы у нас не такие чуткие, как у тебя. Придётся ещё кого-нибудь спросить.

Видят, ползёт Улитка.

— Эй, Улитка, расскажи,

Эй, Улитка, покажи,

Как найти дорожку

К дедушке в сторожку?

— Рассказывать до-о-олго, — вздохнула Улитка. — Лу-у-учше я вас туда провожу-у-у. Ползите за мной.

— Спасибо, Улитка! — говорят ребята. — Нам некогда ползать. Лучше мы ещё кого-нибудь спросим.

На цветке сидит Пчела. Ребята к ней:

— Пчёлка, Пчёлка, Расскажи,

Пчёлка, Пчёлка, покажи,

Как найти дорожку

К дедушке в сторожку?

— Ж-ж-ж, — говорит пчела. — Покажжжу... Смотрите, куда я лечу. Идите следом.

Увидите моих сестёр. Куда они, туда и вы. Мы дедушке на пасеку мёд носим. Ну, до свидания! Я уж-ж-жасно тороплюсь. Ж-ж-ж...

И улетела. Ребята не успели ей даже спасибо сказать. Они пошли туда, куда летели пчёлы, и быстро нашли сторожку. Вот была радость! А потом дедушка их чаем с мёдом угостил.

Калиф – аист. В. Гауф

Багдадский калиф Хасид благодумствовал однажды под вечер у себя на диване; он слегка вздремнул, ибо день выдался жаркий, и теперь, после дремы, казался весьма в духе. Он курил длинную трубку розового дерева, время от времени отпивал глоток кофе, который наливал ему раб, и всякий раз, смакуя напиток, с довольным видом поглаживал бороду. Словом, ясно было, что калиф настроен Превосходно. Именно в этот час он бывал сговорчивее, мягче и милостивее всего; потому-то его великий визирь Мансор являлся к нему ежедневно об эту пору. Тут он тоже пришел, но был, против своего обыкновения, очень озабочен. Калиф на минуту вынул трубку изо рта и произнес:

- Отчего у тебя такой озабоченный вид, великий визирь?

Великий визирь сложил руки крестом на груди, поклонился своему господину и ответил:

— Господин мой! Озабоченный ли у меня вид, я не знаю, но внизу перед дворцом стоит разносчик с такими прекрасными вещами, что меня досада берет, отчего у меня нет лишних денег.

Калиф, которому давно хотелось чем-нибудь порадовать своего великого визиря, послал черного раба вниз за разносчиком. Вскоре раб вернулся с разносчиком. То был толстый человечек, очень смуглый лицом и одетый в лохмотья. При нем был ларь, вмещавший всевозможные товары — жемчуга и кольца, богато оправленные пистолеты, чаши и гребни. Калиф со своим визирем пересмотрели все, и калиф купил в конце концов для себя и для Мансора красивые пистолеты, а для жены визиря — гребень. Когда разносчик собрался уже запирать ларь, калиф заметил в нем еще ящичек и спросил, нет ли там товаров. Разносчик выдвинул ящик и вынул из него табакерку с черноватым порошком и бумажку со странными письменами, которых не могли разобрать ни калиф, ни Мансор.

— Я получил как-то эти предметы от одного купца, который нашел их на улице в Мекке, — сказал разносчик, — я не знаю, что в них содержится; вам я уступлю их за самую низкую цену, мне-то ведь они ни к чему.

Калиф, который охотно собирал для своей библиотеки старинные манускрипты, хоть и не умел читать их, купил рукопись и коробочку и отпустил разносчика.

Однако калифу очень хотелось узнать, что сказано в рукописи, и он спросил визиря, не знает ли тот, кто бы мог разобрать ее.

— Милостивый господин и повелитель, — ответил визирь, — при большой мечети проживает человек, которого зовут Премудрый Селим, он знает все языки, вели позвать его, быть может, он поймет эти таинственные начертания.

Премудрый Селим вскоре был приведен.

— Селим, — обратился к нему калиф. — Селим, говорят, ты большой мудрец; взгляни-ка в эту рукопись, разберешь ты ее или нет; если разберешь, то получишь от меня новую праздничную одежду, а не разберешь, то получишь дюжину пощечин и две дюжины ударов по пяткам за то, что зря зовешься Премудрым.

Селим поклонился и сказал:

— Да будет воля твоя, о господин мой!

Долго разглядывал он рукопись и вдруг вскричал:

— Пусть меня повесят, если это не по-латыни, о господин мой!

— Скажи же, что там написано, — приказал калиф, — раз это по-латыни.

Селим принялся переводить: "Человек, нашедший это, да возблагодарит Аллаха за его милость! Кто понюхает порошок из этой коробки и при этом произнесет "мутабор", тот может превратиться в любого зверя, а также будет понимать язык зверей. Когда же он захочет снова принять человеческий облик, пусть поклонится трижды на восток и произнесет то же слово; однако, будучи превращенным, остерегись смеяться, иначе волшебное слово совершенно исчезнет у тебя из памяти, и ты останешься зверем".

Когда Премудрый Селим кончил читать, восторгу калифа не было пределов. Он заставил мудреца поклясться, что тот никому не выдаст тайны, подарил ему красивую одежду и отпустил его.

Затем калиф обратился к своему визирю:

— Вот уж поистине удачная покупка, Мансор! До чего весело будет стать зверем! Завтра с утра приходи ко мне; мы вместе отправимся в поле, понюхаем малую толику из моей коробочки и послушаем, что говорится в воздухе, в лесу и в поле!

II

На следующее утро, не успел калиф Хасид позавтракать и одеться, как уже, исполняя приказ, явился великий визирь, чтобы сопутствовать ему на прогулке.

Калиф заткнул за пояс табакерку с волшебным порошком и, приказав свите не сопровождать его, вдвоем с великим визирем пустился в путь. Они пошли сперва по обширным садам калифа, но тщетно искали они там живых существ, чтобы испытать свой фокус. Тогда великий визирь предложил пройти к пруду, где ему частенько случалось видеть множество птиц, а именно аистов, привлекавших его внимание величавостью повадок и неустанной трескотней.

Калиф согласился на предложение своего визиря и вместе с ним отправился к пруду. Придя туда, они увидели аиста, который степенно шагал взад и вперед, отыскивая лягушек и что-то треща себе под нос. Одновременно они увидели высоко в небе второго аиста, летевшего к тому же месту.

— Готов бороду свою прозакладывать, милостивейший господин мой, — сказал великий визирь, — что эти две длинноножки поведут сейчас между собой преинтересный разговор. Что, если бы нам обратиться в аистов?

— Умно придумано, — отвечал калиф. — Но сперва надо еще раз припомнить, как опять стать людьми. Правильно, — три раза поклониться на восток и произнести "мутабор", тогда я снова буду калифом, а ты визирем. Но только боже упаси нас рассмеяться, не то мы погибли!

Пока калиф говорил, второй аист пронесся у них над головами и медленно спустился на землю. Быстро достал калиф из-под пояса табакерку, взял из нее добрую понюшку и протянул ее великому визирю, который нюхнул тоже, и оба вскричали: "Мутабор!"

И сейчас же ноги у них съезжились и стали тонкими и красными; красивые туфли калифа и его спутника стали неуклюжими аистиными лапами, руки стали крыльями, шея вытянулась и стала в локоть длиной, борода исчезла, а тело покрылось мягкими перьями.

— Недурной у вас клюв, господин великий визирь, — произнес, едва оправившись от изумления, калиф. — Клянусь бородой пророка, ничего подобного я в жизни не видывал.

— Покорнейше благодарю, — отвечал великий визирь, кланяясь, — но осмелюсь заметить, что вашему величеству еще более к лицу быть аистом, чем калифом. Однако не угодно ли вам пойти послушать наших сотоварищей и узнать, на самом ли деле мы разумеем по-аистиному?

Тем временем второй аист успел спуститься на землю; он почистил себе клювом ноги, пригладил перья и направился к первому аисту. Оба новоявленных аиста поспешили поближе и, к изумлению своему, услышали следующий разговор:

— Доброе утро, госпожа Долгоног, — чуть свет уже на лугу?

— Благодарствую, душечка Трещотка! Я промыслила себе кой-чего на завтрак; не угодно ли четвертушку ящерицы или лягушачий филейчик?

— Чувствительно благодарна, но нынче у меня нет ни малейшего аппетита. Я совсем по другому делу явилась на луг. У отца сегодня гости, мне придется танцевать перед ними, вот я и хочу немного поупражняться на досуге.

И юная аистиха зашагала по лугу, выкидывая удивительнейшие коленца. Калиф и Мансор изумленно глядели ей вслед, но когда она остановилась в картинной позе на одной ноге, грациозно помахивая крыльями, они не могли сдержаться, из их клювов вырвался неудержимый хохот, от которого они нескоро отдышались. Калиф первый овладел собой. oskazka.ru

— Такой потехи ни за какие деньги не купишь! — вскричал он. — Жаль, что глупые твари испугались нашего смеха, а не то бы они, наверное, еще и запели!

Но тут великому визирю пришло на ум, что смеяться во время превращения не дозволено. Он поделился своими страхами с калифом.

— Клянусь Меккой и Мединой, плохая была б потеха, если бы мне пришлось остаться аистом. Припомни-ка это дурацкое слово, у меня оно что-то не получается.

— Нам надлежит трижды поклониться на восток и при этом произнести: "Му... му... мутароб"

Они повернулись на восток и принялись кланяться, чуть не касаясь клювами земли.

- Мутароб! - воскликнул калиф.

- Мутароб - воскликнул визирь.

Но - горе! - сколько ни повторяли они это слово, они не могли снять с себя колдовство.

Они перепробовали все слова, какие только приходили им на ум: и муртубор, и мурбур, и мурбурбур, и муртурбур, и мурбурут, и мутрубур, - но ничто не помогало. Волшебное слово навсегда исчезло из их памяти, и они как были, так и остались аистами.

III

Печально плелись заколдованные калиф и визирь по полям, не зная, как помочь своей беде. Аистиное обличье сбросить они не могли, в город вернуться, чтобы назвать себя, тоже не могли: кто бы поверил аисту, что он калиф? А если бы кто-нибудь и поверил, разве жители Багдада пожелали бы себе в калифы аиста?

Так они бродили много дней, скудно питаясь злаками, которые им не легко было жевать длинными клювами. Ящерицы же и лягушки не внушали им аппетита; они боялись испортить себе пищеварение подобными лакомствами. Единственной их отрадой в бедственном положении была способность летать, и они частенько летали над крышами Багдада, желая увидеть, что там происходит.

В первые дни они замечали на улицах великую тревогу и печаль; но приблизительно на четвертый день после своего превращения сидели они на дворце калифа, как вдруг увидали внизу на улице пышное шествие; звучали трубы и барабаны; на разукрашенном коне сидел человек в затканном золотом пурпурном кафтане, окруженный блестящей свитой; пол-Багдада бежало ему вослед, и все кричали: "Слава Мицре, повелителю Багдада!"

Аисты на крыше дворца переглянулись между собой, и калиф Хасид произнес:

— Догадываешься ты теперь, отчего я заколдован? Этот самый Мицра — сын моего заклятого врага, могущественного волшебника Кашнура, который в недобрый час поклялся жестоко отомстить мне. Но надежда не покидает меня. Следуй за мной, верный товарищ моих бед, мы отправимся к гробу пророка; быть может, волшебство рассеется в святых местах.

Они поднялись с крыши дворца и полетели в сторону Медины. Но лететь было трудно, у обоих аистов не хватало сил.

— Господин мой, — простонал часа через два великий визирь, — с вашего позволения, мочи моей больше нет, вы летите слишком быстро! И вечер уже спускается, нам следует подыскать себе прибежище на ночь.

Хасид внял мольбе своего слуги; внизу в долине он как раз заметил руины, которые, по-видимому, могли дать им приют, и они полетели туда. Развалины, куда они спустились на ночлег, очевидно, были некогда замком. Прекрасные колонны высились над горами камня; многочисленные покои, достаточно сохранившиеся, свидетельствовали о былом величии здания. Хасид со своим спутником бродили по галереям в поисках сухого местечка; внезапно аист Мансор остановился.

— Господин мой и повелитель, — пролепетал он чуть слышно, — хотя великому визирю, а тем паче аисту, нелепо бояться привидений, однако меня берет жуть, ибо тут рядом что-то явственно вздыхает и стонет.

Теперь остановился и калиф и тоже отчетливо услышал тихий стон, скорее человеческий, нежели звериный.

Полный надежд, он устремился в ту сторону, откуда доносились стоны, но визирь ухватился клювом за его крыло и слезно молил не бросаться навстречу новым неведомым опасностям. Но тщетно! У калифа и под оперением аиста билось отважное сердце, он вырвался, пожертвовав несколькими перышками, и бросился в один из темных переходов. Вскоре он очутился перед дверью, которая, казалось, была лишь притворена и откуда доносились стоны с легкими подвываниями. Он толкнул дверь клювом и в растерянности застыл на пороге. В полуразрушенном покое, куда падал скудный свет из решетчатого оконца, он увидел сидящую на полу ночную сову. Обильные слезы катились у нее из больших круглых глаз, а из кривого клюва вырывались хриплые стенания. Но, увидав халифа и его визиря, который успел тем временем тоже пробраться сюда, сова подняла радостный крик.

Грациозно смахнув с глаз слезу коричневым, в крапинку, крылом, она, к изумлению калифа и его визиря, вскричала по-человечьи на чистом арабском языке:

— Добро пожаловать, господа аисты! Вы для меня добрый знак, что близко мое спасение, ибо через аистов ко мне придет большое счастье, как было мне некогда предсказано!

Когда калиф опомнился от изумления, он склонил свою длинную шею, поставил тонкие ноги в грациозную позицию и произнес:

— Ночная сова! Судя по твоим словам, мы обрели в тебе товарку по несчастью! Но увы! Ты тщетно надеешься, что мы несем тебе спасение, и сама убедишься в нашей беспомощности, когда услышишь нашу историю.

Ночная сова попросила рассказать ей все, и калиф принялся за рассказ, который уже нам известен.

IV

Когда калиф изложил сове свою историю, сова поблагодарила его и сказала:

— Послушай также мою историю и узнай, что я не менее несчастна, чем ты. Мой отец — владыка Индии; я его единственная, злосчастливая дочь, зовусь Лузой. Тот самый волшебник Кашнур, что заколдовал вас, поверг в беду и меня. Он явился однажды к моему отцу сватать меня для своего сына Мицры. Но отец мой, человек вспыльчивый, велел спустить его с лестницы. Злодей изловчился пробраться ко мне в другом облици, и, когда я у себя в саду пожелала как-то утолить жажду прохладительным напитком, он, переодевшись рабом, поднес мне питье, которое превратило меня в это гадкое чудовище. Когда я от испуга лишилась чувств, он перенес меня сюда и страшным голосом крикнул мне в ухо: "Оставайся тут уродом, презираемым даже зверями, до конца твоих дней или до тех пор, пока кто-нибудь по доброй воле пожелает сделать тебя своей супругой даже в этом отвратительном облике. Такова моя месть тебе и твоему высокомерному отцу".

С тех пор протекли долгие месяцы. Одиноко и печально живу я отшельницей в этих развалинах, отринутая всем миром, мерзкая даже зверям; красоты природы недоступны мне, ибо я слепа днем, и лишь когда бледный свет месяца озаряет эти развалины, пелена спадает у меня с глаз.

Сова кончила и опять отерла крылом глаза, ибо повесть ее страданий исторгла у нее новые слезы.

Во время рассказа принцессы калиф погрузился в глубокое раздумье.

— Либо я ничего не смыслю, — произнес он, — либо между нашими несчастьями имеется тайная зависимость; но где мне найти ключ к этой загадке?

Сова отвечала ему:

— О господин мой, у меня тоже такое предчувствие, ибо когда-то, в ранней юности, одна мудрая женщина предсказала мне, что большое счастье придет ко мне через аиста, и мне кажется, я знаю способ, как нам спастись.

Калиф был очень удивлен и спросил, каков же этот способ.

— Волшебник, принесший несчастье нам обоим, каждый месяц является сюда. Неподалеку от этой комнаты есть зала. Там он обычно пирует с большой компанией. Я не раз уже подслушивала их. Они рассказывают друг другу свои гнусные деяния; быть может, на этот раз он произнесет то слово, что вы забыли.

— О бесценная принцесса, — вскричал калиф, — поведай же, когда он является и где та зала.

Сова помолчала минутку и затем произнесла:

— Не прогневайтесь на меня, но лишь при одном условии могу я исполнить ваше желание.

— Говори же! Говори! — вскричал Хасид. — Приказывай, я готов на все.

— Дело в том, что и мне бы тоже хотелось освободиться, но это возможно лишь, если один из вас возьмет меня в жены.

Аисты были, по-видимому, несколько смущены таким предложением, и калиф кивнул своему слуге, чтобы тот вышел с ним из комнаты.

— Великий визирь, — произнес калиф за дверью, — дельце не из приятных, но вы бы все-таки могли согласиться.

— Ах, так? — возразил тот. — Чтобы жена, когда я вернусь домой, выцарапала мне глаза? К тому же я старик, а вы человек молодой и холостой, — скорей уж вам подходит жениться на молодой и прекрасной принцессе.

— То-то и есть, — вздохнул калиф, печально опустив крылья, — откуда ты взял, что она молода и прекрасна? Это называется — сделка вслепую!

Они долго еще уговаривали друг друга, но под конец, когда калиф увидел, что его визирь скорее готов остаться аистом, чем жениться на сове, он решил сам выполнить условие. Сова была весьма обрадована. Она открыла им, что явились они в самое подходящее время, по всей вероятности, именно в эту ночь состоится сборище волшебников.

Она, вместе с аистами, покинула комнату, чтобы провести их к той зале; они долго шли темной галереей, пока навстречу им из полуразрушенной стены не блеснул свет. Когда они приблизились туда, сова наказала им не шуметь. Через отверстие в стене, подле

которого они стояли, им была видна вся обширная зала. Она была украшена колоннами и великолепно убрана. Множество цветных ламп заменяло дневной свет. Посреди залы находился большой круглый стол, уставленный изысканными яствами. Вокруг всего стола тянулся диван, на котором сидело восемь человек. В одном из них аисты узнали того самого разносчика, что продал им волшебный порошок. Сосед по столу попросил его рассказать последние его похождения. И он, наряду с другими, рассказал также историю калифа и его визиря.

— Что же за слово ты им задал? — спросил один из волшебников.

— Очень трудное латинское слово — мутабор.

V

Услышав это через щель в стене, аисты прямо обезумели от радости. Они помчались к выходу из руин так быстро, как только несли их длинные ноги, и сова едва поспевала за ними. Выбравшись наружу, калиф прочувственно произнес, обращаясь к сове:

— Спасительница моей жизни и жизни моего друга, в знак вечной признательности за то, что ты сделала для нас, позволь мне быть твоим супругом! Вслед за тем он повернулся на восток, и трижды склонили оба аиста длинные шеи навстречу солнцу, как раз встававшему из-за горной гряды.

— Мутабор! — вскричали они, мигом обернулись людьми, и, преисполненные великой радости от вновь дарованной жизни, господин и слуга, плача и смеясь, бросились в объятия друг другу. Но каково было их изумление, когда они оглянулись. Прекрасная дама, пышно разодетая, стояла перед ними. Улыбаясь, протянула она руку калифу.

— Разве вы не узнаете свою ночную сову? — спросила она.

То в самом деле была она; калиф, восхищенный ее красотой и грацией, вскричал, что он стал аистом на свое счастье.

Все трое тут же отправились в Багдад. Калиф обнаружил у себя за поясом не только коробочку с волшебным порошком, но и кошелек с деньгами. В ближайшем селении приобрел он все, что требовалось им для путешествия, и, таким образом, они вскоре прибыли к воротам Багдада. Там прибытие калифа вызвало великое удивление. Его объявили умершим, и поэтому народ был весьма обрадован, вновь обретя своего возлюбленного повелителя.

Тем живее возгорелся народный гнев против обманщика Мицры. Толпы народа бросились во дворец и захватили старого волшебника вместе с сыном. Старика калиф отправил в ту самую горницу разрушенного замка, где обитала принцесса, будучи совой, и велел его там повесить. Сыну же, ничего не смыслившему в колдовском искусстве отца, калиф предложил на выбор — либо смерть, либо понюшку. Когда тот избрал последнее, великий визирь поднес ему коробочку. Он нюхнул хорошенько и по волшебному слову калифа, превратился в аиста. Калиф приказал запереть его в железную клетку и поставить у себя в саду.

Долго и радостно жил калиф Хасид; самые для него веселые часы были те, когда к нему под вечер приходил великий визирь; они частенько вспоминали свои приключения в бытность аистами, а когда калифу случалось очень развеселиться, он снисходил до того, что изображал великого визиря в образе аиста. Степенно, не сгибая ног, шагал он по комнате, трещал что-то, размахивал руками, точно крыльями, и показывал, как тот тщетно кланялся на восток и выкрикивал: "Муртурбур! Бурмуртур! Турбурмур!". Госпожу калифшу и ее деток это представление всегда немало развлекало; но если калиф чересчур долго трещал, и кланялся, и кричал "мутароб", визирь, улыбаясь, грозил ему рассказать госпоже калифше, о чем шел спор за дверью принцессы ночной совы.

Когда Селим Барух закончил свой рассказ, купцы выразили полное удовлетворение.

— В самом деле, день прошел совсем для нас незаметно! — сказал один из них, откидывая полотнище шатра. — Вечерний ветер навевает прохладу, мы успеем пройти еще порядочный кусок пути.

Спутники его согласились с ним; шатры были сложены, и караван, выстроившись в том же порядке, в каком пришел сюда, тронулся в путь.

Они ехали чуть не всю ночь напролет, потому что днем их одолевала жара, ночь же была свежа и сияла звездами. Наконец они достигли удобного для привала места, разбили шатры и улеглись на покой. О незнакомце купцы заботились так, словно он был им желаннейшим гостем. Один одолжил ему подушки, другой покрывало, третий дал рабов — словом, он был устроен не хуже, чем у себя дома. Когда они поднялись, наступило уже самое жаркое время дня, и они единодушно порешили дожидаться здесь вечера. После совместной трапезы они снова сдвинулись теснее, и молодой купец, обращаясь к самому старшему, сказал:

— Селим Барух помог нам вчера приятно скоротать день; что, если бы и вы, Ахмет, рассказали нам либо какую-нибудь историю из своей долгой жизни, которая наверняка насчитывает немало приключений, либо просто забавную сказку?

В ответ на это обращение Ахмет некоторое время молчал, словно выбирая, на чем остановиться, и наконец заговорил:

— Дорогие друзья! Во время этого нашего путешествия вы показали себя верными товарищами, да и Селим тоже заслужил мое доверие; посему я поведаю вам одно событие из моей жизни, о котором я обычно говорю неохотно и не со всяким: это будет рассказ о корабле привидений.

Король лягушонок, или Железный Гейнрих. Братья Гримм.

В стародавние времена, когда заклятья еще помогали, жил-был на свете король; все дочери были у него красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что даже солнце, много выдавшееся на своем веку, и то удивлялось, сияя на ее лице.

Вблизи королевского замка раскинулся большой дремучий лес, и был в том лесу под старою липой колодец; и вот в жаркие дни младшая королева выходила в лес, садилась на край студеного колодца, и когда становилось ей скучно, она брала золотой мяч, подбрасывала его вверх, и ловила, — это было ее самой любимой игрой. Но вот однажды, подбросив свой золотой мяч, она поймать его не успела, он упал наземь и покатился прямо в колодец. Королева глаз не спускала с золотого мяча, но он исчез, а колодец был такой глубокий, такой глубокий, что и дна было не видеть. Заплакала тогда королева, и стала плакать все сильнее и сильнее, и никак не могла утешиться. Вот горюет она о своем мяче и вдруг слышит — кто-то ей говорит:

— Что с тобой, королева? Ты так плачешь, что и камень разжалобить можешь.

Она оглянулась, чтоб узнать, откуда это голос, вдруг видит — лягушонок высунул из воды свою толстую, уродливую голову.

— А-а, это ты, старый квакун, — сказала она, — я плачу о своем золотом мяче, что упал в колодец.

— Успокойся, чего плакать, — говорит лягушонок, — я тебе помогу. А что ты мне дашь, если я найду твою игрушку?

— Все, что захочешь, милый лягушонок, — ответила королева. — Мои платья, жемчуга, драгоценные камни и впридачу золотую корону, которую я ношу.

Говорит ей лягушонок:

— Не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней, и твоей золотой короны я не хочу; а вот если б ты меня полюбила бы да со мной подружилась, и мы играли бы вместе, и сидел бы я рядом с тобой за столиком, ел из твоей золотой тарелочки, пил из твоего маленького кубка и спал с тобой вместе в постельке, — если ты мне пообещаешь все это, я мигом прыгну вниз и достану тебе твой золотой мяч.

— Да, да, обещаю тебе все, что хочешь, только достань мне мой мяч! — А сама про себя подумала: «Что там глупый лягушонок болтает? Сидит он в воде среди лягушек да квакает, — где уж ему быть человеку товарищем!»

Получив с нее обещанье, лягушонок нырнул в воду, опустился на самое дно, быстро выплыл наверх, держа во рту мяч, и бросил его на траву. Увидав опять свою красивую игрушку, королева очень обрадовалась, подняла ее с земли и убежала.

— Постой, постой! — крикнул лягушонок. — Возьми и меня с собой, ведь мне за тобой не угнаться!

Но что с того, что он громко кричал ей вслед свое «ква-ква»? Она и слушать его не хотела, поспешая домой. А потом и совсем позабыла про бедного лягушонка, и пришлось ему опять спуститься в свой колодец.

На другой день она села с королем и придворными за стол и стала кушать из своей золотой тарелочки. Вдруг — топ-шлёп-шлёп — взбирается кто-то по мраморной лестнице и, взобравшись наверх, стучится в дверь и говорит:

— Молодая королева, отвори мне дверь!

Она побежала поглядеть, кто бы это мог к ней постучаться. Открывает дверь, видит — сидит перед ней лягушонок. Мигом захлопнула она дверь и уселась опять за стол, но сделалось ей так страшно-страшно. Заметил король, как сильно бьется у нее сердечко, и говорит:

— Дитя мое, чего ты так испугалась? Уж не великан ли какой спрятался за дверью и хочет тебя похитить?

— Ах, нет, — сказала королева, — это вовсе не великан, а мерзкий лягушонок.

— А что ему от тебя надо?

— Ах, милый батюшка, да вот сидела я вчера в лесу у колодца и играла, и упал в воду мой золотой мяч. Я горько заплакала, а лягушонок достал мне его и стал требовать, чтоб я взяла его в товарищи, а я и пообещала ему, — но никогда я не думала, чтобы он мог выбраться из воды. А вот теперь он явился и хочет сюда войти.

А тем временем лягушонок постучался опять и кликнул:

Здравствуй, королева,

Дверь открой!

Неужель забыла,

Что вчера сулила,

Помнишь, у колодца?

Здравствуй, королева,

Дверь открой!

Тогда король сказал:

— Ты свое обещание должна выполнить. Ступай и открой ему дверь.

Она пошла, открыла дверь, и вот лягушонок прыгнул в комнату, поскакал вслед за ней, доскакал до ее стула, сел и говорит:

— Возьми и посади меня рядом с собой.

Она не решалась, но король велел ей исполнить его желание. Она усадила лягушонка на стул, а он на стол стал проситься; посадила она его на стол, а он говорит:

— А теперь придвинь мне поближе свою золотую тарелочку, будем есть с тобой вместе.

Хотя она и исполнила это, но было видно, что очень неохотно.

Принялся лягушонок за еду, а королеве и кусок в горло не лезет. Наконец он говорит:

— Я наелся досыта и устал, — теперь отнеси меня в свою спальню, постели мне свою шелковую постельку, и ляжем с тобой вместе спать.

Как заплакала тут королева, — страшно ей стало холодного лягушонка, боится до него и дотронуться, а он еще в прекрасной, чистой постельке спать с ней собирается. Разгневался король и говорит:

— Кто тебе в беде помог, тем пренебрегать не годится.

Взяла она тогда лягушонка двумя пальцами, понесла его к себе в спальню, посадила в углу, а сама улеглась в постельку. А он прыгнул и говорит:

— Я устал, мне тоже спать хочется, — возьми меня к себе, а не то я твоему отцу пожалуюсь.

Рассердилась тут королева и ударила его изо всех сил об стену.

— Ну, уж теперь, мерзкий лягушонок, ты успокоишься!

Но только упал он наземь, как вдруг обернулся королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. И стал с той поры, по воле ее отца, ее милым другом и мужем. Он рассказал ей, что его околдовала злая ведьма, и никто бы не мог освободить его из колодца, кроме нее одной, и что завтра они отправятся в его королевство.

Вот легли они спать и уснули. А на другое утро, только разбудило их солнышко, подъехала ко дворцу карета с восьмериком белых коней, и были у них белые султаны на голове, а сбруя из золотых цепей, и стоял на запятках слуга королевича, а был то верный Гейнрих. Когда его хозяин был обращен в лягушонка, верный Гейнрих так горевал и печалился, что велел оковать себе сердце тремя железными обручами, чтоб не разорвалось оно от горя и печали.

И должен был в этой карете ехать молодой король в свое королевство. Усадил верный Гейнрих молодых в карету, а сам стал на запятках и радовался, что хозяин его избавился от злого заклятья.

Вот проехали они часть дороги, вдруг королевич слышит — сзади что-то треснуло. Обернулся он и крикнул:

— Гейнрих, треснула карета!

— Дело, сударь, тут не в этом,

Это обруч с сердца спал,

Что тоской меня сжимал,

Когда вы в колодце жили

Да с лягушками дружили.

Вот опять и опять затрещало что-то в пути, королевич думал, что это треснула карета, но были то обручи, что слетели с сердца верного Гейнриха, потому что хозяин его избавился от злого заклятья и стал снова счастливым

Кошка, гулявшая сама по себе. Р. Киплинг

Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумеи, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было еще в ту далекую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая – и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка – она бродила, где вздумается, и гуляла сама по себе.

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Женщина. Это она объявила ему при первой же встрече, что ей не нравится его дикая жизнь. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом, на куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костер.

Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом вниз и сказала Мужчине:

– Вытирай, милый, ноги, перед тем как войти: ведь теперь у нас хозяйство.

В этот вечер, мой милый мальчик, они ужинали дикой овцой, зажаренной на раскаленных камнях, приправленной диким чесноком и диким перцем. Потом они съели дикую утку, начиненную диким рисом, дикими яблоками и дикой гвоздикой; потом хрящики диких быков; потом дикие вишни и дикие гранаты. Потом Мужчина, очень счастливый, пошел и заснул у огня, а Женщина села колдовать: она распустила волосы, взяла плечевую баранью кость, очень плоскую и очень гладкую, и стала пристально всматриваться в проходящие по кости разводы. Потом она подбросила поленьев в огонь и затянула песню. Это было Первое в мире Колдовство, Первая Волшебная Песня.

И собрались в Мокром и Диком Лесу все Дикие Звери; сбились в одно стадо и, глядя на свет огня, не знали, что это такое.

Но вот топнул дикой ногой Дикий Конь и дико сказал:

– О Друзья мои! О мои Недруги! Чует сердце мое: не к добру засветили Мужчина и Женщина в большой Пещере большой огонь. Нет, это не к добру!

Дикий Пес задрал дикий нос, понюхал, как пахнет баранье жаркое, и дико сказал:

– Пойду погляжу, а потом расскажу. Мне кажется, что там не так уж плохо. Кошка, пойдем со мною!

– Ну нет, – отвечала Кошка. – Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

– Ну, тогда я тебе не товарищ, – сказал Дикий Пес и побежал к Пещере во весь дух. Но не пробежал он и десяти шагов, а Кошка уже подумала: “Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе. Почему бы мне не пойти туда и не посмотреть, как и что? Ведь я пойду по собственной воле”. И она тихохонько побежала за Псом, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда ей было слышно решительно все.

Когда Дикий Пес подошел к Пещере, он диким носом приподнял лошадиную шкуру и стал упиваться прекрасным запахом бараньего жаркого, а Женщина, колдовавшая костью, услышала шорох и сказала, смеясь:

– Вот, уже пришел первый. Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

И отвечал Дикий Пес:

– Скажи мне, о Враг мой, Жена Врага моего, что это пахнет так нежно среди этих Диких Лесов?

И нагнулась Женщина, и подняла с пола кость, и бросила Дикому Псу, и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, отведай, погрызи эту кость.

Взял Дикий Пес эту кость в свои дикие зубы, и она оказалась вкуснее всего, что он грыз до той поры, и он обратился к Женщине с такими словами:

– Послушай, о Враг мой, Жена моего Врага, брось мне скорее другую такую же кость. И отвечала ему Женщина:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, пойди помоги моему Мужчине ходить за добычей, стеречь эту Пещеру по ночам, и я дам тебе столько костей, сколько тебе будет нужно.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – это очень умная Женщина, хотя, конечно, не умнее меня.

Дикий Пес забрался в Пещеру, положил голову Женщине на колени и сказал:

– О, мой Друг, Жена моего Друга, хорошо. Я готов помогать твоему Мужчине охотиться, я буду стеречь по ночам вашу Пещеру.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – что за глупец этот Пес!

И она пошла прочь, пробираясь по Дикому Лесу и дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всем, что видела, никому не сказала ни слова.

Проснувшись, Мужчине спросил:

– Что здесь делает Дикий Пес?

И ответила Женщина:

– Его имя уже не Дикий Пес, а Первый Друг, и он будет нам другом во веки веков. Как пойдешь на охоту, возьми и его с собой.

На следующий вечер Женщина нарезала на заливных лугах большую охапку травы и разложила ее сушиться у огня, и когда пошел от травы такой запах, как от свежескошенного сена, она села у входа в Пещеру, сделала из лошадиной кожи уздечку и, уставившись на плечевую баранью кость – на широкую, большую лопатку, – снова принялась колдовать и запела волшебную песню.

То было Второе Колдовство и Вторая Волшебная Песня.

И снова в Диком Лесу собрались все Дикие Звери и, глядя издали на огонь, толковали, что такое могло приключиться с Диким Псом. И вот Дикий Конь дико топнул дикой ногой и сказал:

– Пойду погляжу, а потом расскажу, почему Дикий Пес не вернулся. Кошка, хочешь, отправимся вместе?

– Нет, – отвечала Кошка, – я, Кошка, брожу, где вздумается, и гуляю сама по себе. Иди один.

Но на самом деле она тихонько прокралась за Диким Конем, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда было слышно решительно все.

Услыхала Женщина конский топ, услышала, как пробирается к ней Дикий Конь, наступая на свою длинную гриву, засмеялась и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, не за Псом ты пришел сюда, а за сеном, за этой вкусной травой.

Дикий Конь, перебирая ногами и наступая на свою длинную гриву, сказал:

– Это правда. Дай-ка мне сена!

Женщина отвечала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, склони свою дикую голову и носи, что я надену на тебя, – носи, не снимая во веки веков, и трижды в день ты будешь есть эту дивную траву.

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – эта Женщина очень умна, но, конечно, не умнее меня.

И нагнул Дикий Конь свою дикую голову, и Женщина накинула на нее только что сплетенную уздечку, идохнул он своим диким дыханием прямо на ноги Женщине и сказал:

– О, моя Госпожа, о, Жена моего Господина, за чудесную эту траву я буду тебе вечным рабом!

– Ах, – сказала Кошка, слушая их разговор, – какой он глупец, этот конь!

И снова она бросилась в чащу Дикого Леса, дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всем, что слышала, никому не сказала ни слова.

Когда Пес и Мужчина вернулись с охоты, Мужчина сказал:

– А что здесь делает Дикий Конь?

И Женщина отвечала:

– Не Дикий Конь уже имя его, но Первый Слуга, так как с места на место он будет возить нас во веки веков. Когда ты соберешься на охоту, садись на него верхом.

На следующий день подошла к Пещере Корова. Она тоже была дикая и должна была высоко задирать свою дикую голову, чтобы не зацепиться дикими рогами за дикие деревья. Кошка прокралась вслед за ней и спряталась точно так же, как и раньше: и все случилось точно так же, как и раньше; и Кошка сказала то же, что раньше; и когда Дикая

Корова в обмен на прекрасную траву обещала Женщине свое молоко. Кошка бросилась в Дикий Лес и дико замахала своим диким хвостом, опять-таки точно так же, как раньше.

И обо всем, что слыхала, никому не сказала ни слова.

А когда Пес, Человек и Конь вернулись с охоты и Человек спросил точно так же, как раньше, что делает здесь Дикая Корова, Женщина отвечала точно так же, как раньше.

– Теперь не Дикая Корова ей имя, но Подательница Хорошей Еды. Она будет давать нам белое парное молоко во веки веков, и я готова ходить за ней, пока ты, да наш Первый Друг, да наш Первый Слуга будете в лесу на охоте.

Напрасно Кошка прождала весь день, чтобы еще кто-нибудь из диких Зверей пришел к Пещере: больше никто не приходил из Мокрого Дикого Леса. Так что Кошке поневоле пришлось блуждать одиноко, самой по себе. И вот увидела она Женщину, которая сидела и доила Корову. И увидела она в Пещере свет и почуяла запах белого парного молока. И сказала она Женщине:

– Ты, мой Враг, Жена моего Врага! Скажи: не видала ли ты Коровы?

Женщина засмеялась и сказала:

– Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, ступай себе в Лес подобру-поздорову! Мне больше не надо ни слуг, ни друзей. Я уже заплела мою косу и спрятала волшебную кость.

И ответила Дикая Кошка:

– Я не друг и не слуга. Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе, и вот мне вздумалось прийти к тебе в Пещеру.

И спросила ее Женщина:

– Почему в первый же вечер ты не пришла с Первым Другом?

Кошка рассердилась и сказала:

– Должно быть, Дикий Пес уж наговорил тебе про меня небылиц!

Женщина засмеялась и сказала:

– Ты, Кошка, гуляешь сама по себе и ходишь, где тебе вздумается. Ты сама говоришь, что ты не слуга и не друг. Иди же отсюда сама по себе, куда вздумается!

Кошка притворилась обиженной и сказала:

– Неужели мне иной раз нельзя прийти к тебе в Пещеру и погреться у горячего огня? И неужели ты никогда не дашь мне полакомиться белым парным молоком? Ты такая умница, ты такая красавица, нет, хоть я и Кошка, а ты не будешь жестока со мной.

Женщина сказала:

– Я знаю, что я умница, но что я красавица – не знала. Давай заключим договор. Если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь войти в Пещеру.

– А если ты дважды похвалишь меня? – спросила Кошка.

– Ну, этому не бывать, – сказала Женщина. – Но если это случится, входи и садись у огня.

– А что, если ты трижды похвалишь меня? – спросила Кошка.

– Ну, этому не бывать, – сказала Женщина. – Но если это случится, приходи и получай молоко три раза в день до скончания века!

Кошка выгнула спину и сказала:

– Ты, Занавеска у входа в Пещеру, и ты, Огонь в глубине Пещеры, и вы, Молочные Крынки, стоящие у Огня, вас я беру в свидетели: запомните, что сказал мой Враг, Жена моего Врага!

И, повернувшись, ушла в Дикий Лес, дико помахивая диким хвостом. Когда в тот вечер Пес, Мужчина и Конь возвратились с охоты в Пещеру, Женщина ни слова не сказала им о своем договоре с Кошкой, так как боялась, что это им не понравится.

Кошка ушла далеко-далеко и так долго скрывалась в Диком Лесу, что Женщина забыла и думать о ней. Только Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру, знала, где скрывается Кошка, и каждый вечер подлетала к тому месту и сообщала Кошке все новости.

Как-то вечером прилетает она к Кошке и говорит:

– А в Пещере – Младенчик! Он совсем, совсем новенький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.

– Отлично, – сказала Кошка. – А что же нравится Младенчику?

– Мягкое и гладкое, – ответила Летучая Мышь. – Как идти спать, он берет в ручонки что-нибудь теплое и засыпает. Потом ему нравится, чтобы с ним играли. Вот и все, что ему нравится.

– Отлично, – сказала Кошка. – Если так, то мой час настал.

На следующий вечер Кошка пробралась к Пещере по Дикому Лесу и просидела недалеко до самого утра. Утром Пес, Человек и Конь ушли на охоту, а Женщина занялась стряпней. Ребенок плакал и отрывал ее от работы. Она вынесла его из Пещеры и дала ему камешков поиграть, но он не унимался.

Тогда Кошка протянула пухлую лапу и погладила Ребенка по щеке, и замурлыкала, и пошла тереться о его коленку, и хвостом защекотала ему подбородок. Ребенок засмеялся, и Женщина, слыша его смех, улыбнулась.

Тогда воскликнула Летучая Мышь – маленькая Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру:

– О, Хозяйка моя, Жена моего Хозяина, Мать Хозяйского Сына! Из Дикого Леса пришла Дикая Тварь и как славно она играет с твоим Ребенком!

– Спасибо Дикой Твари, – сказала Женщина, разгибая спину. – У меня так много работы, а она оказала мне большую услугу.

И вот, милый мальчик, не успела она вымолвить это, как в ту же минуту и в ту же секунду – бух, бух! – падает лошадиная шкура, висевшая хвостом книзу у входа в Пещеру (это она

вспомнила, что у Женщины с Кошкой был договор), и не успела Женщина поднять ее, а Кошка уже сидит в Пещере, уселась поудобней и сидит.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – посмотри: я здесь. Ты похвалила меня – и вот я здесь и буду сидеть в Пещере во веки веков. Но все же запомни: я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, но прикусила язык и села за прялку прясть.

Но Ребенок заплакал опять, потому что Кошка ушла от него; и Женщина не могла его унять: он бился, брыкался и весь посинел от крика.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – послушай, что я тебе скажу: возьми оторви кусочек нитки от той, которую ты прядешь, привяжи к ней свое веретENCE, и я так наколдую тебе, что Ребенок сию же минуту засмеется и будет смеяться так же громко, как плачет теперь.

– Ладно, – сказала Женщина. – Я уже совсем потеряла голову. Но помни: благодарить тебя я не стану.

Она привязала к нитке глиняное веретENCE и протянула его по полу, и Кошка побежала за ним, и хватала его, и кувыркалась, и швыряла его себе на спину, и ловила его задними лапами, и нарочно отпускала его, а потом кидалась вдогонку – и вот Ребенок засмеялся еще громче, чем плакал; он ползал за Кошкой по всей Пещере и резвился, пока не устал. Тогда он задремал вместе с Кошкой, не выпуская ее из рук.

– А теперь, – сказала Кошка, – я спою ему песню, убаюкаю его на часок.

И как пошла она мурлыкать то громче, то тише, то тише, то громче, Ребенок и заснул крепким сном.

Женщина поглядела на них и с улыбкой сказала:

– Это была неплохая работа! Что бы там ни было, все же ты умница, Кошка.

Не успела она договорить – пффф! – дым от Огня тучами за клубился в Пещере: это он вспомнил, что у Женщины с Кошкой был договор. И когда дым рассеялся, глядь, Кошка сидит у огня, уселась поудобнее и сидит.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – посмотри: я здесь. Ты снова похвалила меня, и вот я здесь, у теплого очага, и отсюда я не уйду во веки веков. Но все же запомни: я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, распустила волосы, подбросила дров в огонь, достала баранью кость и пошла опять колдовать, чтобы как-нибудь, ненароком, в третий раз не похвалить эту Кошку.

Но, милый мальчик, она колдовала без звука, без песни, – и вот в Пещере стало так тихо, что какая-то Крошка-Мышка выскочила из угла и тихонько забегала по полу.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – это ты вызвала Мышку своим колдовством?

– Ай-ай-ай! Нет! – закричала Женщина, выронила кость, вскочила на скамеечку, стоявшую у огня, и поскорее подобрала свои волосы, чтобы Мышка не взбежала по ним.

– Ну, если ты не заколдовала ее, – сказала Кошка, – мне будет не вредно ее съесть.

– Конечно, конечно! – сказала Женщина, заплетая косу. – Съешь ее поскорее, и я век буду благодарна тебе.

В один прыжок поймала Кошка Мышку, и Женщина воскликнула от души:

– Спасибо тебе тысячу раз! Сам Первый Друг ловит Мышей не так быстро, как ты. Ты, должно быть, большая умница.

Не успела она договорить, как – трах! – в ту же самую минуту и в ту же самую секунду треснула Крынка с молоком, стоявшая у очага, – треснула пополам, потому что вспомнила, какой договор был у Женщины с Кошкой. И не успела Женщина сойти со скамеечки, глядь, а Кошка уже лакает из одного черепка этой Крынки белое парное молоко.

– Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, – сказала Кошка, – посмотри: я здесь. В третий раз похвалила ты меня: давай же мне трижды в день побольше белого парного молока – во веки веков. Но все же запомни: я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

И засмеялась Женщина и, поставив миску белого парного молока, сказала:

– О Кошка! Ты разумна, как человек, но помни: договор наш был заключен, когда не было дома ни Пса, ни Мужчины; не знаю, что скажут они, как вернутся домой.

– Какое мне до этого дело!? – сказала Кошка. – Мне бы только местечко в Пещере и три раза в день побольше белого парного молока, и я буду очень довольна. Никакие Псы, никакие Мужчины меня не касаются.

В тот же вечер, когда Пес и Мужчина вернулись с охоты в Пещеру, Женщина рассказала им все как есть о своем договоре с Кошкой, а Кошка сидела у огня и очень приятно улыбалась.

И сказал Мужчина:

– Все это хорошо, но не худо бы ей и со мной заключить договор. Через меня она заключит его со всеми Мужчинами, которые будут после меня.

Он взял пару сапог, взял кремневый топор (итого три предмета), принес со двора полено и маленькую секиру (итого пять), поставил все это в ряд и сказал:

– Давай и мы заключим договор. Ты живешь в Пещере во веки веков, но если ты забудешь ловить Мышей – посмотри-ка на эти предметы: их пять, и я имею право любой из них швырнуть в тебя, и так же вслед за мною будут поступать все Мужчины.

Женщина услышала это и молвила про себя:

– Да, Кошка умна, а Мужчина умнее. Кошка сосчитала все вещи – они были довольно тяжелые – и сказала:

– Ладно! Я буду ловить Мышей во веки веков, но все же я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

– Гуляй, гуляй, – отозвался Мужчина, – да только не там, где я. Попадешься мне на глаза, я сейчас же швырну в тебя либо сапогом, либо поленом, и так станут поступать все Мужчины, которые будут после меня.

Тогда выступил Пес и сказал:

– Погоди. Теперь мой черед заключать договор. А через меня договор будет заключен и со всеми другими Псами, которые будут жить после меня. – Он оскалил зубы и показал их Кошке. Если, пока я в Пещере, ты будешь неласкова с Ребенком, – продолжал он, – я буду гоняться за тобою, пока не поймаю тебя, а когда поймаю тебя, я искусаю тебя. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня во веки веков.

Услышала это Женщина и молвила про себя:

– Да, эта Кошка умна, но не умнее Собаки.

Кошка сосчитала собачьи зубы, и они показались ей очень острыми. Она сказала:

– Хорошо, пока я в Пещере, я буду ласкова с Ребенком, если только Ребенок не станет слишком больно таскать меня за хвост. Но не забудьте, я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

– Гуляй, гуляй, отозвался Пес, – да только не там, где я. А не то, чуть встречу тебя, я сейчас же залаю, налечу на тебя и загоню тебя вверх на дерево. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня.

И тотчас же, не теряя ни минуты, кинул Мужчина в Кошку двумя сапогами да кремневым топориком, и Кошка бросилась вон из Пещеры, а Пес погнался за ней и загнал ее вверх на дерево – и с того самого дня, мой мальчик, и поныне трое Мужчин из пяти – если они настоящие Мужчины – швыряют разными предметами в Кошку, где бы она ни попалась им на глаза, и все Псы – если они настоящие Псы – все до одного загоняют ее вверх на дерево. Но и Кошка верна своему договору. Пока она в доме, она ловит мышей и ласкова с детьми, если только дети не слишком больно таскают ее за хвост. Но чуть улучит минуту, чуть настанет ночь и взойдет луна, сейчас же она говорит: “Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе” – и бежит в чащу Дикого Леса, или влезает на мокрые Дикие Деревья, или взбирается на мокрые Дикие Крыши и дико машет своим диким хвостом.

– Кошка чудесно поет у огня,

Лазит на дерево ловко,

Ловит и рвет, догоняя меня,

Пробку с продетой веревкой.

Все же с тобою мы делим досуг,

Бинки, послушный и верный,

Бинки – мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.
Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке),
Кошка, царапаясь, рвется из рук,
Фыркает, воет, мяучит.
Бинки – мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.
Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трется о ваши колени.
Только вы ляжете—кошка за дверь
Мчится, считая ступени.
Кошка уходит на целую ночь.
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь –
Значит, он друг настоящий!

Мороз Иванович. В. Одоевский

В одном доме жили две девочки - Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка. Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила.

А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?»

Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку - да спать не хочется; ей бы покушать - да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать - да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты. Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт; да ещё какая затейница: коли вода нечиста, так свернёт лист бумаги, наложит в неё угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то, знай, проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить да ещё рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер - день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на верёвке, а верёвка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть?

Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

- Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведёрко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

- Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху. Идёт она дальше.

Перед ней сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

- Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идёт дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнёт головой - от волос иней сыплется, духом дыхнёт - валит густой пар.

- А! - сказал он.- Здорово, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

- Знаю я, зачем ты пришла,- говорит Мороз Ивано-вич, - ты ведёрко в мой студенец опустила; отдать тебе ведёрко отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь,- прибавил Мороз Иванович,- мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась. Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь из льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёздочками; солнышко на них сияло, и всё в доме блестело, как брильянты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтоб старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут: и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего - работают бедные люди.

- Ничего, - сказал Мороз Иванович, - только снегом пальцы потри, так и отойдут, не ознобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки. Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зелёная травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

- Вот ты говоришь, - сказала она, - что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет божий не выпускаешь?

- Не выпускаю потому, что ещё не время; ещё трава в силу не вошла. Осенью крестьяне её посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась уже, то зима бы её захватила, и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежной периной, да ещё сам прилёг на неё, чтобы снег ветром не разнесло; а вот придёт весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно крестьянин соберёт да на мельницу отвезёт; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечёшь.

- Ну, а скажи мне, Мороз Иванович,- сказала Рукодельница,- зачем ты в колодце-то сидишь?

- Я затем в колодце сижу, что весна подходит,- сказал Мороз Иванович,- мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студёная, хоть посреди самого жаркого лета.

- А зачем ты, Мороз Иванович,- спросила Рукодельница,- зимою по улицам ходишь да в окошки стучишься?

- А я затем в окошки стучусь,- отвечал Мороз Иванович,- чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то ведь, я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить - истопят, а трубу закрыть - не закроют, или и закрыть закроют, да не вовремя, когда ещё не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем ещё я в окошко стучусь, чтоб никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимой холодно, у которых нет шубки,

да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали. Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да и лёг почивать на свою снежную постель.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготвила, платье у старика починила и бельё выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготвил.

Мороз Иванович отсыпал рукодельнице серебряных пяточков в ведерко. Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице: - Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утешила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделие деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко, а в ведёрко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да сверх того, вот тебе на память брильянтик - косыночку закалывать. Рукодельница поблагодарила, приколола брильянтик, взяла ведёрко, пошла опять к колодцу, ухватилась за верёвку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидев её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукареку-кукареки!

У Рукодельницы в ведёрке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом промолвила: - Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделие получают!

Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да бельё штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старичку работать. Но пяточки ей получить хотелось и брильянтовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за верёвку да и бух прямо ко дну. Смотрит перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

- Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмёт, тот со мной и пойдёт.

А Ленивица ему в ответ:

- Да, как бы не так! Мне себя утомлять - лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь - сам выскочишь.

Идёт она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

- Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

- Да, как бы не так! - отвечала Ленивица.- Мне себя утомлять - ручки поднимать, за сучья тянуть... Успею набрать, как сами нападают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

- Что тебе надобно, девочка? - спросил он.

- Пришла я к тебе,- отвечала Ленивица,- послужить да за работу получить.

- Дельно ты сказала, девочка,- отвечал старик,- за работу деньга следует, только посмотрим, какова ещё твоя работа будет. Поди-ка взбей мою перину, а потом кушанье изготвь, да платье моё повычини, да бельё повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснёт».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лёг в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей и в голову не приходило; да и лень ей было посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас - всё по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрежала да, чтоб большого труда себе не давать, как всё было мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да ещё кваску подлила, а сама думает:

«Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке всё вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатерть не подостлала.

Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах. - Хорошо ты готовишь, - заметил он улыбаясь. - Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел да и принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лёг отдохнуть, да припомнил Ленивице, что у него платье не починено да и бельё не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и бельё разбирать; да и тут беда: платье и бельё Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так её и бросила. А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал да ещё спать её уложил.

А Ленивице то и любо; думает себе:

«Авось и так пройдёт. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича её домой отпустить да за работу наградить.

- Да какая же была твоя работа? - спросил старичок.- Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

- Да, как же! - отвечала Ленивица.- Я ведь у тебя целых три дня жила. - Знаешь, голубушка,- отвечал старичок,- что я тебе скажу: жить и служить - разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперёд пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку - пребольшой брильянт. Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

- Вот, - говорит,- что я заработала; не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький брильянтик, а целый слиток серебряный, вишь, какой тяжёлый, да и брильянт-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не что иное, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и брильянт. А петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукареку-кукурекулька,

У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставление.

Огниво. Г. Х. Андерсен

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шел домой с войны. На дороге встретила ему старая ведьма — безобразная, противная: нижняя губа висела у нее до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала она. — Какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот бравый солдат! Ну сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалеку. — Оно внутри пустое. Влезь наверх, там будет дупло, ты и спустишься в него, в самый низ! А перед тем я обвяжу тебя веревкой вокруг пояса, ты мне крикни, и я тебя вытащу.

— Зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — сказала ведьма. — Знай, что когда ты доберешься до самого низа, то увидишь большой подземный ход; в нем горит больше сотни ламп, и там совсем светло. Ты увидишь три двери; можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку: глаза у нее, словно чайные чашки! Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, а сам живо подойди и схвати собаку, посади ее на передник, открой сундук и бери из него денег вволю. В этом сундуке одни медяки; захочешь серебра — ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами, как мельничные колеса! Но ты не пугайся: сажай ее на передник и бери себе денежки. А захочешь, так достанешь и золота, сколько сможешь унести; пойдешь только в третью комнату. Но у собаки, что сидит там на деревянном сундуке, глаза — каждый с круглую башню. Вот это собака! Злющая-презлющая! Но ты ее не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что ты с меня за это возьмешь, старая ведьма? Ведь что-нибудь да тебе от меня нужно?

— Я не возьму с тебя ни полушки! — сказала ведьма. — Только принеси мне старое огниво, его позабыла там моя бабушка, когда спускалась в последний раз.

— Ну, обвязывай меня веревкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник! Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала ведьма, в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и таращилась на солдата.

— Вот так молодец! — сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом закрыл сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату. Ай-ай! Там сидела собака с глазами, как мельничные колеса.

— Нечего тебе таращиться на меня, глаза заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник. Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец серебром. Затем солдат пошел в третью комнату. Фу ты

пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две круглые башни и вертелись, точно колеса.

— Мое почтение! — сказал солдат и взял под козырек. Такой собаки он еще не видывал.

Долго смотреть на нее он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговли сластями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнутики на свете! На все хватило бы! Солдат повыбросил из карманов и ранца серебряные деньги и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Ну, наконец-то он был с деньгами! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах черт, чуть не забыл! — сказал солдат, пошел и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь и карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твое дело! — ответила ведьма. — Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдай огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сейчас же говори, зачем тебе оно, не то вытащу саблю да отрублю тебе голову.

— Не скажу! — уперлась ведьма.

Солдат взял и отрубил ей голову. Ведьма повалилась мертвая, а он завязал все деньги в ее передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и зашагал прямо в город.

Город был чудесный; солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и потребовал все свои любимые блюда — теперь ведь он был богачом!

Слуга, который чистил приезжим обувь, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат еще не успел обзавестись новыми. Зато на другой день он купил себе и хорошие сапоги и богатое платье. Теперь солдат стал настоящим барином, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы ее увидеть? — спросил солдат.

— Этого никак нельзя! — сказали ему. — Она живет в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а короли этого не любят!

"Вот бы на нее поглядеть!" — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много помогал бедным. И хорошо делал: он ведь по себе знал, как плохо сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрел очень много друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Так он все тратил да тратил деньги, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; никто из друзей не навещал его, — уж очень высоко было к нему подниматься!

Раз как-то, вечером, сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, и вспомнил про маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но стоило ему ударить по кремню, как дверь распахнулась, и перед ним очутилась собака с глазами, точно чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная вещица: я могу получить все, что захочу! Эй ты, добудь мне деньжонок! — сказал он собаке. Раз — ее уж и след простыл, два — она опять тут как тут, а в зубах у нее большой кошель, набитый медью! Тут солдат понял, что за чудное у него огниво. Ударишь по кремню раз — является собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два — является та, которая сидела на серебре; ударишь три — прибегает собака, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в щегольском платье, и все его друзья сейчас же узнали его и ужасно полюбили.

Вот ему и приди в голову: "Как это глупо, что нельзя видеть принцессу. Такая красавица, говорят, а что толку? Ведь она век свой сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями. Неужели мне так и не удастся поглядеть на нее хоть одним глазком? Ну-ка, где мое огниво?" И он ударил по кремню раз — в тот же миг перед ним стояла собака с глазами, точно чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат. — Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на одну минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была чудо как хороша; всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса, и солдат не утерпел и поцеловал ее, — он ведь был brave воин, настоящий солдат.

Собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

— Вот так история! — сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину — она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон или что другое.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с

принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: "Теперь я знаю, где их найти!" взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и отправилась домой спать. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидела этот крест, тоже взяла кусок мела и наставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла отыскать нужные ворота— повсюду белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженек! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Да и здесь крест и здесь! — зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная, умела не только в каретах разъезжать. Взяла она большие золотые ножницы, изрезала на лоскутки штуку шелковой материи, сшила крошечный хорошенький мешочек, насыпала в него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессе и потом прорезала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ездила принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату; солдат так полюбил принцессу, что начал жалеть, отчего он не принц, — так хотелось ему жениться на ней. Собака и не заметила, что крупа сыпалась за нею по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она прыгнула с принцессой. Поутру король и королева сразу узнали, куда ездила принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: "Завтра утром тебя повесят!" Очень было невесело услышать это, а огниво свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошел к маленькому окошку и стал смотреть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо о стену, у которой стоял солдат и глядел в окошко.

— Эй ты, куда торопишься! — сказал мальчику солдат. — Без меня ведь дело не обойдется! А вот, если сбегаешь туда, где я жил, за моим огнивом, получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и... А вот теперь послушаем!

За городом построили огромную виселицу, вокруг стояли солдаты и сотни тысяч народу. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и всего королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть веревку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его желание. А ему бы очень хотелось выкурить трубочку,— это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в этой просьбе, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колеса, и собака с глазами, как круглая башня.

— А ну помогите мне избавиться от петли!— приказал солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги, того за нос да кверху на несколько сажень, и все падали и разбивались вдребезги!

— Не надо! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их вверх вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Служивый, будь нашим королем и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету, и все три собаки танцевали перед ней и кричали "ура". Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

Сказка о потерянном времени. Е. Шварц

Жил-был мальчик, по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и все время отставал, и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению.

– Успею! – говорил он в конце первой четверти. – Во второй вас всех догоню.

А приходила вторая – он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Все «успею» да «успею».

И вот однажды пришел Петя Зубов в школу, как всегда с опозданием. Вбежал в раздевалку. Шлепнул портфелем по загородке и крикнул:

– Тетя Наташа! Возьмите мое пальтишко!

А тетя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалок:

– Кто меня зовет?

– Это я. Петя Зубов, – отвечает мальчик.

– А почему у тебя сегодня голос такой хриплый? – спрашивает тетя Наташа.

– А я и сам удивляюсь, – отвечает Петя. – Вдруг охрип ни с того ни с сего.

Вышла тетя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петю, да как вскрикнет:

– Ой!

Петя Зубов тоже испугался и спрашивает:

– Тетя Наташа, что с вами?

– Как что? – отвечает тетя Наташа. – Вы говорили, что вы Петя Зубов, а на самом деле вы, должно быть, его дедушка.

– Какой же я дедушка? – спрашивает мальчик. – Я – Петя, ученик третьего класса.

– Да вы посмотрите в зеркало! – говорит тетя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Выросла у него седая окладистая борода, усы. Морщины покрыли сеткою лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода.

Крикнул он басом:

– Мама! – и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает:

«Ну уж если и мама меня не узнает, тогда все пропало».

Прибежал Петя домой и позвонил три раза.

Мама открыла ему дверь.

Смотрит она на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

– Вам кого, дедушка? – спросила мама наконец.

– Ты меня не узнаешь? – прошептал Петя.

– Простите – нет, – ответила мама.

Отвернулся бедный Петя и пошел куда глаза глядят.

Идет он и думает:

– Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей... И главное, ничему не успел научиться. Настоящие старики – те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут – ведь я всего только три года работал. Да и как работал – на двойки да на тройки. Что же со мною будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же все это кончится?

Так Петя думал и шагал, шагал и думал, и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шел он по лесу, пока не стемнело.

«Хорошо бы отдохнуть», – подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за елками, белеет какой-то домик. Вошел Петя в домик – хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола – четыре табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено.

Лег Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, поплакал тихонько, утер слезы бородой и уснул.

Просыпается Петя – в комнате светло, керосиновая лампа горит под стеклом. А вокруг стола сидят ребята – два мальчика и две девочки. Большие окованные медью счеты лежат перед ними. Рабята считают и бормочут.

– Два года, да еще пять, да еще семь, да еще три... Это вам, Сергей Владимирович, а это ваши, Ольга Капитоновна, а это вам, Марфа Васильевна, а это ваши, Пантелей Захарович.

Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кричат они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени-отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избушке?

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово. И страшно ему стало от того, что слышал он.

Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники развели об этом и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и еще одного мальчика, и еще двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети, и сами того не заметили – ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами, – забрали волшебники себе. И стали волшебники малыми ребятами, а ребята – старыми стариками.

Как быть?

Что делать?

Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счеты в стол, но Сергей Владимирович, главный из них, – не позволил. Взял он счеты и подошел к ходикам. Покрутил стрелки, подергал гири, послушал, как тикает маятник, и опять защелкал на счетах. Считал, считал он, шептал, шептал, пока не показали ходики полночь. Тогда смешал Сергей Владимирович костяшки и еще раз проверил, сколько получилось у него.

Потом подозвал он волшебников к себе и заговорил негромко:

– Господа волшебники! Знайте – ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, еще могут помолодеть.

– Как?— воскликнули волшебники.

– Сейчас скажу, – ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошел его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил сено палкой.

Петя Зубов замер, как мышка.

Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Пети. Подозвал он остальных волшебников к себе поближе и заговорил негромко:

– К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда к нам и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети снова станут детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники. Потом Ольга Капитоновна сказала:

– Откуда им все это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

– Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минуту, да опоздают.

А Марфа Васильевна пробормотала:

– Да куда им! Да где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют, сразу собьются.

– Так-то оно так, – ответил Сергей Владимирович. – А все-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки – нам тогда и с места не сдвинуться. Ну, а пока нечего время терять, – идем на работу.

И волшебники, спрятав счеты в стол, побежали, как дети, но при этом кряхтели, охали и вздыхали, как настоящие старики.

Дождался Петя Зубов, пока затихли в лесу шаги. Выбрался из домика. И, не теряя напрасно времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков школьников.

Город еще не проснулся. Темно было в окнах, пусто на улицах, только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел наконец Петя Зубов – идет не спеша по улице старушка с большой корзинкой.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивает:

– Скажите, пожалуйста, бабушка, – вы не школьница?

– Что, что? – спросила старушка сурово.

– Вы не третьеклассница? – прошептал Петя робко.

А старушка как застучит на Петю ногами да как замахнет на Петю корзинкой. Еле Петя ноги унес. Отдышался он немного – дальше пошел. А город уже совсем проснулся. Летят трамваи, спешат на работу люди. Грохочут грузовики – скорее, скорее надо сдать грузы в магазины, на заводы, на железную дорогу. Дворники счищают снег, посыпают панель песком, чтобы пешеходы не скользили, не падали, не теряли времени даром. Сколько раз видел все это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно – настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик с ведром и кистью – это маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине старик – начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда в жизни не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей, – нет, как нет. Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в полдень зашел Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть.

И вдруг вскочил.

Увидел он – сидит недалеко на другой скамеечке старушка и плачет.

Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

– Подожду! – сказал он сам себе. — Посмотрю, что она дальше делать будет.

А старушка перестала вдруг плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из одного кармана газету, а из другого кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету, – Петя ахнул от радости: «Пионерская правда»! – и принялась старушка читать и есть. Изюм выковыривает, а самый ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидела в снегу. Наклонилась она и схватила мячик. Наверное, кто-нибудь из детей, игравших в сквере, потерял этот мячик в снегу.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтерла его старательно платочком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в трешки.

Бросился к ней Петя через снег, через кусты. Бежит и кричит:

– Бабушка! Честное слово, вы школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петю за руки и отвечает:

– Верно, верно! Я ученица третьего класса Маруся Пospelова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за руки, побежали искать остальных товарищей. Искали час, другой, третий. Наконец зашли во второй двор огромного дома. И видят: за дровяным сараем прыгает старушка. Нарисовала мелом на асфальте классы и скачет на одной ножке, гоняет камешек.

Бросились Петя и Маруся к ней.

– Бабушка! Вы школьница?

– Школьница, – отвечает старушка. – Ученица третьего класса, Наденька Соколова. А вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он как сквозь землю провалился. Куда только ни заходили старики – и во дворы, и в сады, и в детские кино, и в Дом Занимательной Науки – пропал мальчик, да и только.

А время идет. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажегся свет. Кончается день. Что делать? Неужели все пропало?

Вдруг Маруся закричала:

– Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай, девятый номер. А на «колбасе» висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развевается по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье, зажегся на перекрестке красный огонь, остановился трамвай.

Схватили ребята «колбасника» за полы, оторвали от «колбасы».

– Ты школьник? – спрашивают.

– А как же? – отвечает он. – Ученик второго класса, Зайцев Вася. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за город к лесу.

Какие-то школьники ехали в том же трамвае. Встали они, уступают нашим старикам место.

– Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки.

Смутились старики, покраснели и отказались.

А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные, просят стариков, уговаривают:

– Да садитесь же! Вы за свою долгую жизнь наработались, устали. Сидите теперь, отдыхайте.

Тут, к счастью, подошел трамвай к лесу, соскочили наши старики – и в чащу бегом.

Но тут ждала их новая беда. Заблудились они в лесу.

Наступила ночь, темная, темная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

– Ах, время, время! – говорит Петя. – Бежит оно, бежит. Я вчера не заметил дороги обратно к домику – боялся время потерять. А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы потом его сберечь.

Совсем выбились из сил старички. Но, на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч и засияла на небе полная луна.

Влез Петя Зубов на березу и увидел – вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых елок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам:

– Тише! Ни слова! За мной!

Поползли ребята по снегу к домику. Заглянули осторожно в окно.

Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, берегут украденное время.

– Они спят! – сказала Маруся.

– Тише! – прошептал Петя.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам. Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и – раз, два, три – закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не могли сдвинуться с места. Стоят и растут, растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосы заблестели у них на висках, покрылись морщинами щеки.

– Поднимите меня, – закричал Петя. – Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок! Тридцать один, тридцать два, тридцать три!

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорбленными старичками. Все ближе пригибало их к земле, все ниже становились они. И вот на семьдесят седьмом и последнем обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они потерянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет.

Слоненок. Р. Киплинг

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слонёнок, который был страшно любопытен, и кого бывало ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тётка Страусиха давала ему за то тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дяде Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядя Жираф давал ему за то тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глазки, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за то тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядю Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядя Павиан давал ему за то тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся, — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумак от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и пристава — спросил об одной такой вещи, о которой он ещё никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумак.

Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к птичке Коло-коло, сидевшей в колючем терновнике, и сказал:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дяди колотили меня за несносное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо печальным и громким голосом:

— Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зеленоватых дынь, из тех, что хрустят на зубах, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родичам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку, и там я во что бы то ни стало узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родичи ещё раз хорошенько вздули его на прощанье, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошёл в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, о каких говорила ему птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слонёнок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, — был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвившийся вокруг какой-то скалы.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил? — презрительно переспросил Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Нашёл о чём спрашивать!

— Извините, пожалуйста! — продолжал Слонёнок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слонёнку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса! — сказал Слонёнок. — Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядя колотил меня, и моя тетка колотила меня, и другой мой дядя, Павиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство, — здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше; его порядком потрепали, но он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю — потому что, повторяю, чем бы он стал поднимать их? — и скоро набрёл на какое-то бревно,

валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было не бревно, это был Крокодил. И подмигнул Крокодил одним глазом — вот так!

— Извините, пожалуйста! — обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что ему не хотелось получить нового тумака.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил. — Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядя Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядя, мохнатый Павлиан, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

И он стал проливать крокодиловы слёзы, чтобы показать, что он и вправду Крокодил.

Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, скорее, что кушаете вы за обедом?

— Подойди поближе, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был ничуть не больше башмака.

— Мне кажется, — сказал Крокодил, и сказал сквозь зубы, вот так, — мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдиде беда, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, приблизился к нему и сказал:

— Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную водяную струю...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуть назад. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил её, как сбитые сливки, тяжёлыми ударами хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался нос у Слонёнка, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но!

И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

— Довольдо! Осдавьде! Я больше де богу!

Услышав это, Двухцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слонёнка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой, — так величал он Крокодила, — хочет загубить твоё будущее...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слонёнок и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слонёнка, и Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слонёнок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двухцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, а потом принялся ухаживать за своим вытянутым носом: обернул его холодноватыми листьями бананов и опустил в воду сонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему ты это делаешь? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Извините, пожалуйста, — сказал Слонёнок, — нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придётся ждать, — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — То-есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слонёнок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли нос у него короче. Однако нос не становился короче, и — мало того — из-за этого носа глаза у Слонёнка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слонёнку нос в самый заправдашный хобот — точь-в-точь такой, какие имеются у всех нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот и прихлопнул муху.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так! — сказал Слонёнок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову; мокрый ил расквасился в лепёшку, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе третья выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

— Извините, пожалуйста, — сказал Слонёнок, — но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я с радостью! — сказал Слонёнок.

— Ты ещё не знаешь своего носа! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

— Благодарю вас, — сказал Слонёнок, — я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родичам и проверю мой нос.

И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом.

Захочется ему фруктов — он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не ждёт, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки — он рвёт её прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало. Мухи докучают ему — он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце — он опустит свой хобот в реку, и вот на голове у него холодная, мокрая нашлёпка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке — он играет хоботом песни, и хобот у него куда звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстуху Бегемотиху (она даже не была его родственницей), хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо, — потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за несносное твоё любопытство!

— Эх, вы! — сказал Слонёнок. — Много смыслите вы в тумакah! Вот я в этом деле понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

— Клянёмся бананами! — закричали они. — Где это ты так наострился и что у тебя с носом?

— Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, — сказал Слонёнок. — Я завёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядя Павиан.

— Пожалуй, — сказал Слонёнок. — Но полезный!

И он схватил волосатого дядю Павиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул в осиное гнездо.

И так разошёлся этот недобрый Слонёнок, что отколотил всех до одного своих милых родных. Бил он их, бил, так что им жарко стало, и они посмотрели на него с изумлением. Он выдернул у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья из хвоста; он ухватил длинноногого дядю Жирафа за заднюю ногу и поволок его по колючим терновым кустам; он разбудил громким криком свою толстую тётку Бегемотиху, когда она спала после обеда, и стал пускать ей прямо в ухо пузыри, но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родичи — кто раньше, кто позже — отправились к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, никто уже больше не давал тумакoв никому, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех совершенно такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

Есть у меня шестёрка слуг,

Проворных, удалых,

И всё, что вижу я вокруг, —

Всё знаю я от них.

Они по знаку моему

Являются в нужде.

Зовут их: Как и Почему,

Кто, Что, Когда и Где.

Я по морям и по лесам

Гоняю верных слуг
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.
Я по утрам, когда встаю
Всегда берусь за труд,
А им свободу я даю —
Пуускай едят и пьют.
Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг —
И всем покоя нет.
Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

Спящая красавица. Ш. Перро

Жили на свете король с королевой. Детей у них не было, и это их так огорчало, так огорчало, что и сказать нельзя.

И вот, наконец, когда они совсем потеряли надежду, у королевы родилась дочка.

Можете себе представить, какой праздник устроили по случаю её рождения, какое множество гостей пригласили во дворец, какие подарки приготовили!..

Но самые почётные места за королевским столом были оставлены для фей, которые в те времена ещё жили кое-где на белом свете. Все знали, что эти добрые волшебницы, стоит им только захотеть, могут одарить новорождённую такими драгоценными сокровищами, каких не купишь за все богатства мира. А так как фей было семь, то маленькая принцесса должна была получить от них не меньше семи чудесных даров.

Перед феями поставили великолепные обеденные приборы: тарелки из лучшего фарфора, хрустальные кубки и по ящичку из литого золота. В каждом ящичке лежали ложка, вилка и ножик, тоже из чистого золота и притом самой тонкой работы.

И вдруг, когда гости уселись за стол, дверь отворилась, и вошла старая фея – восьмая по счету, – которую забыли позвать на праздник.

А забыли её позвать потому, что уже более пятидесяти лет она не выходила из своей башни, и все думали, что она умерла.

Король сейчас же приказал подать ей прибор. Не прошло и минуты, как слуги поставили перед старой феей тарелки из самого тонкого расписного фарфора и хрустальный кубок.

Но золотого ящичка с ложкой, вилок и ножиком на её долю не хватило. Этих ящичков было приготовлено всего семь – по одному для каждой из семи приглашённых фей. Вместо золотых старухе подали обыкновенную ложку, обыкновенную вилку и обыкновенный ножик.

Старая фея, разумеется, очень обиделась. Она подумала, что король с королевой – невежливые люди и встречают её не так почтительно, как следовало бы. Отодвинув от себя тарелку и кубок, она пробормотала сквозь зубы какую-то угрозу.

К счастью, юная фея, которая сидела рядом с ней, вовремя услышала её бормотание. Опасаясь, как бы старуха не вздумала наделить маленькую принцессу чем-нибудь очень неприятным – например, длинным носом или длинным языком, – она, чуть только гости встали из-за стола, пробралась в детскую и спряталась там за пологом кровати. Юная фея знала, что в споре обычно побеждает тот, за кем остаётся последнее слово, и хотела, чтоб ее пожелание было последним.

И вот наступила самая торжественная минута праздника:

феи вошли в детскую и одна за другой стали преподносить новорожденной дары, которые они для неё припасли.

Одна из фей пожелала, чтобы принцесса была прекраснее всех на свете. Другая наградила ее нежным и добрым сердцем. Третья сказала, что она будет расти и цвести всем на радость. Четвёртая обещала, что принцесса научится превосходно танцевать, пятая – что она будет петь, как соловей, а шестая – что она будет играть одинаково искусно на всех музыкальных инструментах.

Наконец, очередь дошла до старой феи. Старуха наклонилась над кроватью и, трясая головой больше от досады, чем от старости, сказала, что принцесса уколёт себе руку веретеном и от этого умрёт.

Все так и вздрогнули, узнав, какой страшный подарок приготовила для маленькой принцессы злая колдунья. Никто не мог удержаться от слёз.

И вот тут-то из-за полога появилась юная фея и громко сказала:

– Не плачьте, король и королева! Ваша дочь останется жива. Правда, я не так сильна, чтобы сказанное слово сделать несказанным. Принцесса должна будет, как это ни грустно, уколоть себе руку веретеном, но от этого она не умрёт, а только заснёт глубоким сном и будет спать целых сто лет, до тех пор, пока её не разбудит прекрасный принц.

Это обещание немного успокоило короля с королевой.

И всё же король решил попытаться уберечь принцессу от несчастья, которое предсказала ей старая злая фея. Для этого он под страхом смертной казни запретил всем своим подданным прясть пряжу и хранить у себя в доме веретёна и прялки.

Прошло пятнадцать или шестнадцать лет. Как-то раз король с королевой и дочерью отправились в один из своих загородных дворцов.

Принцессе захотелось осмотреть древний замок. Бегаючи из комнаты в комнату, она, наконец, добралась до самого верха дворцовой башни.

Там, в тесной каморке под крышей, сидела за прялкой какая-то старушка и преспокойно пряла пряжу. Как это ни странно, она ни от кого ни слова не слыхала о королевском запрете.

– Что это вы делаете, тётушка? – спросила принцесса, которая в жизни не видывала прялки.

– Пряду пряжу, дитя мое, – ответила старушка, даже не догадываясь о том, что говорит с принцессой.

– Ах, это очень красиво! – сказала принцесса. – Дайте я попробую, выйдет ли у меня так же хорошо, как у вас.

Она быстро схватила веретено и едва успела прикоснуться к нему, как предсказание злой феи исполнилось, принцесса уколола палец и упала замертво.

Перепуганная старушка принялась звать на помощь. Люди сбежались со всех сторон.

Чего только они не делали: брызгали принцессе в лицо водой, хлопали ладонями по её ладоням, терли виски душистым уксусом, – всё было напрасно. Принцесса даже не пошевелинулась.

Побежали за королем. Он поднялся в башню, поглядел на дочку и сразу понял, что несчастье, которого они с королевой так опасались, не миновало их.

Утирая слёзы, приказал он перенести принцессу в самую красивую залу дворца и уложить там на постель, украшенную серебряным и золотым шитьём.

Трудно описать словами, как хороша была спящая принцесса. Она нисколько не побледнела. Щёки у неё оставались розовыми, а губы красными, точно кораллы.

Правда, глаза у неё были плотно закрыты, но слышно было, что она тихонько дышит. Стало быть, это и в самом деле был сон, а не смерть.

Король приказал не тревожить принцессу до тех пор, пока не наступит час её пробуждения.

А добрая фея, которая спасла его дочь от смерти, пожелав ей столетнего сна, была в то время очень далеко, за двенадцать тысяч миль от замка. Но она сразу же узнала об этом несчастье от маленького карлика-скорохода, у которого были семимильные сапоги.

Фея сейчас же пустилась в путь. Не прошло и часу, как её огненная колесница, запряжённая драконами, уже появилась, возле королевского дворца. Король подал ей руку и помог сойти с колесницы.

Фея, как могла, постаралась утешить короля и королеву. Но, утешая их, она в то же время думала о том, как грустно будет принцессе, когда через сто лет бедняжка проснётся в этом старом замке и не увидит возле себя ни одного знакомого лица.

Чтобы этого не случилось, фея сделала вот что.

Своей волшебной палочкой она прикоснулась ко всем, кто был во дворце, кроме короля и королевы. А были там придворные дамы и кавалеры, гувернантки, горничные, дворецкие, повара, поварята, скороходы, солдаты дворцовой стражи, привратники, пажи и лакеи.

Дотронулась она своей палочкой и до лошадей на королевской конюшне, и до конюхов, которые расчёсывали лошадям хвосты. Дотронулась до больших дворовых псов и до маленькой кудрявой собачки по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног спящей принцессы.

И сейчас же все, кого коснулась волшебная палочка феи, заснули. Заснули ровно на сто лет, чтобы проснуться вместе со своей хозяйкой и служить ей, как служили прежде. Заснули даже куропатки и фазаны, которые поджаривались на огне. Заснул вертел, на котором они вертелись. Заснул огонь, который их поджаривал.

И всё это случилось в одно-единое мгновение. Феи знают своё дело: взмах палочки – и готово!

Не заснули только король с королевой. Фея нарочно не коснулась их своей волшебной палочкой, потому что у них были дела, которые нельзя отложить на сто лет.

Утирая слёзы, они поцеловали свою спящую дочку, простились с ней и тихо вышли из залы.

Возвратившись к себе в столицу, они издали указ о том, чтобы никто не смел приближаться к заколдованному замку.

Впрочем, и без того к воротам замка невозможно было подойти. В какие-нибудь четверть часа вокруг его ограды выросло столько деревьев, больших и маленьких, столько колючего кустарника – терновника, шиповника, остролиста, – и всё это так тесно переплелось ветвями, что никто не мог бы пробраться сквозь такую чашу.

И только издали, да ещё с горы, можно было увидеть верхушки старого замка.

Всё это фея сделала для того, чтобы ни человек, ни зверь не потревожили покоя спящей принцессы.

Прошло сто лет. Много королей и королев сменилось за эти годы.

И вот в один прекрасный день сын короля, который царствовал в то время, отправился на охоту.

Вдалеке, над густым дремучим лесом, он увидел башни какого-то замка.

– Чей это замок? Кто в нём живёт? – спрашивал он у всех прохожих, попадавшихся ему по дороге.

Но никто не мог ответить толком. Каждый повторял только то, что сам слышал от других. Один говорил, что это старые развалины, в которых поселились блуждающие огоньки. Другой уверял, что там водятся драконы и ядовитые змеи. Но большинство сходилось на том, что старый замок принадлежит свирепому великану-людоеду.

Принц не знал, кому и верить. Но тут к нему подошёл старый крестьянин и сказал, кланяясь:

– Добрый принц, полвека тому назад, когда я был так же молод, как вы сейчас, я слышал от моего отца, что в этом замке спит непробудным сном прекрасная принцесса и что спать она будет ещё полвека до тех пор, пока благородный и отважный юноша не придёт и не разбудит её.

Можете себе представить, что почувствовал принц, когда услышал эти слова!

Сердце у него в груди так и загорелось. Он сразу решил, что ему-то и выпало на долю счастье пробудить ото сна прекрасную принцессу.

Недолго думая, принц дёрнул поводья и поскакал туда, где виднелись башни старого замка.

И вот перед ним заколдованный лес. Принц соскочил с коня, и сейчас же высокие толстые деревья, заросли колючего кустарника – всё расступилось, чтобы дать ему дорогу. Словно по длинной, прямой аллее, пошёл он к воротам замка.

Принц шёл один. Никому из его свиты не удалось догнать его: деревья, пропустив принца, сразу же сомкнулись за его спиной, а кусты опять переплелись ветвями. Это могло бы испугать кого угодно, но принц был молод и смел. К тому же ему так хотелось разбудить прекрасную принцессу, что он и думать забыл обо всякой опасности.

Ещё сотня шагов – и он очутился на просторном дворе перед замком. Принц посмотрел направо, налево, и кровь похолодела у него в жилах. Вокруг него лежали, сидели, стояли, прислонившись к стене, какие-то люди в старинной одежде. Все они были неподвижны, как мёртвые.

Но, взглядевшись в красные, лоснящиеся лица привратников, принц понял, что они вовсе не умерли, а просто спят. В руках у них были кубки, а в кубках ещё не высохло вино. Должно быть, сон застиг их в ту минуту, когда они собирались осушить чаши до дна.

Принц миновал большой двор, вымощенный мраморными плитами, поднялся по лестнице и вошёл в первую комнату. Там, выстроившись в ряд и опершись на свои алебарды, храпели всюю войну дворцовой стражи.

Он прошёл целый ряд богато убранных покоев. В каждом из них вдоль стен и вокруг столов принц видел множество разодетых дам и нарядных кавалеров. Все они тоже крепко спали, кто стоя, кто сидя.

И вот перед ним, наконец, комната с золочёными стенами и золочёным потолком. Он вошёл и остановился.

На постели, полог которой был откинут, покоилась прекрасная юная принцесса лет пятнадцати-шестнадцати (если не считать того столетия, которое она проспала).

Принц невольно закрыл глаза: красота её так сияла, что даже золото вокруг неё казалось тусклым и бледным. Он тихо приблизился и опустился перед ней на колени.

В это самое мгновение час, назначенный доброй феей, пробил.

Принцесса проснулась, открыла глаза и взглянула на своего избавителя.

– Ах, это вы, принц? – сказала она. – Наконец-то! Долго же вы заставили ждать себя...

Не успела она договорить эти слова, как всё кругом пробудилось.

Первая подала голос маленькая собачка по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног принцессы. Она звонко затыкала, увидев незнакомого человека, и со двора ей ответили хриплым лаем сторожевые псы. Заржали в конюшне лошади, заворковали голуби под крышей.

Огонь в печи затрещал что было мочи, и фазаны, которых поварята не успели дожарить сто лет тому назад, зарумянились в одну минуту.

Слуги под присмотром дворецкого уже накрывали на стол в зеркальной столовой. А придворные дамы в ожидании завтрака поправляли растрепавшиеся за сто лет локоны и улыбались своим заспанным кавалерам.

В комнате дворцовой стражи воины снова занялись своим обычным делом – затопали каблуками и загремели оружием.

А привратники, сидевшие у входа во дворец, наконец осушили кубки и опять наполнили их добрым вином, которое за сто лет стало, конечно, старше и лучше.

Весь замок от флага на башне до винного погреба ожил и зашумел.

А принц и принцесса ничего не слышали. Они глядели друг на друга и не могли наглядеться. Принцесса позабыла, что ничего не ела уже целый век, да и принц не вспоминал о том, что у него с утра не было во рту маковой росинки. Они разговаривали целых четыре часа и не успели сказать даже половины того, что хотели.

Но все остальные не были влюблены и поэтому умирали от голода.

Наконец старшая фрейлина, которой хотелось есть так же сильно, как и всем другим, не вытерпела и доложила принцессе, что завтрак подан.

Принц подал руку своей невесте и повёл её в столовую. Принцесса была великолепно одета и с удовольствием поглядывала на себя в зеркала, а влюблённый принц, разумеется, ни слова не сказал ей о том, что фасон её платья вышел из моды по крайней мере сто лет назад и что такие рукава и воротники не носят со времён его прапрабабушки.

Впрочем, и в старомодном платье она была лучше всех на свете.

Жених с невестой уселись за стол. Самые знатные кавалеры подавали им различные кушанья старинной кухни. А скрипки и гобои играли для них прелестные, давно забытые песни прошлого века.

Придворный поэт тут же сочинил новую, хотя немного старомодную песенку о прекрасной принцессе, которая сто лет проспала в заколдованном лесу. Песня очень понравилась тем, кто её слышал, и с тех пор её стали петь все от мала до велика – от поварят до королей.

А кто не умел петь песни, тот рассказывал сказку. Сказка эта переходила из уст в уста и дошла, наконец, до нас с вами.

Горячий камень. А. Гайдар

I

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плел корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришел на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролег кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что еще хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клочок от штанины, а по красным щекам текли слезы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III

От стыда и горя Ивашка забрел в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный! - это Ивашка смекнул сразу. Он сбросил

башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписей глину, чтобы поскорее узнать: что с этого камня может он взять для себя пользы и толку.

И вот он прочел такую надпись:

КТО СНЕСЕТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ

И ТАМ РАЗОБЬЕТ ЕГО НА ЧАСТИ,

ТОТ ВЕРНЕТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ

И НАЧНЕТ ЖИТЬ СНАЧАЛА

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет - девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого класса перескакивать сразу в третий - это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нес ведро извести, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: "Вот идет человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжело".

Вот с какими хорошими мыслями подошел к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чем дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были еще на свете такие люди, которые, очень просто, могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придет туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решился. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лег у подножия горы на сухую траву.

"Вот! - думал он. - Теперь вкачу я камень на гору, придет хромой старик, разобьет камень, помолодеет и начнет жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди ее видели". На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это - когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофер подвез его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это - когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на веселый праздник Первое мая.

"Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит", - великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съездившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришел на гору старик.

- Что же ты, дедушка, не принес ни молотка, ни топора, ни лома? -

вскричал удивленный Ивашка. - Или ты надеешься разбить камень рукою?

- Нет, Ивашка, - отвечал старик, - я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошел к изумленному Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжелая ладонь старика вздрагивает.

- Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, - говорил старик Ивашке - А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, - но это тогда, когда мы - еще неумело - валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинке.

Мне вышибли зубы, - но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бою мне рассекли лицо, - но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, как она сейчас, - могучей и великой. Это ли еще, глупый Ивашка, не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

- Да, дедушка! - тихо сказал тогда Ивашка. - Но раз так, - то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своем болоте?

- Пусть лежит на виду, - сказал старик, - и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

VII

С тех пор прошло много лет, но камень тот тал и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была неспокойна совесть, плохое настроение. "А что, - думаю, - дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!"

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

"Э-э! - думаю, скажут, увидав меня помолодевшим, соседи. - Вот идет молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала".

Скрутил я тогда табачную сигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня. И пошел прочь - своей дорогой.

История Власа – лентяя и лоботряса. В. Маяковский

Влас Прогулкин - милый мальчик,
спать ложился, взяв журнальчик.
Все в журнале интересно.
Дочитаю весь, хоть тресну!
Ни отец его, ни мать
не могли заставить спать.
Засыпает на рассвете, скомкав ёрзаньем кровать,
в час, когда другие дети бодро начали вставать.
Когда другая детвора чаёвничает, вставши,
Отец орёт ему: Пора!
Он одеяло на уши.
Разошлись другие в школы,
Влас у крана полуголый - не дремалось в школе чтоб,
моет нос и мочит лоб.
Без чаю и без калача выходит, еле волочась.
Пошагал и встал разиней: вывеска на магазине.
Грамота на то и есть!
Надо вывеску прочесть!
Прочёл с начала буквы он, выходит:
„Куафёр Симон”.
С конца прочёл знаток наук, - „Номис” выходит „рёфаук”.
Подумавши минуток пять, Прогулкин двинулся опять.
А тут на третьем этаже сияет вывеска - „ТЭЖЭ”.
Прочёл.
Пошёл.
Минуты с три - опять застрял у двух витрин.
Как никак, а к школьным зданьям пришёл
с огромным опозданием.
Дверь на ключ.

Толкнулся Влас - не пускают Власа в класс!
Этак ждать расчёта нету,
Сыграну-ка я в монету!"
Проиграв один пятак,
не оставил дела так...
Словом, не заметил сам,
как промчались три часа.
Что же делать - вывод ясен:
возвратился восвояси!
Пришёл в грустях, чтоб видели
Соседи и родители.
Те к сыночку:
Что за вид?
Очень голова болит.
Так трещала, что не мог
Даже высидеть урок!
Прошу письмо к мучителю,
мучителю-учителю!
В школу Влас
письмо отнёс и опять не кажет нос.
Словом, вырос этот Влас - настоящий лоботряс.
Мал настолько знаний груз,
что не смог попасть и в вуз.
Еле взяли, между прочим,
на завод чернорабочим.
Ну, а Влас и на заводе ту ж историю заводит:
у людей - работы гул,
у Прогулкина - прогул.
Словом, через месяц
Он выгнан был и сокращён.

С горя Влас торчит в пивнушке,
Мочит ус в бездонной кружке,
и под забором, вроде борова,
лежит он, грязен и оборван.
Дети, не будьте
такими, как Влас!
Радостно книгу возьмите и - в класс!
Вооружись учебником-книгой!
С детства мозги развивай и двигай!
Помни про школу - только с ней
Станешь строителем радостных дней!

Кто дерет нос кверху. К. Ушинский

Спросил мальчик отца:

— Скажи мне, папа, отчего это иной колос так и гнётся к земле, а другой торчмя торчит?

— Который колос полон,— отвечает отец,— тот к земле гнётся, а который пустой, тот и торчит кверху.

«От чистого сердца...». Н. Саконская

От чистого сердца
Простыми словами.
Давайте, друзья,
Потолкуем о маме.

Мы любим её
Как надежного друга.
За то, что у нас
С нею все сообща.

За то, что когда
Нам приходится туго
Мы можем всплакнуть
У родного плеча.

Мы любим ее
И за то, что порою
Становятся строже
В морщинках глаза.

Но стоит с повинной
Прийти головою –
Исчезнут морщинки,
Умчится гроза.

За то, что всегда
Без утайки и прямо
Мы можем открыть

Ей сердце свое.

И просто за то, что

Она наша мама.

Мы крепко и нежно

Любим её.

Сказка о громком барабане. С. Могилевская

Барабан висел на стене между окнами, как раз напротив кровати, где спал мальчик.

Это был старый военный барабан, сильно потёртый с боков, но ещё крепкий. Кожа на нём была туго натянута, а палочек не было. И барабан всегда молчал, никто не слышал его голоса.

Однажды вечером, когда мальчик лёг спать, в комнату вошли дедушка и бабушка. В руках они несли круглый свёрток в коричневой бумаге.

– Спит, – сказала бабушка.

– Ну, куда нам это повесить? – сказал дедушка, показывая на свёрток.

– Над кроватью, над его кроватью, – зашептала бабушка.

Но дедушка посмотрел на старый военный барабан и сказал:

– Нет. Мы повесим его под барабаном нашего Ларика. Это хорошее место.

Они развернули свёрток. И что же? В нём оказался новый жёлтый барабанчик с двумя деревянными палочками.

Дедушка повесил его под большим барабаном, они полюбовались им, а потом ушли из комнаты...

И тут мальчик открыл глаза.

Он открыл глаза и засмеялся, потому что вовсе не спал, а притворялся.

Он спрыгнул с кровати, босиком побежал туда, где висел новый жёлтый барабанчик, придвинул стул поближе к стене, вскарабкался на него и взял в руки барабанные палочки.

Сначала он тихонько ударил по барабанчику лишь одной палочкой. И барабанчик весело откликнулся: трам-там!

Тогда он ударил и второй палочкой. Барабанчик ответил ещё веселее: трам-там-там!

Что за славный был барабан!

И вдруг мальчик поднял глаза на большой военный барабан. Раньше, когда у него не было этих крепких деревянных палочек, он даже со стула не мог дотронуться до большого барабана. А теперь?

Мальчик встал на цыпочки, потянулся вверх и крепко ударил палочкой по большому барабану. И барабан прогудел ему в ответ тихо и печально...

Это было очень-очень давно. Тогда бабушка была ещё маленькой девочкой с толстыми косичками.

И был у бабушки брат. Его звали Ларик. Это был весёлый, красивый и смелый мальчик. Он лучше всех играл в городки, быстрее всех бегал на коньках, и учился он тоже лучше всех.

Ранней весной рабочие того города, где жил Ларик, стали собирать отряд, чтобы идти бороться за Советскую власть.

Ларику тогда было тринадцать лет.

Он пошёл к командиру отряда и сказал ему:

– Запишите меня в отряд. Я тоже пойду драться с белыми.

– А сколько тебе лет? – спросил командир.

– Пятнадцать! – не моргнув ответил Ларик.

– Будто? – спросил командир. И повторил снова: – Будто?

– Да, – сказал Ларик.

Но командир покачал головой:

– Нет, нельзя, ты слишком молод...

И Ларик должен был уйти ни с чем. И вдруг возле окна, на стуле, он увидел новый военный барабан. Барабан был красивый, с блестящим медным ободком, с туго натянутой кожей. Две деревянные палочки лежали рядом.

Ларик остановился, посмотрел на барабан и сказал:

– Я могу играть на барабане...

– Неужели? – обрадовался командир. – А попробуй-ка!

Ларик перекинул барабанные ремни через плечо, взял в руки палочки и ударил одной из них по тугому верху. Палочка отскочила, будто пружинная, а барабан ответил весёлым баском:

– Бум!

Ларик ударил другой палочкой.

– Бум! – снова ответил барабан.

И уж тогда Ларик стал барабанить двумя палочками.

Ух, как они заплясали у него в руках! Они просто не знали удержу, они просто не могли остановиться. Они отбивали такую дробь, что хотелось встать, выпрямиться и шагать вперёд!

Раз-два! Раз-два! Раз-два!

И Ларик остался в отряде.

На следующее утро отряд уезжал из города. Когда поезд тронулся, из открытых дверей теплушки раздалась весёлая песенка Ларика:

Бам-бара-бам-бам,

Бам-бам-бам!

Впереди всех барабан,

Командир и барабанщик.

Ларик и барабан сразу стали товарищами. По утрам они просыпались раньше всех.

– Здорово, приятель! – говорил Ларик своему барабану и легонько шлёпал его ладонью.

Здо-ро-во! – гудел в ответ барабан. И они принимались за работу.

В отряде не было даже горна. Ларик с барабаном были единственными музыкантами. По утрам они играли побудку:

Бам-бара-бам,

Бам-бам-бам!

С добрым утром,

Бам-бара-бам!

Это была славная утренняя песня!

Когда отряд шёл походным маршем, у них была припасена другая песня. Руки Ларика никогда не уставали, и голос барабана не умолкал всю дорогу. Бойцам было легче шагать по топким осенним дорогам. Подпевая своему барабану, они шли от привала к привалу, от привала к привалу...

И вечером на привалах барабану тоже находилась работа. Только ему одному, конечно, справиться было трудно.

Он только начинал:

Эх! Бам-бара-бам,

Бам-бара-бам!

Веселей всех

Барабан!

Сразу же подхватывали деревянные ложки:

И мы тоже ловко бьём,

Бим-бири-бом,

Бим-бири-бом!

Потом вступали четыре гребешка:

Не отстанем мы от вас,

Бимс-бамс, бимс-бамс!

И уже последние начинали губные гармошки.

Вот это было веселье! Такой замечательный оркестр можно было слушать хоть всю ночь.

Но была у барабана и Ларика ещё одна песня. И эта песня была самая громкая и самая нужная. Где бы ни были бойцы, они сразу узнавали голос своего барабана из тысячи других барабанных голосов. Да, если нужно было, Ларик умел бить тревогу...

Прошла зима. Снова наступила весна. Ларику шёл уже пятнадцатый год

Красногвардейский отряд снова вернулся в тот город, где вырос Ларик. Красногвардейцы шли разведчиками впереди большой сильной армии, и враг убегал, прячась, скрываясь, нанося удары из-за угла.

Отряд подошёл к городу поздно вечером. Было темно, и командир приказал остановиться на ночлег возле леса, недалеко от полотна железной дороги.

– Целый год я не видал отца, матери и младшей сестрёнки, – сказал Ларик командиру. – Я даже не знаю, живы ли они. Можно их навестить? Они живут за тем леском.

– Что ж, иди, – сказал командир.

И Ларик пошёл.

Он шёл и чуть слышно насвистывал. Под ногами в мелких весенних лужицах булькала вода. Было светло от луны. За спиной у Ларика висел его боевой товарищ – военный барабан.

Узнают ли его дома? Нет, младшая сестрёнка, конечно, не узнает. Он нащупал в кармане два розовых пряника. Этот гостинец он давно припас для неё...

Он подошёл к опушке. Как здесь было хорошо! Лес стоял тихий-тихий, весь посеребрённый лунным светом.

Ларик остановился. От высокой ели падала тень. Ларик стоял, укрытый этой чёрной тенью.

Вдруг тихо щёлкнула сухая ветка.

Одна справа. Другая слева. За спиной...

На опушку вышли люди. Их было много. Они шли длинной цепью. Винтовки наперевес. Двое остановились почти рядом с Лариком. На плечах белогвардейские погоны. Один офицер сказал другому очень тихо:

– Часть солдат идёт со стороны леса. Другая – вдоль железнодорожной линии. Остальные заходят с тыла.

– Мы замкнём их в кольцо и уничтожим, – сказал второй.

И, крадучись, они прошли мимо.

Это были враги.

Ларик глубоко вздохнул. Он стоял в тени. Его не заметили.

Ларик потёр ладонью горячий лоб. Всё понятно. Значит, часть солдат идёт из леса. Другие заходят с тыла. Часть – вдоль полотна железной дороги...

Белые хотят замкнуть их отряд в кольцо и уничтожить.

Нужно бежать туда, к своим, к красным. Нужно предупредить, и как можно скорее.

Но разве он успеет? Они могут опередить его. Они могут поймать его по дороге...

И Ларик повернул к себе свой боевой барабан, вынул из-за ремня деревянные палочки и, широко взмахнув руками, ударил по барабану.

Тревога!

Это прозвучало, как выстрел, как тысяча коротких ружейных залпов.

Тревога!

Весь лес откликнулся, загудел, забарабанил громким эхом, будто возле каждого дерева стоял маленький смелый барабанщик и бил в боевой барабан.

Ларик стоял под елью и видел, как к нему со всех сторон устремились враги. Но он не двинулся с места. Он только колотил, колотил, колотил в барабан. Это была их последняя песня – песня боевой тревоги.

И только когда что-то ударило Ларика в висок, и он упал, барабанные палочки сами выпали у него из рук...

Ларик уже не мог видеть, как навстречу врагу с винтовками наперевес устремились красные бойцы и как побеждённый враг бежал и со стороны леса, и со стороны города, и оттуда, где блестели тонкие линии железнодорожного полотна.

Утром в лесу снова стало тихо. Деревья, стряхивая капли влаги, поднимали к солнцу прозрачные верхушки, и только у старой ели широкие ветви лежали совсем на земле.

Бойцы принесли Ларика домой. Глаза его были закрыты.

Барабан был с ним. Только палочки остались в лесу, там, где они выпали у Ларика из рук.

И барабан повесили на стену.

Он прогудел последний раз – громко и печально, будто прощаясь со своим славным боевым товарищем.

Вот что рассказал мальчику старый боевой барабан.

Мальчик тихонько слез со стула и на цыпочках вернулся в постель.

Он долго лежал с открытыми глазами, и ему казалось, будто он идёт по широкой красивой улице и крепко колотит в свой новый жёлтый барабанчик. Голос у барабанчика громкий, смелый, и они вместе поют любимую песенку Ларика:

Бам бара-бам,

Бам бара-бам!

Впереди всех барабан,

Командир и барабанщик.

Торопливый ножик. Е. Пермяк

Строгал Митя палочку, строгал да бросил. Косая палочка получилась. Неровная. Некрасивая.

— Как же это так? — спрашивает Митю отец.

— Ножик плохой, — отвечает Митя. — Косо строгает.

— Да нет, — говорит отец, — ножик хороший. Он только торопливый. Его нужно терпению выучить.

— А как? — спрашивает Митя.

— А вот так, — сказал отец и взял палочку да принялся ее строгать потихонечку, полегонечку, осторожно, старательно.

Понял Митя, как нужно ножик терпению учить, и стал строгать потихонечку, полегонечку, осторожно, старательно.

Долго торопливый ножик не хотел слушаться. Торопился, вкривь да вкось норовил вильнуть, да не вышло. Заставил его Митя терпеливым быть. На своем настоял.

Хорошо стал строгать ножик. Ровно. Красиво. Послушно.

Честное слово. Л. Пантелеев

Мне очень жаль, что я не могу вам сказать, как зовут этого маленького человека, и где он живет, и кто его папа и мама. В потемках я даже не успел как следует разглядеть его лицо. Я только помню, что нос у него был в веснушках и что штанишки у него были коротенькие и держались не на ремешке, а на таких лямочках, которые перекидываются через плечи и застегиваются где-то на животе.

Как-то летом я зашел в садик, – я не знаю, как он называется, на Васильевском острове, около белой церкви. Была у меня с собой интересная книга, я засиделся, зачитался и не заметил, как наступил в Когда в глазах у меня зарябило и читать стало совсем трудно, я за хлопнул книгу, поднялся и пошел к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шел очень быстро. Вдруг я остановился. Мне послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку – там белел в темноте небольшой каменный домик, какие бывают во всех городских садах; какая-то будка или сторожка. А около ее стены стоял маленький мальчик лет семи или восьми и, опустив голову, громко и безутешно плакал.

Я подошел и окликнул его:

– Эй, что с тобой, мальчик?

Он сразу, как по команде, перестал плакать, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– Ничего.

– Как это ничего? Тебя кто обидел?

– Никто.

– Так чего ж ты плачешь?

Ему еще трудно было говорить, он еще не проглотил всех слез, еще всхлипывал, икал, шмыгал носом.

– пошли, – сказал я ему. – Смотри, уже поздно, уже сад закрывается.

И я хотел взять мальчика за руку. Но мальчик поспешно отдернул руку и сказал:

– Не могу.

– Что не можешь?

– Идти не могу.

– Как? Почему? Что с тобой?

– Ничего, – сказал мальчик.

– Ты что – нездоров?

– Нет, – сказал он, – здоров.

- Так почему ж ты идти не можешь?
- Я – часовой, – сказал он.
- Как часовой? Какой часовой?
- Ну, что вы – не понимаете? Мы играем.
- Да с кем же ты играешь?

Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:

- Не знаю.

Тут я, признаться, подумал, что, наверно, мальчик все-таки болен и что у него голова не в порядке.

- Послушай, – сказал я ему. – Что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь – с кем?

– Да, – сказал мальчик. – Не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: «Хочешь играть в войну?» Я говорю: «Хочу». Стали играть, мне говорят: «Ты сержант». Один большой мальчик... он маршал был... он привел меня сюда и говорит: «Тут у нас пороховой склад – в этой будке. А ты будешь часовой... Стой здесь, пока я тебя не сменю». Я говорю: «Хорошо». А он говорит: «Дай честное слово, что не уйдешь».

- Ну?
- Ну, я и сказал: «Честное слово – не уйду».
- Ну и что?
- Ну и вот. Стою-стою, а они не идут.
- Так, – улыбнулся я. – А давно они тебя сюда поставили?
- Еще светло было.
- Так где же они?

Мальчик опять тяжело вздохнул и сказал:

- Я думаю, – они ушли.
- Как ушли?
- Забыли.
- Так чего ж ты тогда стоишь?
- Я честное слово сказал...

Я уже хотел засмеяться, но потом спохватился и подумал, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось – хоть лопни. А игра это или не игра – все равно.

– Вот так история получилась! – сказал я ему. – Что же ты будешь делать?

– Не знаю, – сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Идти искать этих глупых мальчишек, которые поставили его на караул взяли с него честное слово, а сами убежали домой? Да где ж их сейчас найдешь, этих мальчишек?..

Они уже небось поужинали и спать легли, и десятые сны видят.

А человек на часах стоит. В темноте. И голодный небось...

– Ты, наверно, есть хочешь? – спросил я у него.

– Да, – сказал он, – хочу.

– Ну, вот что, – сказал я, подумав. – Ты беги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.

– Да, – сказал мальчик. – А это можно разве?

– Почему же нельзя?

– Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

– Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла счастливая мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чем же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я ничего не сказал мальчику, только сказал: «Подожди минутку», – а сам, не теряя времени, побежал к выходу...

Ворота еще не были закрыты, еще сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и дозванивал там в свой колокольчик.

Я стал у ворот и долго поджидал, не пройдет ли мимо какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице. Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то черные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошел высокий железнодорожник в очень красивой шинели с зелеными нашивками. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел несолоно хлебавши возвращаться в сад, как вдруг увидел – за углом, на трамвайной остановке – защитную командирскую фуражку с синим кавалерийским околышем. Кажется, еще никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту. Сломая голову я побежал к остановке. И вдруг, не успев добежать, вижу – к остановке подходит трамвай, и командир, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается протискиваться в вагон.

Запыхавшись, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

– Товарищ майор! Минуточку! Подождите! Товарищ майор!

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

– В чем дело?

– Видите ли, в чем дело, – сказал я. – Тут, в саду, около каменной будки, на часах стоит мальчик... Он не может уйти, он дал честное слово... Он очень маленький... Он плачет...

Командир захлопал глазами и посмотрел на меня с испугом. Наверное, он тоже подумал, что я болен и что у меня голова не в порядке.

– При чем же тут я? – сказал он.

Трамвай его ушел, и он смотрел на меня очень сердито.

Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чем дело, он не стал раздумывать, а сразу сказал:

– Идемте, идемте. Конечно. Что же вы мне сразу не сказали?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вешал на воротах замок. Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскивали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять – но на этот раз очень тихо – плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

– Ну, вот, я привел начальника.

Увидев командира, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и стал на несколько сантиметров выше.

– Товарищ караульный, – сказал кома – Какое вы носите звание?

– Я – сержант, – сказал мальчик.

– Товарищ сержант, приказываю оставить вверенный вам пост.

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

– А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звездочек...

– Я – майор, – сказал кома И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

– Есть, товарищ м Приказано оставить пост.

И сказал это он так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались.

И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроем выйти из сада, как за нами хлопнули ворота и сторож несколько раз повернул в скважине ключ.

Майор протянул мальчику руку.

– Молодец, товарищ сержант, – сказал он. – Из тебя выйдет настоящий воин. До свидания.

Мальчик что-то пробормотал и сказал: «До свиданья».

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что опять подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

– Может быть, тебя проводить? – спросил я у него.

– Нет, я близко живу. Я не боюсь, – сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему, действительно, нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Еще не известно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я еще раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

Ивовый пир. Н. Сладков

Зацвела ива – гости со всех сторон. Кусты и деревья ещё голые, серые; ива среди них как букет, да не простой, а золотой. Каждый новый барашек пуховый жёлтый цыплёнок: сидит и светится. Пальцем тронешь – пожелтеет палец. Щёлкнешь – золотой дымок запарит. Понюхаешь – мёд.

Спешат гости на пир.

Шмель прилетел – неуклюжий, мохнатый, как медведь. Забасил, заворочался, весь в пыльце измазлся.

Прибежали муравьи: поджарые, быстрые, голодные. Набросились на пыльцу, и раздулись у них животы, как бочки. Того и гляди, ободки на животах лопнут.

Комарики прилетели: ножки горсточкой, крылышки мельтешат. Крошечные вертолётки.

Жуки какие-то копошатся.

Мухи жужжат.

Бабочки крылья распластали.

Шершень на слюдяных крыльях полосатый, злой и голодный, как тигр.

Все гудят и торопятся: зазеленеет ива – пиру конец.

Зазеленеет, потеряется среди зелёных кустов. Пойди-ка тогда её найди!

А сейчас – как букет золотой.

ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕСУ

Прилетели стаи грачей. Весна началась. Тяжелая, темная туча, закрывавшая все небо, ушла. По синему небу поплыли кучевые облака, похожие на большие сугробы снега. Родились первые зверята. У лосей и косуль отрастают новые рога. В лесу запели чижи, синицы и корольки. Скоро прилетят скворцы и жаворонки. Обнаружена берлога медведя под корнями вывороченной ели. Струйки тающего снега тайно собираются подо льдом. В лесу капель: тает снег на деревьях. По ночам морозы заново куют лед.

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПЕРВОЕ ЯЙЦО

Самка ворона первую из всех птиц снесла яйцо. Ее гнездо - на высокой ели, густо засыпанной снегом. Чтобы яйцо не застыло и птенчик в нем не замерз, ворониха не оставляет гнезда. Пищу ей приносит ворон.

СОСУНКИ В СНЕГУ

В поле еще снег, а у зайчих уж родятся зайчата.

Зайчата рождаются зрячими, в теплых шубках. Сразу, как появятся на свет, они уже умеют бегать. Наевшись досыта материнского молока, они разбегаются и прячутся под кустами, кочками. Лежат смиренхонько, - не пищат, не балуются, хоть мать и убежала куда-то.

Проходит день, другой, третий. Зайчиха по всем полям скачет, давно уже про них и забыла. А зайчатки все лежат. Бегать им нельзя: ястреб заметит или нападет на след лиса.

Вот, наконец, бежит мимо зайчиха. Нет, не мамаша - тетка какая-то чужая. Зайчата к ней: накорми нас! Ну что ж, пожалуйста, кушайте! Накормила - и дальше.

И опять зайчата под кустиками лежат. А мамаша их где-то чужих зайчат кормит.

Так уж повелось у зайчих: всех зайчат общими считать. Где бы ни повстречала зайчиха зайчат, она их накормит. Все равно, свои они ей или чужие.

Думаете, плохо зайчатам беспризорниками жить? Ничуть! Им тепло: шубка у них. А молоко у зайчих такое сладкое, густое, что зайчонок раз насосется, - потом несколько дней сыт.

А на восьмой-девятый день зайчата начнут травку зубрить.

ВЕСЕННЯЯ ХИТРОСТЬ

В лесу хищники нападают на мирных животных. Где увидят, так и хватают.

Зимой на белом снегу не так-то скоро увидишь зайца-беляка и белую куропатку. А сейчас снег тает, во многих местах уже показалась земля.

Волки, лисицы, ястреба, совы, даже маленькие хищные горностаи и ласки издали замечают белую шерстку и белые перья на черных проталинах.

И вот беляки и белые куропатки пустились на хитрость: они линяют и перекрашиваются.

Беляк стал весь серенький; у куропатки выпало много белых перьев, а на их месте отросли бурого и ржавого цвета новые перья с черными полосами.

Теперь беляка и куропатку не так-то просто заметить: они замаскированы.

Некоторым из нападающих тоже пришлось прибегнуть к маскировке. Ласка была вся белая зимой, горностаи тоже, только кончик хвоста у него был черный. И им обоим удобно было подкрадываться к мирным животным по снегу: белым по белому.

А сейчас они перелиняли и стали серыми. Ласка вся черная, а у горностая кончик хвоста как был, так и остался черным.

Но ведь черное пятнышко на одежде не вредит ни зимой, ни летом; ведь и на снегу есть черные пятна - соринки да сучочки, а на земле и в траве их сколько хочешь.

ЗИМНИЕ ГОСТИ СОБИРАЮТСЯ В ПУТЬ

На проезжих дорогах по всей нашей области замечены стайки маленьких белых птиц, похожих на овсянок. Это наши зимние гости - снежные подорожники-пуночки.

Родина их в тундре, на островах и берегах Северного Ледовитого океана.

Там не скоро еще оттаяет земля.

ОБВАЛЫ

В лесу начались страшные обвалы.

Белка спала в своем теплом гнезде на ветке большой ели.

Вдруг тяжелый ком снега обрушился с вершины дерева прямо на крышу гнезда. Белка выскочила, а ее беспомощные новорожденные бельчата остались в гнезде.

Белка сейчас же принялась раскапывать снег. К счастью, оказалось, что снег только придавил крышу гнезда, сделанную из толстых прутьев. Круглое внутреннее гнездо из теплого мягкого моха осталось цело.

Бельчата даже не проснулись в нем. Они совсем еще маленькие - с крысенок, голые, слепые и глупые.

СЫРЫЕ КВАРТИРЫ

Снег тает и тает. Жителям лесных подвалов плохо приходится: кроты, землеройки, мыши, полевки, лисы и другие зверьки и звери, живущие в норах под землею, уже сейчас страдают от сырости. Что же будет с ними, когда весь снег превратится в воду!

ГОРОДСКИЕ НОВОСТИ

КОНЦЕРТЫ НА КРЫШАХ

По ночам на крышах происходят кошачьи концерты. Кошкам они очень нравятся. Концерты кончаются отчаянной потасовкой между певцами.

ПО ЧЕРДАКАМ

Обойдите дома центрального района города, и вы познакомитесь с условиями жизни населения чердаков.

Птицы, занимающие здесь углы, оказывается, очень довольны своим жильем. Кому холодно, тот жмет к печным трубам и пользуется даровым отоплением. Голубки уже сидят на яйцах, воробьи и галки по всему городу собирают соломинки для гнезд, пух и перья для своих мягких перин.

Жалуются птицы только на кошек и мальчишек, которые разоряют их гнезда.

СОННЫЕ МУХИ

На улице появились большие зеленовато-синие с металлическим отливом мухи. Вид у них сонный, как осенью. Они еще не летают, а только еле ползают по стенам домов, качаясь на тонких ножках.

Целый день мухи греются на солнце, а ночью опять заползают в щели и скважины стен и заборов.

МУХИ, БЕРЕГИТЕСЬ БРОДЯГ!

На улицах Ленинграда появились пауки-бродяги.

Волка, говорят, ноги кормят. Этих пауков - тоже. Они не плетут хитрых тенет, как пауки-крестовики, а нападают на мух и других насекомых, бросаясь на них прыжками из засады.

ВЕСНЯНКИ

Из воды через трещины речного льда вылезают неуклюжие серые личинки. Они карабкаются на набережную, освобождаются от своих шкурок-чехликов и превращаются в крылатых, стройных насекомых - ни мух, ни бабочек - веснянок.

Длиннокрылые, легкие, они еще не могут летать: слабы. Им нужно солнце.

Они пешком переходят мостовую. Их давят прохожие, давят копытами лошади, давят колесами автомобили. Их проворно клюют воробьи. А они все идут да идут - их тысячи, тысячи, тысячи.

И те, кому удалось перейти улицу, взбираются на стены домов - за солнцем.

ГОТОВЬТЕ КВАРТИРЫ

Кто хочет, чтобы в саду у него поселился скворец, пусть скорее готовит ему квартиру. Квартира должна быть чистая и с такой маленькой дверью, чтобы скворец мог в нее пролезть, а кошка не могла.

А чтобы кошка и лапой не могла дотянуться до скворца, к двери с внутренней стороны прибивают ребром деревянный треугольник.

КОМАРИКИ ПЛЯШУТ

В солнечные теплые дни уже пляшут в воздухе комарики.

Не бойся их: эти не кусачие, это комары-толкуны.

Легкой стайкой, столбиком держатся в воздухе, толкуются, кружатся. И там, где их много, - воздух в крапинках, как в веснушках.

ТРУБНЫЕ ЗВУКИ С НЕБА

Жители Ленинграда поражены раздающимися с неба трубными звуками. Звуки слышны совсем ясно на утренних зорях, пока город еще не проснулся и грохота на улицах нет.

Те, у кого глаза хорошие, приглядевшись, замечают под самыми облаками стаи больших белых птиц с длинными прямыми шеями.

Это тянут дикие лебеди - клиуны.

Каждую весну они пролетают над нашим городом и кричат звонкими трубными голосами: "Крру-рру! Крру-рру!" - но мы редко слышим их в шуме и грохоте уличной сутолоки.

Сейчас лебеди спешат на гнездовья на Кольский полуостров, под Архангельск, к берегам Северной Двины.

Л Е Т О

ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕСУ

Наступило лето. Пора выводить птенцов. В лесу каждый построил себе дом. Весь лес сверху донизу сейчас занят под жилье. Свободного местечка нигде не осталось. Живут на земле, под землей, на воде, под водой, на деревьях, в деревьях, в траве и в воздухе.

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

У КОГО ДОМ ЛУЧШЕ ВСЕХ?

Ребята решили отыскать самый лучший дом. Оказалось - не так просто решить, какой дом лучше всех других.

Самое большое гнездо у орла.

Оно сделано из толстых сучьев и помещается на громадной толстой сосне.

Самое маленькое гнездо у желтоголового королька. У него весь дом с кулачок, да и сам-то он ростом меньше стрекозы.

Самый хитрый дом у крота. У него столько запасных ходов и выходов, что никак его не накроешь в его подземной норе.

Самый искусный дом у слоника-листоверта - маленького жучка с хоботком. Слоник перегрыз жилки у березовых листьев и, когда листья начали вянуть, скрутил их в трубочку и склеил слюной. В этот домик-трубочку слониха-самочка снесла свои яички.

Самые простые гнезда у куличка-галстучника и козодоя-полуночника. Галстучник положил свои четыре яйца прямо в песок на берегу речки, а козодой - в ямочку, в сухие листья под деревом. Они оба не много потрудились над постройкой дома.

Самый красивый домик у пеночки-пересмешки. Она свила себе гнездышко на березовой ветке, убрала его лишайником и легкой березовой кожуркой и вплела для украшения кусочки разноцветной бумаги, что валялись в саду какой-то дачи.

Самое уютное гнездышко у долгохвостой синицы. Эту птицу зовут еще ополовничек, потому что она похожа на разливательную ложку - половник. Ее гнездо свито изнутри из пуха, перьев и шерстинок, а снаружи - из мха и лишайников. Оно все круглое, как тыквочка, и вход в него круглый, маленький, в самой середине гнезда.

Самые удобные домики у личинок ручейников. Ручейники - крылатые насекомые. Когда они садятся, они складывают крылья крышей у себя на спине и прикрывают ими все свое тело. А личинки ручейников бескрылые, голые, им нечем прикрыться. Живут они на дне ручьев и речек. Найдет личинка сучочек или камышинку величиной со спичку, склеит на них трубочку из песчинок и залезает в нее задом, задом. Очень удобно получается: хочешь - совсем спрячься в трубочку и спи там спокойно, никто тебя не увидит; хочешь - высунь передние ножки и ползи по дну вместе с домом: домик-то легкий. А один ручейник нашел валявшуюся на дне тоненькую папироску, залез в нее, да так и путешествует в ней.

Самый удивительный дом у водяного паука-серебрянки. Этот паук растянул паутину под водой между водорослями, а под паутинку на мохнatom брюшке натаскал пузырьки воздуха. Так и живет паук в домике из воздуха.

ПО ЧУЖИМ ДОМАМ

Кто не сумел или поленился сам себе дом выстроить, устроился в чужом доме.

Кукушки подкинули свои яйца в гнезда трясогузок, зарянок, славок и других маленьких домовитых птичек.

Лесной кулик-черныш отыскал старое воронье гнездо и выводит в нем своих птенцов.

Пескарям очень понравились покинутые хозяевами рачьи норки в песчаном берегу под водой. Рыбки выметали в них свою икру.

А один воробей устроился очень хитро.

Выстроил он себе гнездо под крышей, - мальчишки разорили его.

Выстроил в дупле, - ласка все яйца повиытаскала.

Тогда воробей пристроился в громадном гнезде орла. Между толстыми сучьями этого гнезда свободно поместился его маленький домик.

Теперь воробей живет спокойно, никого не боится. Огромный орел и внимания не обращает на такую мелкую птаху. Зато уж ни ласка, ни кошка, ни ястреб, ни даже мальчишки не разорят воробыиного гнезда: орла-то каждый боится.

ОБЩЕЖИТИЯ

Есть в лесу и общежития.

Пчелы, осы, шмели и муравьи строят дома на сотни и тысячи жильцов.

Грачи заняли сады и рощи под свои гнездовые колонии, чайки - болота, песчаные острова и отмели, а ласточки-береговушки изрешетили обрывистые берега рек своими норками-пещерками.

ЧТО ЖЕ В ГНЁЗДАХ?

А в гнездах яйца - у всех разные.

И неспроста разные у разных птиц.

У бекаса-куличка они все в пятнышках да в крапинках, а у вертиголовки - белые, чуть только розоватые.

А дело в том, что вертиголовкины яйца лежат в глубоком темном дупле, - их и не увидишь, у бекаса - прямо на кочке, совсем открыто. Всякий бы увидал, если б они белые были. Вот они и выкрашены под цвет кочки, - скорей наступишь, чем заметишь.

У диких уток тоже яйца почти белые, а гнезда у них на кочках - открытые. Зато уткам и приходится пускаться на хитрость. Когда утка сходит с гнезда, она выщипывает пух у себя на животе и прикрывает им яйца. Их и не видно.

А почему у бекаса такие заостренные яйца? Ведь вот у большого хищного сарыча они круглые.

Опять понятно: бекас-куличок - птичка маленькая, раз в пять меньше сарыча. Как же он высидит и прикроет своим тельцем такие большие яйца, если они не лягут так удобно - носок к носку, острыми концами вместе, - чтобы занимать как можно меньше места?

А почему у маленького бекаса такие же крупные яйца, как у большого сарыча?

На этот вопрос придется ответить позже - когда выклюнутся птенцы из яиц.

СКОЛЬКО У КОГО ДЕТЕЙ?

В большом лесу за городом Ломоносовом живет молодая лосиха. У нее в этом году родился один лосенок.

У орла-белохвоста гнездо в том же лесу. В гнезде два орленка.

У чиха, зяблика, овсянки - до пяти птенцов.

У вертиголовки - восемь.

У ополовничка (долгохвостой синицы) - двенадцать.

У серой куропатки - двадцать.

У колюшки в гнезде из каждой икринки вывелось по мальку-колюшонку, всего - сотня колюшат.

У лебедя - сотни тысяч.

У трески не перечсть: наверно, миллион мальков.

БЕСПРИЗОРНЫЕ

Лещ и треска совсем о своих детях не заботятся. Выметали икру и ушли. А ребяташки пускай сами, как знают, выводятся, живут и кормятся.

Да как же и быть, если у тебя сотни тысяч ребятешек. За всеми не умотришь.

У лягушки всего одна тысяча ребят, и то она о них не думает.

Конечно, беспризорным не легко живется. Под водой много прожорливых чудовищ, и все они падки до вкусной рыбьей и лягушечьей икорки, до рыбешек и лягушат.

Сколько гибнет рыбьих мальков и головастиков, сколько опасностей им грозит, пока они не вырастут в больших рыб и лягушек, - прямо подумать страшно.

ЗАБОТЛИВЫЕ РОДИТЕЛИ

Зато лосиха и все птицы-матери - вот уж заботливые родители.

Лосиха готова жизнь отдать за своего единственного детеныша. Попробуй напасть на нее хоть сам медведь: она так начнет брыкаться и передними и задними ногами, так отделает его копытами, что в другой раз мишка и близко не сунется к лосенку.

Ребятам попался в поле куропаткин сын: из-под самых ног у них выскочил и помчался в траву прятаться. Они его поймали, а он - как пискнет! Откуда ни возьмись - мать-куропатка. Усидела сына в руках людей, заметалась, заклохтала, на землю припала, крыло волочит.

Ребята подумали: она раненая. Куропатчонка бросили, за ней погнались.

Куропатка ковыляет по земле - вот-вот рукой схватишь; но только руку протянешь - она в сторону. Гнались-гнались так за куропаткой, - вдруг она крыльями захлопала, поднялась над землей - и улетела как ни в чем не бывало.

Вернулись наши ребята назад - за куропатчонком, - а его и след простыл. Это нарочно мать раненой притворялась, отводила от сына, чтобы спасти его.

Она за каждого своего детеныша так заступает: ведь у нее их всего только двадцать.

КАКИЕ ВВЕЛИСЬ ПТЕНЦЫ У БЕКАСА И САРЫЧА?

У маленького сарыча, только что вылупившегося из яйца, на носу белая шишечка. Это - "яйцевой зуб". Им-то птенец и разбивает скорлупу, когда ему пора из яйца выходить.

Сарычонок вырастет и будет кровожадным хищником - грозой грызунов. А сейчас он забавный малыш, весь в пуху, полуслепой.

Он такой беспомощный, такой неженка: шагу ступить не может без папы и мамы. Он умер бы с голоду, если б они его не кормили.

А есть среди птенцов других птиц и боевые ребята: как только выклюнутся из яйца, сейчас вскочат на ножки - и пожалуйста: уж и пищу сами себе добывают, и воды не боятся, и от врагов сами прячутся.

А вот сидят два бекасенка. Они только день как из яйца, а уж гнездо свое покинули и сами себе отыскивают червячков. Потому и были у бекаса такие большие яйца, чтобы бекасята в них подрастать могли.

Куропаткин сын, о котором вы рассказывали, - тоже боевой. Только что родился, а уж бежит со всех ног.

Вот еще дикий утенок - крохаль. Он, как только на свет появился, сейчас же заковылял к речке, бултых в воду! - и стал купаться.

Он и нырять уже умеет и потягиваться, приподнявшись на воде, - совсем как большой.

А пищухина дочь - ужасная неженка. Целые две недели в гнезде просидела, теперь вылетела и сидит на пне.

Вот как надулась: недовольна, что мать долго не летит с кормом.

Самой скоро уже три недели, а все еще пищит и требует, чтобы мать запихивала ей в рот гусениц и другие лакомства.

КОЛОНИЯ НА ОСТРОВЕ

На песчаной отмели одного острова живут на даче маленькие чайки.

По ночам они спят в песчаных лунках (ямках) - по трое в лунке. Вся отмель в лунках: такая большая колония чаек.

Днем они учатся летать, плавать и ловить мелкую рыбешку под руководством старших.

Старые чайки учат и зорко охраняют своих ребят.

Когда приближается враг, они слетаются стаяй и кидаются на него с таким криком и гамом, что всякому страшно станет.

Даже громадный морской орел-белохвост спешит удрать от них подальше.

КУПАНИЕ МЕДВЕЖАТ

Наш знакомый охотник шел берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица, с ней два веселых медвежонка и пестун - ее годовалый сын, медвежья нянька.

Медведица села. Пестун схватил одного медвежонка зубами за шиворот и давай окунять его в речку.

Медвежонок визжал и барахтался, но пестун не выпускал его, пока хорошенько не выполоскал в воде.

Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удищать в лес.

Пестун догнал его, надавал шлепков, а потом - в воду, как первого.

Полоскал, полоскал его - да ненароком и выронил в воду. Медвежонок как заорет! Тут в один миг подскочила медведица, вытащила сынишку на берег, а пестуну таких плюх надавала, что он, бедный, взвыл.

ФОКУС МАЛЕНЬКИХ КРУТИГОЛОВОК

Наша кошка увидела на дереве дупло и подумала, что там гнездо какой-нибудь птички. Она захотела съесть птенчиков, полезла на дерево и видит: на дне дупла гадючата копошатся, извиваются. Да как зашипят! Кошка струсила, прыг с дерева - только бы ноги унести!

А в дупле-то были совсем не гадючата, а птенцы крутиголовки (вертишейки). Это у них фокус такой, чтоб от врагов защищаться: головами крутят, шеями вертят, - шейки у них, как змейки, извиваются. Да при этом они еще и шипят по-гадючьи. Ядовитых-то гадюк всякий боится. Вот маленькие крутиголовки и подражают гадюке, чтобы врагов напугать.

ЛЕСНЫЕ ДОМИШКИ

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

Была в их стае одна маленькая Береговушка, такая проворная: никак её догнать нельзя было – от всех увёртывается.

Погонится за ней пятнашка, а она – туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится, да как пустится лететь – только крылышки мелькают.

Вдруг – откуда ни возьмись – Чеглок Сокол мчится. Острые изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки переполошились: все – врассыпную, кто куда, – мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку, да над лесом, да через озеро!

Очень уж страшной пятнашкой был Чеглок Сокол.

Летела, летела Береговушка – из сил выбилась.

Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт. Только не своя – чужая какая то.

Испугалась Береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха?

А уж вечер был – ночь скоро. Как тут быть?

Жутко стало маленькой Береговушке.

Полетела она вниз, села на берегу и горько заплакала.

Вдруг видит: бежит мимо неё по песку маленькая жёлтая птичка с чёрным галстучком на шее.

Береговушка обрадовалась, спрашивает у жёлтой птички:

– Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

– А ты чья? – спрашивает жёлтая птичка.

– Не знаю, – отвечает Береговушка.

– Трудно же будет тебе свой дом разыскать! – говорит жёлтая птичка. – Скоро солнце закатится, темно станет. Оставайся ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зуёк. А дом у меня вот тут – рядом.

Зуёк пробежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

– Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка – кругом песок да галька, а дома никакого нет.

– Неужели не видишь? – удивился Зуёк. – Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу насилу разглядела Береговушка: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке среди гальки.

– Ну, что же ты? – спрашивает Зуёк. – Разве тебе не нравится мой дом?

Береговушка не знает, что и сказать: скажешь, что дома у него нет, ещё хозяин обидится. Вот она ему и говорит:

– Не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстилки...

– Жаль, что не привыкла! – говорит Зуёк. – Тогда лети ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и ночуй.

– Вот спасибо! – обрадовалась Береговушка.

И полетела в еловый лесок.

Там она скоро отыскала лесного голубя Витютню и попросилась к нему ночевать.

– Ночуй, если тебе моя хата нравится, – говорит Витютень.

А какая у Витютня хата? Один пол, да и тот, как решето – весь в дырках. Просто прутьики на ветви накинаны как попало. На прутьиках белые голубиные яйца лежат. Снизу их видно: просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилаеь Береговушка.

– У вашего дома, – говорит она Витютню, – один пол, даже стен нет. Как же в нём спать?

– Что же, – говорит Витютень, – если тебе нужен дом со стенами, лети, разыщи Иволгу. У неё тебе понравится.

И Витютень сказал Береговушке адрес Иволги: в роще, на самой красивой берёзе.

Полетела Береговушка в рощу.

А в роще берёзы одна другой красивее. Искала, искала Иволгин дом и вот, наконец, увидела: висит на берёзовой ветке крошечный, лёгкий домик. Такой уютный домик и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

«Какой же у Иволги домик маленький, – подумала Береговушка. – Даже мне в нём не поместиться».

Только она хотела постучаться, – вдруг из серого домика вылетели осы.

Закружились, зажужжали, сейчас ужалят!

Испугалась Береговушка и скорей улетела прочь.

Мчится среди зелёной листвы.

Вот что то золотое и чёрное блеснуло у неё перед глазами.

Подлетела ближе, видит: на ветке сидит золотая птица с чёрными крыльями.

– Куда ты спешишь, маленькая? – кричит золотая птица Береговушке.

– Иволгин дом ищу, – отвечает Береговушка.

– Иволга – это я, – говорит золотая птица. – А дом мой вот здесь, на этой красивой берёзе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга ей показывает. Сперва она ничего различить не могла: всё только зелёные листья да белые берёзовые ветви. А когда всмотрелась, так и ахнула.

Высоко над землёй к ветке подвешена лёгкая плетёная корзиночка.

И видит Береговушка, что это и в самом деле домик. Затежливо так свит из пеньки и стебельков, волосков и шерстинок и тонкой берёзовой кожурки,

– Ух! – говорит Береговушка Иволге. – Ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня всё перед глазами вертится, кружится... Того и гляди, её ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

– Ступай к Пеночке! – обиженно говорит ей золотая Иволга. – Если ты боишься на чистом воздухе спать, так тебе, верно, понравится у неё в шалаше под крышей.

Полетела Береговушка к Пеночке.

Жёлтая маленькая Пеночка жила в траве как раз под той самой берёзой, где висела Иволгина воздушная колыбелька.

Береговушке очень понравился её шалашик из сухой травы и мха, «Вот славно то! – радовалась она. – Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких пёрышек! Совсем как у нас дома!»

Ласковая Пеночка стала её укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела.

Береговушка встрепенулась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

– Это кони в рощу скачут.

– А выдержит ваша крыша, – спрашивает Береговушка, – если конь на неё копытом ступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

– Ох, как страшно тут! – сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша. – Тут я всю ночь глаз не сомкну: всё буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

– Так, верно, у тебя такой дом, как у Чомги, – догадалась Пеночка. – У неё дом не на дереве – ветер его не сдует, да и не на земле – никто не раздавит. Хочешь, провожу тебя туда?

– Хочу! – говорит Береговушка.

Полетели они к Чомге.

Прилетели на озеро и видят: посреди воды на тростниковом островке сидит большеголовая птица. На голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

Тут Пеночка с Береговушкой простилась и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок то, оказывается, плавучий. Плывёт по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи – ямка, а дно ямки мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чомгины яйца, прикрытые лёгкими сухими тростиночками.

А сама Чомга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своём судёнышке по всему озеру.

Береговушка рассказала Чомге, как она искала и не могла найти себе ночлега, и попросилась ночевать.

– А ты не боишься спать на волнах? – спрашивает её Чомга.

– А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

– Мой дом – не пароход, – говорит Чомга. – Куда ветер гонит его, туда он и плывёт. Так и будет всю ночь на волнах качаться.

– Боюсь... – прошептала Береговушка. – Домой хочу, к маме...

Чомга рассердилась.

– Вот, – говорит, – какая привередливая! Никак на тебя не угодишь! Лети ка, поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чомга Береговушку, та и полетела.

Летит и плачет.

А уж ночь наступает: солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит: на высокой ели, на толстом суку выстроен дом.

Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит тёплый, мягкий.

«Вот хороший дом, – думает она, – прочный и с крышей».

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку к просит жалобным голоском:

– Впустите, пожалуйста, хозяйюшка, переночевать!

А из дома вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с жёлтыми зубами. Да как зарычит страшилище:

– С каких это пор птахи по ночам стучат, ночевать просятся к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, – сердце камнем упало. Отшатнулась, взвилась над лесом да стремглав, без оглядки, наутёк!

Летела, летела – из сил выбилась. Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место знакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт, своя река, родная!

Стрелой бросилась вниз к речке, а оттуда – вверх, под самый обрыв крутого берега.

И пропала.

А в обрыве – дырки, дырки, дырки. Это всё ласточкины норки. В одну из них и юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному длинному, узкому узкому коридору.

Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут уже давно ждала её мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой тёплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...

Покойной ночи!

МАСТЕРА БЕЗ ТОПОРА

Загадали мне загадку: "Без рук, без топоренка построена избенка". Что такое?

Оказывается, - птичье гнездо.

Поглядел я, - верно! вот сорочье гнездо: как из бревен, все из сучьев сложено, пол глиной вымазан, соломкой устлан, посередке вход; крыша из веток. Чем не избенка? А топора сорока никогда и в лапках не держала.

Крепко тут пожалел я птицу: трудно, ох как трудно, поди, им, горемычным, свои жилища без рук, без топоренка строить! Стал я думать: как тут быть, как их горю пособить? Рук им не приделаешь.

А вот топор... Топоренок для них достать можно.

Достал я топоренок, побежал в сад.

Глядь, - козодой-полуночник на земле между кочек сидит. Я к нему:

- Козодой, козодой, трудно тебе гнезда вить без рук, без топоренка?

- А я и не вью гнезда! - говорит козодой. - Глянь, где яйца высиживаю.

Вспорхнул козодой, - а под ним ямка между кочек. А в ямке два красивых мраморных яичка лежат.

"Ну, - думаю про себя, - этому ни рук, ни топоренка не надо. Сумел и без них строиться".

Побежал дальше.

Выбежал на речку. Глядь, там по веткам, по кусточкам ремез-синичка скачет, - тоненьким своим носиком с ивы пух собирает.

- На что тебе пух, ремез? - спрашиваю.

- Гнездо из него делаю, - говорит. - Гнездо у меня пуховое, мягкое, - что твоя варежка.

"Ну, - думаю про себя, - этому топоренок тоже ни к чему - пух собирать..."

Побежал дальше.

Прибежал к дому. Глядь, под коньком ласточка-касаточка хлопочет - гнездышко лепит. Носиком глинку приминает, носиком ее на речке колупает, носиком носит.

"Ну, - думаю, - и тут мой топоренок ни при чем. И показывать его не стоит".

Побежал дальше.

Прибежал в рощу. Глядь, там на елке певчего дрозда гнездо. Загляденье, что за гнездышко: снаружи все зеленым мхом украшено, внутри - как чашечка гладкое.

- Ты как такое себе гнездышко смастерил? - спрашиваю. - Ты чем его внутри так хорошо отделал?

- Лапками да носом мастерил, - отвечает певчий дрозд. - Внутри все цементом обмазал из древесной трухи со слюной со своей.

"Ну, - думаю, - опять я не туда попал, надо таких искать птиц, что плотничают".

И слышу: "Ту-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук!" - из лесу.

Я туда. А там дятел. Сидит на березе и плотничает, дупло себе делает - детей выводить.

Я к нему:

- Дятел, дятел, стой носом тукать! Давно, поди, голова разболелась. Гляди, какой я тебе инструмент принес: настоящий топоренок!

Поглядел дятел на топоренок и говорит:

- Спасибо, только мне твой инструмент ни к чему. Мне и так плотничать ладно: лапками держусь, на хвост обопрюсь, пополам согнусь, головой размахнусь, - носом ка-ак стукну! Только щепки летят да труха!

Смутил меня дятел: птицы-то, видно, все - мастера без топора. Тут увидел я гнездо орла. Большущая куча толстых сучьев на самой высокой сосне в лесу.

"Вот, - думаю, кому топор-то нужен: сучья рубить!" Подбежал к той сосне, кричу:

- Орел, орел! А я тебе топоренок принес! Рознял орел крылья и клекочет:

- Вот спасибо, парнишка! Кинь свой топоренок в кучу. Я сучков на него еще навалю - прочная будет постройка, доброе гнездо.

О С Е Н Ь

ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕСУ

Исчезли все певчие птицы в ярких и пестрых нарядах. Как они отправлялись в путь, мы не видели, потому что они отлетают ночью.

Многие птицы предпочитают путешествовать по ночам: так безопасней. в темноте их не трогают сокола, ястреба и другие хищники, которые выбрались из лесов и ждут их на пути. А дорогу на юг перелетные птицы найдут и в темную ночь.

На Великом Морском пути показались стаи водяных птиц: уток, нырков, гусей, куликов. Крылатые путники делают остановки на тех же местах, что и весной.

Желтеет листва в лесу. Зайчиха принесла еще шестерых зайчат. Это последние в нынешнем году зайчата - листопадники.

На тинистых берегах заливов кто-то по ночам ставит крестики. Крестиками и точечками усеяна вся тина. Мы сделали себе шалашку на берегу заливчика и хотим посмотреть, кто это шалит.

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Уж сильно поредела на березах листва. Сиротливо качается на голой ветке давно покинутый хозяевами домик - скворешня.

Вдруг - что такое? - подлетели два скворца. Самочка скользнула в скворешню, деловито копошится в ней. Самец сел на веточку, посидел, поглядел по сторонам... и запел! Но тихонько запел, будто про себя.

Вот кончил. Самочка вылетела из скворешни, - скорей назад, к стае. И он за ней. Пора, пора: не сегодня завтра - в путь далекий.

Простились с домиком, где летом вывели ребят.

Они его не забудут, и весной опять поселятся в нем.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВПЛАВЬ

В лугах никнет к земле умирающая трава.

Уже ушел в свое далекое путешествие знаменитый скороход коростель-дергач.

На Великом Морском пути показались нырцы и гагары. Они ныряют и ловят рыбу под водой.

На крылья они поднимаются редко. Плывут и плывут. Вплавь перебираются через озера и заливы.

Им не надо даже приподниматься над водой, чтобы с размаху погрузить свое тело в воду, как это делают утки. Их тело так устроено, что стоит только им опустить голову и

сильно гребнуть перепончатыми ногами-веслами, как они уже уходят вглубь. Под водой гагары и нырцы чувствуют себя как дома. Ни один крылатый хищник не станет их там преследовать. Плавают они с такой быстротой, что догоняют даже рыб. А летают гораздо хуже быстрокрылых хищных птиц.

Зачем же им подвергать себя опасности и подниматься на крылья? Они совершают свое далекое путешествие вплавь, где только можно.

ПУТЁМ-ДОРОГОЮ

Каждый день, каждую ночь отправляются в путь крылатые странники. летят не спеша, потихоньку, с долгими остановками - не то что весной. Видно, не хочется им расставаться с родиной.

Порядок перелета обратный: теперь первыми летят яркие, пестрые птицы, последними трогаются те, что прилетали весной первыми, зяблики, жаворонки, чайки. У многих птиц вперед летят молодые; у зябликов - самки раньше самцов. Кто посильней и выносливей, дольше задерживается.

Большинство летит прямо на юг - во Францию, Италию, Испанию, на Средиземное море, в Африку. некоторые - на восток; через Урал, через Сибирь в Индию. Тысячи километров мелькают внизу.

ГОТОВЯТСЯ К ЗИМЕ

Мороз не велик, а зевать не велит: как грянет - разом землю и воду скует льдом. Где тогда еды себе достанешь? Куда спрячешься?

В лесу каждый готовится к зиме по-своему.

Кому положено, улетел от голода и холода на крыльях. Кто остался, торопится набить свои кладовые, заготавливает запасы пищи впрок. Особенно усердно таскают ее короткохвостые мышки-полевки. Многие из них вырыли себе зимние норы прямо в стогах и под хлебными скирдами и каждую ночь воруют зерно.

К норе ведут пять или шесть дорожек, каждая дорожка - в свой вход. Под землей - спальня и несколько кладовых.

Зимой полевки собираются спать только в самые сильные морозы. Поэтому они делают большие запасы хлеба. В некоторых норах собрано уже по четыре-пять килограммов отборного зерна.

Маленькие грызуны обворовывают хлебные поля. Надо оберегать от них урожай.

ЗАПАСЫ ОВОЩЕЙ

Короткоухая водяная крыса летом жила на даче, у самой речки. Там у нее была одна жилая комната под землей. Ход из комнаты вел косо вниз - прямо в воду.

Теперь водяная крыса устроила себе хорошую, теплую зимнюю квартиру далеко от воды, на кочковатом лугу. В квартиру ведут подземные ходы-переходы по сто шагов длиной и больше.

Спальня выстлана мягкой, теплой травой и помещается под самой большой кочкой.

Кладовая соединена со спальней особыми ходами.

В кладовой сложены в строгом порядке - по сортам - похищенные и переташенные крысой с полей и огородов хлебные зерна, горох, луковицы, бобы и картофель.

БЕЛКИНА СУШИЛЬНЯ

Белка отвела под кладовую одно из своих круглых гнезд на деревьях. Там у нее сложены лесные орешки и шишки.

Кроме того, белка собрала грибы - маслята и березовики. Их она насадила на обломанные сучочки сосен и сушит впрок. Зимой она будет бродить по ветвям и подкрепляться сушеными грибами.

ЖИВЫЕ КЛАДОВЫЕ

Удивительную кладовую нашла для своей личинки оса-наездник. У нее быстрые крылья, зоркие глаза под загнутыми кверху усиками. Очень тонкая талия отделяет ее грудь от брюшка, а на конце брюшка - длинное, прямое и тонкое, как игла, жало. Летом оса-наездник отыскала большую толстую гусеницу бабочки, напала на нее, оседлала и вонзила в ее кожу острое жало. Жалом она просверлила в теле гусеницы дырочку и в эту дырочку опустила свое яичко.

Оса улетела, а гусеница скоро оправилась от страха. Опять стала она есть листья и, когда подошла осень, выткала себе кокон и окуклилась. Вот тут-то, в куколке, и вышла из яичка личинка осы-наездника. Ей тепло, спокойно внутри крепкого кокона и пищи хватит на целый год.

Когда опять придет лето, кокон гусеницы откроется, но вылетит из него не бабочка, а поджарая, жесткотелая, черно-желто-красная оса-наездник. Это наш друг. Ведь она-то и уничтожает этих вредных гусениц.

ОПЯТЬ ЛЕТО?

То холод, ветер ледяной, то вдруг солнышко выглянет, и станут дни теплые, тихие. И тогда кажется: неожиданно лето вернулось.

Из-под травы цветы выглянули, желтые одуванчики, первоцветы. В воздухе порхают бабочки, комары-толкуны кружатся легкими столбиками. Выскочит откуда-то птичка-малышка, крошечный бойкий подкоренник, дрыгнет хвостиком и запоеет - да так задорно, так звонко!

А с высокой ели тихонько и грустно - точно капельки падают в воду - жалостно прозвенит нежная песенка запоздалой пеночки-теньковки: "Те-тень-ка! Те-тень-ка!"

И забудешь, что зима скоро.

ГОРОДСКИЕ НОВОСТИ

ДЕРЗКИЙ НАЛЁТ

В Ленинграде, на Исаакиевской площади, среди бела дня, на глазах у прохожих совершен дерзкий налет.

С площади поднялась стая голубей. В это время с купола Исаакиевского собора сорвался крупный сокол-сапсан и ударил по крайнему голубю. Пух закружился в воздухе.

Прохожие видели, как перепуганная стая метнулась под крышу большого дома, а сапсан, держа в когтях убитую жертву, тяжело поднялся на купол собора.

Пролетный путь больших соколов проходит на нашем городом.

Крылатые хищники любят устраивать свои гнезда на куполах и колокольнях: отсюда им удобно высматривать добычу.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Почти каждую ночь на окраинах города - тревога.

Засыпав шум на дворе, люди соскакивают с кроватей, высовывают головы в окна. Что такое, что случилось?

Внизу, во дворе, громко хлопают крыльями птицы, гогочут гуси, кричат утки. Уж не напал ли на них хорек, не пробралась ли во двор лисица?

Но какие же лисы и хорьки в каменном городе, за чугунными воротами домов?

Хозяева осматривают двор, осматривают птичники. Все в порядке. Никого нет, никто не мог пробраться за крепкие замки и засовы. Просто, верно, дурной сон приснился птицам. Вот они уже и успокаиваются.

Люди ложатся в постели, засыпают спокойно. А через час - опять гогот и крикание. Переполох, тревога. Что такое? Что там опять?

Открой окно, притаись и слушай. В черном небе мерцают золотые искры звезд. Все тихо. Но вот словно чья-то неуловимая тень скользит вверх, по очереди затмевая золотые небесные огоньки. Слышится легкий прерывистый свист. Неясные голоса звучат с высокого ночного неба.

Мгновенно просыпаются дворовые утки и гуси. давно, казалось, забывшие волю, птицы в смутном порыве бьют крыльями по воздуху. Они приподнимаются на лапках, вытягивают шеи, кричат, кричат горестно и тоскливо. С высокого черного неба им отвечают призывом вольные, дикие сестры. Над каменными домами, над железными крышами тянут стая за стаей крылатые странники. Свистят утиные крылья. Звенит гортанная переключка диких гусей и казарок:

- Го! го! го! В дорогу, в дорогу!

- От холода и голода! В дорогу, в дорогу!

Замирает вдали звонкий гогот перелетных, а в глубине каменного двора мечутся давно отвыкшие от полета домашние гуси и утки.

80 ТЫСЯЧ ДЕРЕВЬЕВ И КУСТОВ

Юные садоводы-любители активно участвуют в "Неделе сада".

За последние дни плодово-ягодная станция распределила по городу 5000 саженцев яблони, смородины, крыжовника и различных декоративных растений.

В садах, парках, скверах, на площадях и улицах Ленинграда идет осенняя посадка деревьев и кустов. Город озеленяется кленами, дубами, березой, кустами сирени и жимолости. Осенью высажено юннатами свыше 80 тысяч деревьев и кустов.

ПРЯЧУТСЯ...

Холодно становится, холодно!

прошло красное лето... Стынет кровь, вялыми становятся движения: одолевает дремота.

Хвостатый тритон все лето прожил в пруду, ни разу не вылезал из него. Теперь вскарабкался на берег, побрел в лес. Нашел гнилой пень, скользнул под кору, свернулся там в клубочек.

Лягушки, наоборот, скачут с берега в пруд. Ныряют на дно, забиваются поглубже в тину, в ил. Змеи, ящерицы прячутся под корни, зарываются в теплый мох. Рыбы стаями громоздятся в омутах, в глубоких подводных ямах.

Забрались в щелочки, скважинки коры, в трещины стен и заборов бабочки, мухи, комары, жуки. Муравьи закупорили все ворота, все входы-выходы своего высокого стовратого города. Забрались в самую глубину его, жмутся там в кучи, потесней, - застывают так.

Голодно становится, голодно!

Холод не так страшен тем животным, у которых кровь горячая, - зверям, птицам. Лишь бы пища была: поел - словно печечку в себе затопил. Но с холодом приходит и голод.

Скрылись бабочки, мухи, комары, - и нечего стало есть летучим мышам. Они прячутся в дупла, в пещеры, в расселины скал, под крышу на чердаках. Повисают там вниз головой, прицепившись за что-нибудь коготками задних лапок. Запахиваются, как плащом, своими крыльями, - засыпают.

Скрылись лягушки, жабы, ящерицы, змеи, улитки. Спрятался еж в свое травяное гнездо под корнями. Барсук реже выходит из норы.

БЕЗ ПРОПЕЛЛЕРА

В эти дни над городом летают странные маленькие аэропланы. Прохожие останавливаются посреди улицы, задирают головы и с удивлением следят за медленными кругами воздушной эскадрильи. Они спрашивают друг друга:

- Вы видите?..

- Вижу, вижу.

- Как странно: почему не слышно шума пропеллеров?

- Может быть, слишком высоко? Поглядите, какие они маленькие.

- И опустятся - все равно не услышите.

- Почему это?

- Потому что пропеллеров у них нет.

- Как так - нет? Это что же - система такая новая? Как называется?

- Орлы!

- Вы шутите! Какие же в Ленинграде орлы!

- А вот такие - беркуты. Пролет у них сейчас: к югу тянут.

- Вот оно что! Ну, теперь сам вижу: птицы кружат; не сказали б, так бы и думал: аэропланы. До чего похожи! Хоть бы раз крылом взмахнули...

СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ

На Неве, у моста Лейтенанта Шмидта, у Петропавловской крепости и в других местах, неделями держатся дикие утки самых удивительных форм и расцветок. Тут и черные, как ворон, синьки, и горбоносые, с белым на крыле, турпаны, и пестрые морянки с хвостами, как спицы, и яркие многоцветные гоголи.

Они нисколько не боятся городского шума.

Они не боятся даже, когда прямо на них мчится черный буксир, разрезая воду железным своим носом. Они ныряют - и снова показываются над водой за несколько десятков метров от прежнего места.

Все эти утки-нырки - путники на Великом Морском пути. Два раза в год они гостят в Ленинграде - весной и осенью.

Когда по Неве пойдет лед с Ладожского озера, они исчезнут.

УГРИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Осень на земле. Осень и под водой. Холодает вода.

Старые угри уходят в свое последнее путешествие.

Из Невы в Финский залив, через Балтийское море и Немецкое море идут они в глубокий Атлантический океан.

Ни один из них не вернется в реку, где провел всю жизнь. Все найдут себе могилу в океане на глубине тысячи метров.

Но прежде чем умереть, они вымечут икру. Там, в глубине, не так холодно, как можно подумать: там семь градусов тепла. Там из каждой икринки скоро выйдет крошечный, прозрачный, как стеклышко, малек угря - лептоцефал. Миллиардными стадами лептоцефалы отправятся в далекое путешествие. И через три года они войдут в устье Невы. Тут они вырастут и превратятся в угрей.

ХВОСТЫ

Прилетела Муха к Человеку и говорит:

- Ты хозяин над всеми зверями, ты все можешь сделать. Сделай мне хвост.

- А зачем тебе хвост? - говорит Человек.

- А затем мне хвост, - говорит Муха, - зачем он у всех зверей, - для красоты.

- Я таких зверей не знаю, у которых хвост - для красоты. А ты и без хвоста хорошо живешь.

Рассердилась Муха и давай Человеку надоедать: то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет!

Человек ей и говорит:

- Ну, ладно! Лети ты, Муха, в лес, на реку, в поле. Если найдешь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только привешен, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

Обрадовалась Муха и вылетела в окошко. Летит она садом и видит: по листу Слизняк ползет. Подлетела Мужа к Слизняку и кричит:

- Отдай мне твой хвост, Слизняк! Он у тебя для красоты.

- Что ты, что ты! - говорит Слизняк.

- У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо мое. Я его сжимаю да разжимаю, - только так и ползаю. Я - брюхоног.

Муха видит: ошиблась, - и полетела дальше. Прилетела к речке, а в речке Рыба и Рак - оба с хвостами.

Муха к Рыбе:

- Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.

- Совсем не для красоты, - отвечает Рыба. - Хвост у меня - руль. Видишь: надо мне направо повернуть - я хвост вправо поворачиваю; надо налево - я влево хвост кладу, не могу я тебе свой хвост отдать.

Муха к Раку:

- Отдай мне твой хвост, Рак!

- не могу отдать, - отвечает Рак. - Ножки у меня слабые, тонкие, я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. Я как шлепну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлеп, шлеп - и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.

Полетела Муха дальше.

Прилетела в лес, видит: на суку Дятел сидит.

Муха к нему:

- Отдай мне твой хвост, Дятел! Он у тебя для красоты только.

- Вот чудачка! - говорит Дятел.

- А как же я деревья-то добить буду, еду себе искать, гнезда для детей устраивать?

- А ты - носом, - говорит Муха.

- Носом-то носом, - отвечает Дятел, - да ведь и без хвоста не обойдешься. Вот гляди, как я долблю.

Уперся Дятел крепким, жестким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом, да как стукнет носом по суку - только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост Дятел садится, когда долбит, - нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служит.

Полетела дальше. Видит: Оленюха в кустах со своими оленятами. И у Оленюхи хвостик - маленький, пушистый, беленький хвостик. Муха как зажужжит:

- Отдай мне твой хвостик, Оленюха!

Оленюха испугалась.

- Что ты, что ты! - говорит. - Если я отдам тебе свой хвостик, так мои оленятки пропадут.

- Оленяткам-то зачем твой хвост? - удивилась Муха.

- А как же, - говорит Оленюха. - Вот погонится за нами Волк. Я в лес кинусь - прятаться. И оленятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком машу, как платочком: сюда бегите, сюда! Они видят: беленькое впереди мелькает, - бегут за мной! Так все и убежим от Волка.

Нечего делать, полетела Муха дальше. Полетела дальше и увидела Лисицу. Эх, и хвост у Лисицы! Пышный да рыжий, красивый-красивый! "Ну, - думает Муха, - уж этот-то хвост мой будет". Подлетела к Лисице и кричит:

- Отдавай хвост! - Что ты, Муха! - отвечает Лисица.

- Да без хвоста я пропаду. Погонятся за мной собаки, живо меня бесхвостую поймают. А хвостом я их обману.

- Как же ты, - спрашивает Муха, обманешь их хвостом?

- А как станут меня собаки настигать, я хвостом верть! верть! - туда - сюда! - хвост вправо, сама влево. Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. Жди пока разберут, что ошиблись, - я уж далеко.

Видит Муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке.

Нечего делать, полетела Муха домой.

Сама думает: "Пристану к Человеку, буду ему надоедать, пока он мне хвост не сделает". Человек сидел у окошка, смотрел во двор. Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу! А Муха уж ему на лоб пересела! Человек бац по лбу, - а Муха уж опять на носу!

- Отстань ты от меня, Муха! - взмолился Человек.

- Не отстану, - жужжит Муха. - Зачем надо мной посмеялся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала, - у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от Мухи, вон какая надоедливая. Подумал и говорит:

- Муха, Муха, вон Корова на дворе. Спроси у нее, зачем ей хвост?

- Ну, ладно, - говорит Муха, - спрошу еще у Коровы. А если и Корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя, Человек, со свету.

Вылетела Муха в окошко, села Корове на спину и давай жужжать, выпрашивать:

- Корова, корова, зачем тебе хвост? Корова, Корова, зачем тебе хвост? Корова молчала, молчала, а потом как хлестнет себе хвостом по спине - и прилепнула Муху.

Упала Муха на землю, - дух вон, и ножки кверху. А Человек и говорит из окошка:

- Так тебе, Муха, и надо: не приставай к людям, не приставай к зверям. Надоеда.

ГЛУПЫЕ ВОПРОСЫ

Тихо в комнате. Отец с утра сел за стол. Пишет. Вдруг распахнулась дверь, вбежала его маленькая дочь:

- Мама ушла. Мне одной скучно. Можно, я буду у тебя играть?

- Хорошо. Только тихо. Садись вон у окна. И не мешай мне.

Взяла стул, взобралась на него с ногами и рассматривает книжку с картинками. Но книжка старая, давно знакомые картинки. Из раскрытого окна видны берег реки, опушка леса.

Книжка летит на пол. Дочь уже на подоконнике.

- Птичку вижу, - говорит она через минуту тихонечко, будто про себя.

- Птичку, - поправляет отец, не поднимая головы от бумаги.

- Какую птичку?

- Да просто птичка маленькая.

- "Просто птичек" не бывает.

- Нет бывает. Вот такие.

- Какого цвета?

- Какого?.. Птичьего цвета: серенькая да беленькая. В реке на камушке сидит. И еще другая. По берегу бежит. Смотри, смотри, кланяется. А та ей с камушка хвостиком кивает.

- Мне отсюда не видно. А другая какого цвета?

- Песочненького. И с галстучком.

- Песочного цвета, с черным галстуком и кланяется, - это зук. А та, на камушке, хвостиком кивает, - эта плиска, трясогузка. У каждой птицы свое имя.

- Я знаю. Вон сорока-белобока из леса вылетела, по земле скачет. Хвостатая какая. Отчего такой хвост?

- Ну, как - отчего? Что ты спрашиваешь?

- Не знаешь? А отчего зук кланяется, а плиска хвостиком кивает? Это они здороваются?

- Какие пустяки! Разве птицы здороваются?

- А вон еще птицы. Белые-белые! Большие.

- Ну, чайки.

- Да, да... Они рыбку из воды клюют. А зачем они белые?

- Какие глупые вопросы! Я сказал тебе: не мешай мне, а ты все время со мной разговариваешь. Ступай отсюда. Займись своими игрушками. Ступай, ступай, нечего!

Дочь надула губки, всхлипнула. Но послушаться не посмела, ушла. Отец вдруг положил перо, посмотрел в окно и крепко задумался. А вечером, когда дочь пришла поцеловать его на ночь, он сказал ей:

- Ты прости меня, пожалуйста, что я утром назвал твои вопросы глупыми. Они совсем не глупые. Я подумал, и теперь могу тебе рассказать три сказки.

- Расскажи, расскажи! - обрадовалась дочь.

И она ловко вскарабкалась к нему на колени.

ОТЧЕГО У СОРОКИ ТАКОЙ ХВОСТ?

- Первая сказка, - сказал отец.

- "Жила-была птица. Спросишь, какая? Да никакая. Просто птица, и все тут! И имени у нее не было, одно название - птица. И жила она знаешь где? У человека в голове. Один раз человек открыл рот, хотел зевнуть. Она - порх, и вылетела.

Смотрит, - день весенний, веселый, небо голубое-голубое, на нем солнце, белые облака. Простору сколько! Внизу стоит лес - кудрявый, густой, тенистый. Уютный такой. А ниже леса - река. Вода бежит, блещет, по берегам кусточки зеленые, песок золотой горит.

"Ах! - думает птичка. - Красота какая! Весело как!"

Весело-то весело, а кушать надо. Видит: мухи, комары кругом летают. Замахала крылышками, погналась за ними. А крылышки у нее ни длинные, ни короткие, ни круглые, ни острые, - средненькие. Машет крылышками, за мухами, комарами гоняется, а поймать не может.

Вдруг мчится стриж. Вперед пронесся, круг дал, да назад, да вниз, да вверх, вправо, влево, - да всех мух, комаров и переловил.

- Вот, - говорит, - как летать надо, чтобы мух, комаров ловить. Вот какие крылья для этого надо, видела?

Посмотрела птица: у него крылья длинные-длинные. Сложит их, - под ними и хвоста не видно. Узкие крылья, острые, как кривые ножницы, если их растопырить.

"Ну, так я в лес полечу, - думает птица. - Там себе что-нибудь промыслю".

Прилетела в лес, а там - чаща. Крылья за ветки задевают, хвост она поворачивать не успевает. А хвост у нее ни длинен, ни короткий, ни широкий, ни узок, - средненький. Выскочила из чащи сорока, хохочет:

- Да разве с таким хвостом в лесу летать? Тут во какой хвост надо, видела? И подняла свой хвост.

А хвост у сороки длинней самой сороки.

- Крылышки тебе поменьше бы надо, покруглей, а хвоста прибавить, чтобы верть - и повернула, верть - и в другую сторону. В чаще-то и все так.

Дернула хвостом, и нет ее.

"Ну, - думает птица, - значит, на реку мне лететь надо. Там промыслю".

И полетела".

- Тут первой сказке конец, а тебе ответ - отчего у сороки такой хвост.

КОМУ ЗУЁК КЛАНЯЕТСЯ, А ПЛИСКА ХВОСТОМ КИВАЕТ?

- Вторая сказка, - говорит отец.

- "Прилетела птица на реку. Села на обрыве и видит: по песку, у самой волны, бегают зук. Побежит-побежит - и станет. А станет - сейчас кланяться начнет. И кланяется, и кланяется.

А на камушке в воде сидит тоненькая плиска. И все хвостиком кивает, все кивает хвостиком.

Птица думает: "Кому это они кланяются? Уж не мне ли?"

Вдруг - жжип! - со свистом пронесся над ней чеглок-соколог. И пропал. Зук и плиска кричат птице:

- Счастье твое, что ты смирнехонько сидела! А то увидел бы тебя чеглок-соколог и унес бы в когтях. Пискнуть бы не успела.

Птица удивилась:

- А почему бы он меня увидел, если б я двигалась?

- Да потому, что ты на земле сидишь, кругом тебя одни камни, тихо все, не шевелится. А кто шевельнется, того сразу заметно.

- Так чего же вы-то кланяетесь, вы чего киваете?

- А мы у волны живем. Волна колышется, и мы колышемся. Нам так надо. Станем смирно, а кругом все движется, все качается, - сразу нас заметно".

- Тут второй сказке конец, а тебе ответ, - кому зук кланяется, а плиска хвостиком кивает.

- И третья сказка, - сказал отец.

ПОЧЕМУ ЧАЙКИ БЕЛЫЕ?

- "Птица думает:

"В воздухе мне не прожить, в лесу не прожить, и на реке, выходит, тоже не прожить: я прятаться не умею. Кто бы меня защитил?"

И видит: летит-плывет над рекой белая чайка.

Вдруг чайка крылья сложила и пала в воду. Пала в воду, крыльями над спиной взмахнула и опять на воздух поднялась.

А во рту у нее - рыбка. Тут еще и еще со всех сторон налетели белые чайки. Стали над рекой кружиться, падать, подниматься, - из воды рыбок таскать.

"Вот славно, - думает птица. - Пристану к чайкам. И сыта буду и цела буду: чайки большие, чайки сильные, они меня от чеглока-соколка защитят".

Полетела к белым чайкам:

- Примите меня в артель!

Посмотрели на нее белые чайки и говорят:

- Не годишься ты в нашу артель. Как ты своим носом рыбку будешь ловить? У нас, видишь, носы крепкие, острые. А твой нос ни крепок, ни мягок, ни тупой, ни остренький, - средненький.

- Ничего, как-нибудь, - говорит птица.

- И серенькая ты, - говорят белые чайки. - Даже и не поймешь, какого цвета. А мы, видишь, белые.

- А почему вы белые? - спрашивает птица.

- Нам другими быть нельзя, - отвечают белые чайки. - Первое дело, рыбки из воды нас видеть не должны, - а то разве их поймашь? Рыбки снизу смотрят, - над ними потолок белый. Речной потолок. А над ним - небо, на нем облака белые. Нас, белых, над белым под белым рыбкам не видно.

Второе дело, мы дружной артелью рыбку ловим. Разлетимся в разные стороны, и каждая высматривает рыбку. Рыба стадами ходит. Вот мы и глядим друг за дружкой издали, из глаз не выпускаем. Вот сложила подружка крылья, - пала на воду. Ага, значит, рыбка там!

И все мы к счастливой подружке спешим, все рядом ловить принимаемся. Издали мы друг на дружку сбоку смотрим. И нам друг дружку хорошо видеть: ведь белые мы, заметные на воде и над берегом. А тебя, серенькую, нам не усмотреть: ты над берегом полетишь, - не видно, мимо леса - не видно и под небом - не видно. Уж на что у чеглока-соколка глаза острые, и тот тебя не приметил. А кого не видно, для нас того и нет.

- А как же я? - спрашивает птица.

- Да тебя и вовсе нет, - отвечают белые чайки, - ты кругом средненькая. Ты выдуманная. Таким под солнцем места нет. Посмотри-ка на себя в воду.

Посмотрела птица вниз. Там, в тихой реке, все как в зеркале: и белые чайки кружат, и зук кланяется, и плиска хвостом кивает, и сорока прилетела - на кусту сидит, и стриж в небе мчится. А ее - птицы - нет.

- И лети-ка ты, - говорит чайка, - назад, откуда взялась!

Делать нечего, - полетела птица назад, к своему человеку. Человек этот как раз спал, - рот разинул. Птица и впорхнула ему в голову. Человек глотнул, вздохнул, проснулся и говорит:

- Вот сон какой приснился! Будто жила-была птица..."

- И тут третьей сказке конец, а тебе ответ, - почему чайки белые.

Лесной голосок. Г. Скребицкий

Солнечный день в самом начале лета.

Я брожу неподалёку от дома в берёзовом перелеске. Всё кругом будто купается, плещется в золотистых волнах тепла и света. Надо мной струятся ветви берёз. Листья на них кажутся то изумрудно-зелёными, то совсем золотыми. А внизу под берёзами по траве тоже, как волны, бегут и струятся лёгкие синеватые тени. И светлые зайчики, как отражения солнца в воде, бегут один за другим по траве, по дорожке.

Солнце и в небе, и на земле... И от этого становится так хорошо, так весело, что хочется убежать куда-то вдаль, туда, где стволы молодых берёзок так и сверкают своей ослепительной белизной.

И вдруг из этой солнечной дали мне послышался знакомый лесной голосок: «Ку-ку, ку-ку!»

Кукушка! Я уже слышал её много раз, но никогда ещё не видал даже на картинке. Какая она из себя? Мне почему-то она казалась толстенькой, головастой, вроде совы. Но, может, она совсем не такая? Побегу погляжу.

Увы, это оказалось совсем не просто. Я — к ней на голос. А она замолчит и вот снова: «Ку-ку, ку-ку!» — но уже совсем в другом месте.

Как же её увидеть? Я остановился в раздумье. А может, она играет со мною в прятки? Она прячется, а я ищу. А давай-ка играть наоборот: теперь я спрячусь, а ты поищи.

Я залез в куст орешника и тоже кукукнул раз, другой. Кукушка замолкла — может, ищет меня? Сажу молчу и я, у самого даже сердце колотится от волнения. И вдруг где-то неподалёку: «Ку-ку, ку-ку!»

Я молчок: поищи-ка лучше, не кричи на весь лес.

А она уже совсем близко: «Ку-ку, ку-ку!»

Гляжу: через поляну летит какая-то птица, хвост длинный, сама серая, только грудка в тёмных пестринках. Наверное, ястребёнок. Такой у нас во дворе за воробьями охотится. Подлетел к соседнему дереву, сел на сучок, пригнулся да как закричит: «Ку-ку, ку-ку!»

Кукушка! Вот так раз! Значит, она не на сову, а на ястребка похожа.

Я как кукукну ей из куста в ответ! С перепугу она чуть с дерева не свалилась, сразу вниз с сучка метнулась, шмыг куда-то в лесную чащу, только её и видел.

Но мне и видеть её больше не надо. Вот я и разгадал лесную загадку, да к тому же и сам в первый раз заговорил с птицей на её родном языке.

Так звонкий лесной голосок кукушки открыл мне первую тайну леса. И с тех пор вот уж полвека я брожу зимою и летом по глухим, нехоженным тропам и открываю всё новые и новые тайны. И нет конца этим извилистым тропам, и нет конца тайнам родной природы.

Лягушонок. М. Пришвин

В полднях от горячих лучей солнца стал плавиться снег. Пройдет два дня, много три, и весна загудит. В полднях солнце так распаривает, что весь снег вокруг нашего домика на колесах покрывается какой-то черной пылью. Мы думали, где-то угли жгут. Приблизил я ладонь к этому грязному снегу, и вдруг — вот те угли! — на сером снегу стало белое пятно: это мельчайшие жучки-прыгунки разлетелись в разные стороны.

В полдневных лучах на какой-нибудь час или два оживают на снегу разные жучки, паучки, блошки, даже комарики перелетают. Случилось, талая вода проникла в глубь снега и разбудила спящего на земле под снежным одеялом маленького розового лягушонка. Он выполз из-под снега наверх, решил по глупости, что началась настоящая весна, и отправился путешествовать. Известно, куда путешествуют лягушки: к ручейку, к болотцу.

Случилось, в эту ночь как раз хорошо припорошило, и след путешественника легко можно было разобрать. След вначале был прямой, лапка за лапкой, к ближайшему болотцу. Вдруг почему-то след сбивается, дальше больше и больше. Потом лягушонок мечется туда и сюда, вперед и назад, след становится похожим на запутанный клубок ниток.

Что случилось, почему лягушонок вдруг бросил свой прямой путь к болоту и пытался вернуться назад?

Чтобы разгадать, распутать этот клубок, мы идем дальше и вот видим — сам лягушонок, маленький, розовый, лежит, растопырив безжизненные лапки.

Теперь все понятно. Ночью мороз взялся за вожжи и так стал подхлестывать, что лягушонок остановился, сунулся туда, сюда и круто повернул к теплой дырочке, из которой почуял весну.

В этот день мороз еще крепче натянул свои вожжи, но ведь в нас самих было тепло, и мы стали помогать весне. Мы долго грели лягушонка своим горячим дыханием — он все не оживал. Но мы догадались: налили теплой воды в кастрюльку и опустили туда розовое тельце с растопыренными лапками.

Крепче, крепче натягивай, мороз, свои вожжи — с нашей весной ты теперь больше не справишься. Не больше часа прошло, как наш лягушонок снова почуял своим тельцем весну и шевельнул лапками. Вскоре и весь он ожил.

Когда грянул гром и всюду зашевелились лягушки, мы выпустили нашего путешественника в то самое болотце, куда он хотел попасть раньше времени, и сказали ему в напутствие:

— Живи, лягушонок, только, не зная броду, не суйся в воду.

Передышка. Г. Скребицкий

Она стоит от всех в сторонке,

Здесь на высоком бугорке.

Зелёных веток рубашонку

Полощет в летнем ветерке.

Идя из леса, ребяташки

Под ней присядут отдохнуть.

Её прозвали «Передышкой».

Передохнул — и дальше в путь.

От деревни до ближайшего леса дорога шла через широкое поле. Идешь по нему в летний день — солнце печёт, жара. Кажется, конца-краю нет этому полю.

Но как раз на половине пути у самой дороги росла зелёная развесистая берёза.

Кто бы из леса в деревню или обратно ни шёл, обязательно сядет и отдохнёт в прохладной тени под старым деревом.

И так это славно бывало: кругом всё поле даже блестит от солнца, а под густой берёзой свежо, прохладно. Над головой зелёные листья шумят, будто зовут присесть и передохнуть немножко.

Вот и прозвали эту берёзу местные жители «Передышкой».

Ранней весной только пригреет получше солнце, а Передышка уже зазеленела, стоит среди поля нарядная, сплошь усыпанная клейкими молодыми листочками.

А осенью Передышка становилась вся жёлтая. Подует ветер, и полетят с дерева золотые листья.

Целые стаи перелётных птиц садились передохнуть на берёзу.

И так уж, бывало, заведено, из года в год, много лет: человек ли идёт из леса в деревню, птица ли откуда-то издали прилетит — для всех берёза посреди поля отдыхом служит.

Но вот однажды осенью возвращались ребята домой с вязанками хвороста. Дошли до берёзки и, как полагается, отдохнуть уселись.

Кругом по-осеннему неприятно: поле пустое, серое, давно уже с него хлеб убрали, только сухое жнивье жёсткой колючей щёткой торчит. А у самой дороги картофельные гряды темнеют. Ботва на них почернела, дожди да ветры прибили её к самой земле.

Посидели ребята немного под деревом, а потом кто-то из них предложил: «Давайте костёр разведём, погреемся и картошку в золе испечём».

Сказано — сделано. Наломали сухих палок из хвороста, стали костёр разводить, а он не горит, ветром огонь задувает.

— Пойдите! — кричит один мальчуган. — Тащите-ка сучья к берёзе. Вон у самых корней будто печурка, там уж костёр не задуёт.

Так и устроили.

С тех пор ребята приладились между корнями берёзы костёр разводить, картошку печь. И огонь разжигать было очень удобно: надерут коры с той же берёзы, она жарко горит, в один миг костёр разгорится.

Всю кору внизу с дерева поободрали. А между корнями огонь выжиг большую чёрную дырку — настоящую печь.

* * *

Наступила зима. Ребята перестали ходить в лес.

Всё кругом — и поля и леса — засыпал снег. Посреди белого поля виднелась одна только берёза. Её ветви обледенели, покрылись инеем. И, когда утром вставало солнце, берёза казалась нежно-розовой, будто нарисованной тонкой кистью на синем фоне морозного неба. Только внизу, у самых корней, по-прежнему чернела обугленная дыра. Но и она теперь не очень была заметна — снаружи её слегка припорошил снег.

Но вот и зима прошла. Потекли ручьи, запестрели в поле проталины, всё кругом зацвело, зазеленело.

И только одна Передышка в эту весну не покрылась густой зелёной листвой. Она стояла голая, потемневшая. Ветер поломал у неё сухие ветви и оставил лишь крючковатые толстые сучья.

— Засохла наша берёзка, не будет теперь Передышки, — говорили в деревне.

А потом однажды приехали на дрогах люди с топором и пилой, свалили сухое дерево и увезли на дрова.

Остался от Передышки один только пенёк, а внизу под ним — чёрная обугленная дыра.

* * *

Шёл как-то раз лесник из деревни к себе в сторожку, и ребята с ним тоже шли в лес по ягоды. Дошли до середины поля. Жарко, а укрыться от солнца нигде, один пенёк у дороги торчит.

Поглядел на него лесник, рукой махнул.

— У кого ж это, — говорит, — хватило совести Передышку сгубить? Выжгли дыру у самых корней да ещё всю кору со ствола ободрали...

Стыдно стало ребятам. Вот ведь они что по незнанию наделали. Переглянулись между собой и рассказали обо всём леснику.

Тот покачал головой.

— Ну, — говорит, — что было, того не воротишь, а теперь надо вам вашу вину исправлять.

Ребята обрадовались. Только как же её исправить?

— А вот как, — сказал старик, — осенью приходите ко мне в сторожку. Выкопаем мы молодых кустов да берёзок, всю дорогу ими обсадим.

Так и решили. Было это лет десять назад.

А теперь от деревни до леса вся дорога деревьями и кустами обсажена. А посредине пути торчит старый широкий пенёк.

В этом месте по-прежнему все садятся передохнуть. Сидят кто на пне, а кто просто так, на земле, под тенью густых молодых берёзок. И это место зовётся по-прежнему «Передышка».

Этажи леса. М. Пришвин

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях, в самом низу; разные птички, вроде соловья, выют свои гнездышки прямо на земле; дрозды – повыше, на кустарниках; дупляные птицы – дятлы, синички, совы, – еще повыше, на разной высоте по стволу дерева, и на самом верху селятся хищники: ястреба и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскребах: у нас всегда можно с кем-нибудь перемениться этажами, у них каждая порода живет непременно в своем этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими березами. Это часто бывает, что березы дорастут до какого-то возраста и засохнут. Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниет и все дерево падает. У березы же кора не падает, эта смолистая белая снаружи кора – береста – бывает непроницаемым футляром для дерева, и умершее дерево долго стоит, как живое. Даже когда и сгниет дерево и древесина превратится в труху, отяжеленную влагой, с виду белая береза стоит, как живая. Но стоит, однако, хорошенько толкнуть такое дерево, как вдруг оно разломится все на тяжелые куски и упадет. Валить такие деревья – занятие очень веселое, но и опасное: куском дерева, если не увернешься, можно здорово хватить себя по голове. Но все-таки мы, охотники, не очень боимся, и когда попадаем к таким березам, то друг перед другом начинаем их рушить.

Так пришли мы к полянке с такими березами и обрушили довольно высокую березу. Падая, в воздухе она разломилась на несколько кусков, и в одном из них было дупло с гнездом гаечки. Маленькие птенчики при падении дерева не пострадали, только вместе со своим гнездышком вывалились из дупла. Голые птенцы, покрытые перышками, раскрывали широкие красные рты и, принимая нас за родителей, пищали и просили у нас червячка. Мы раскопали землю, нашли червяков, дали им перекусить. Они ели, глотали и опять пищали.

Очень скоро прилетели родители: гаечки-синички, с белыми пухлыми щечками и с червячками во ртах, сели на рядом стоящих деревьях.

– Здравствуйте, дорогие, – сказали мы им, – вышло несчастье; мы этого не хотели.

Гаечки ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети.

Нас они нисколько не боялись, порхали с ветки на ветку в большой тревоге.

– Да вот же они! – показывали мы им на гнездо на земле. – Вот они, прислушайтесь, как они пищат, как зовут вас.

Гаечки ничего не слушали, суетились, беспокоились и не хотели спускаться вниз и выйти за пределы своего этажа.

– А может быть, – сказали мы друг другу, – они нас боятся? Давай спрячемся.

И спрятались.

Нет! Птенцы пищали, родители пищали, порхали, но вниз не спускались.

Мы догадались тогда, что у птичек не как у нас в небоскребах, они не могут перемениться этажами: им теперь просто кажется, что весь этаж с их птенцами исчез.

– Ой-ой-ой, – сказал мой спутник, – ну какие же дурачки! Жалко и смешно: такие славные, и с крылышками, а понять ничего не хотят.

Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором находилось гнездо, сломили верх соседней березы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на какой находился разрушенный этаж.

Нам недолго пришлось ждать в засаде через несколько минут счастливые родители встретили своих птенчиков.

Здравствуй школа!

Бабушка и внучек. И. Никитин

В святцах у бабушки раз

Внучек цветок увидал;

"Тут сувенирчик у вас, -

Он, улыбаясь, сказал, -

Что, если б он говорил?

Может быть, целый роман

Мне бы теперь он открыл...

Был бы и муж там тиран,

Ночь, соловей и луна,

Быстрый свидания час...

Было - и в те времена -

Много, чай, всяких проказ?..."

"Грех над старухой шутить... -

Бабушка внучку в ответ, -

Кто ж бы еще подарить

Мог мне его, как не дед?"

"Дедушкин это цветок? -

Внучек опять. - Признаюсь,

Вот угадать бы не мог!

Дедушка! Этакой туз!"

"Молод покойничек был!..

Ну, да и я-то тогда...

В мыслях-то ветер бродил!

Тоже была молода...

Ездили раз мы весной,

В ранний улов стерлядей,

К мельнице нашей лесной...

Батюшка... Много гостей...

Я и стою на мосту;

Вкруг молодежь мне поет

Всё про мою красоту.

Что тут на ум не взбредет.

Мельница так и дрожит;

Омут-то в пенных буграх

Ходенем ходит, кипит,

Так что и вспомнить-то страх!

В воду и кинь я цветок!

"Кто, - говорю я, - спрыгнет

С мосту отсюда в поток

И мой цветок принесет,

Тот мне и есть кавалер!"

Все засмеялись вокруг,

Только один офицер

С мосту-то прямо и - бух!

Я обомлела. Народ

Бросился к лодкам, к реке...

Только глядим - он плывет,
Держит цветок мой в руке...

Мне подает: я готов
Жизнь, мол, за вас положить!..
Вот молодец был каков!
Да, не любил он шутить!

Дедушку я твоего
Тут и узнала тогда...
Так и пошла за него...
Был человек это!.. Да!..

Старого века кремень!
Барин он был матерой!
Сёл что имел, деревень!
Видный, красавец собой,

Соколом ясным ходил!
Первым везде был лицом!
Что он народу кормил,
Ну да и сам жил царем...

В гости ль меня вывозил -
В золото, жемчуг, атлас,
Словно царицу, рядил,
Словно как вез на показ!

Серый лихой шестерик
Держат едва под уздцы...

Кучер был сила мужик!

И гайдуки молодцы!

И, как жила я за ним.

Тронуть меня уж не смей

Кто хоть бы словом худым:

Со свету сгонит - ей-ей!

Да, это был человек!..

Нынче и род уж не тот!

Нынче - не тот уж и век!

Мелкий пошел всё народ!.."

"Бабушка! - внучек прервал. -

Я от самих стариков

Часто про деда слышал:

Он не совсем был таков!

Был он - надменный богач!

Жил - азиатским пашой;

Сам и судья, и палач,

Ночью ездил на разбой;

И в душегубстве не раз

Был по суду обвинен...

Правда, в то время у нас

Знатному что был закон!

Пьянство и ночью и днем!

В доме жил целый гарем!

Вы же - всю жизнь под замком
В страхе дрожали меж тем.

Вас-то он будто любил!
Боже мой! Он, как злодей,
Вашу всю жизнь загубил,
Вас загубил и детей!

Месяц иль два присмирив,
Первой-то страстной порой,
Ласков был с вами, как лев
С львицей своей молодой!

Ну, а как душу отвел...
Бабушка! сердце во мне
Рвется при мысли - что зол
Вынесли вы-то одне!

Верьте, люблю я, как мать,
Вас за страдальный ваш век...
Что ж от меня вам скрывать!
Дед был - дурной человек!.."

Бабка трясет головой,
Шепчет на речи его:
"Что говорить мне с тобой!
Ты не поймешь ничего!"

Вяжет старушка чулок,
Вяжет чулок и молчит,

И на засохший цветок
Нежно порою глядит -

Смотрит на бабушку внук...
Он изумлен, что у ней
Слезы закапали вдруг
Тихо из тусклых очей...

В жизни дитя - не умел
Сердце еще он понять!
Он испытать не успел,
Как оно может прощать!

Как из-за прошлых скорбей.
Их разгоняя, что тьму,
Сладкий лишь миг всё ясней
Издали светит ему;

И, как святой идеал,
Образ рисует того,
Кто это сердце терзал,
Кто так измучил его!..

В шкафу. В. Голявкин

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Подумают, кошка, а это я.

Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь — в классе тихо. Смотрю в щёлочку — никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли, и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

— Э-э-э! Я в шкафу! Помогите!

Прислушался — тишина кругом.

Я опять:

— О! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идёт кто-то.

— Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тётю Ньюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

— Тётя Ньюша, я здесь!

— Где ты, родименький?

— В шкафу я! В шкафу!

— Как же ты, милый, туда забрался?

— Я в шкафу, бабуся!

— Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

— Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тётя Ньюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги. Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч — наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

— Там нет никого, — сказал Пал Палыч.

— Как же нет. Есть, — сказала тётя Ньюша.

— Ну где же он? — сказал Пал Палыч и постучал ещё раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

— Я здесь!

— Кто ты? — спросил Пал Палыч.

— Я... Цыпкин...

— Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

— Меня заперли... Я не забрался...

— Гм... Его заперли! А он не забрался! Видали? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

— Слышу...

— Ты давно там сидишь? — спросил Пал Палыч.

— Не знаю...

— Найдите ключ, — сказал Пал Палыч. — Быстро.

Тётя Ньюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щёлку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

— Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и всё такое... Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Одно мученье! Что было мне отвечать?

Я молчал.

— Ты живой там? — спросил Пал Палыч.

— Живой...

— Ну сиди, скоро откроют...

— Я сижу...

— Так... — сказал Пал Палыч. — Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал.

Вдруг я услышал голос директора. Он шёл по коридору:

— Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

— Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать.

Тётя Ньюша сказала:

— Ключ унёс староста класса.

— Взломайте дверь, — сказал директор.

Я почувствовал, как ломают дверь, — шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадёт, и заплакал. Руками упёрся в стенки шкафа, и, когда дверь поддалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

— Ну, выходи, — сказал директор. — И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

— Почему он стоит? — спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я всё время молчал.

Я не знал, что сказать.

Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом...

Где ты ходишь осень? Я. Аким

Осенью дождливой

Прямо сплю и вижу:

По снежку хрустящему

С горки бы, на лыжах!

А зимою лютой,

Вечером, в мороз,

Вспомню двор весенний,

Листики берез.

У апрельской лужицы

Жду я не дождусь -

Поскорей бы лето,

В речку бултыхнусь!

"Где ты ходишь, осень?" -

В августе спрошу,

Потому что в школу

Я к друзьям спешу.

Еще мама. А. Платонов

— А я, когда вырасту, я в школу ходить не буду! — сказал Артем своей матери, Евдокии Алексеевне. — Правда, мама?

— Правда, правда, — ответила мать. — Чего тебе ходить!

— Чего мне ходить? Нечего! А то я пойду, а ты заскучаешь по мне. Не надо лучше!

— Не надо, — сказала мать, — не надо!

А когда прошло лето и стало Артему семь лет от роду, Евдокия Алексеевна взяла сына за руку и повела его в школу. Артем хотел было уйти от матери, да не мог вынуть свою руку из ее руки; рука у матери теперь была твердая, а прежде была мягкая.

— Ну что ж! — сказал Артем. — Зато я домой скоро приду! Правда, скоро?

— Скоро, скоро, — ответила мать. — Поучишься чуть-чуть и домой пойдешь.

— Я чуть-чуть, — соглашался Артем. — А ты по мне дома не скучай!

— Не буду, сынок, я не буду скучать.

— Нет, ты немножко скучай, — сказал Артем. — Так лучше тебе будет, — а то что! А игрушки из угла убирать не надо: я приду и сразу буду играть, я бегом домой прибегу.

— А я тебя ждать буду, — сказала мать, — я тебе оладьев нынче испеку.

— Ты будешь ждать меня? — обрадовался Артем. — Тебе ждать не дожидаться! Эх, горе тебе! А ты не плачь по мне, ты не бойся и не умри смотри, а меня дожидайся!

— Да уж ладно! — засмеялась мать Артема. — Уж дождусь тебя, милый мой, авось не помру!

— Ты дыши и терпи, тогда не помрешь, — сказал Артем. — Гляди, как я дышу, так и ты.

Мать вздохнула, остановилась и показала сыну вдаль. Там, в конце улицы, стояла новая большая рубленая школа, ее целое лето строили, а за школой начинался темный лиственный лес. До школы отсюда еще было далеко, до нее протянулся долгий порядок домов, дворов десять или одиннадцать.

— А теперь ступай один, — сказала мать. — Привыкай один ходить. Школу-то видишь?

— А то будто! Вон она!

— Ну иди, иди, Артемушка, иди один. Учительницу там слушайся, она тебе вместо меня будет.

Артем задумался.

— Нету, она за тебя не будет, — тихо произнес Артем, — она чужая.

— Привыкнешь, Аполлинария Николаевна тебе как родная будет. Ну, иди!

Мать поцеловала Артема в лоб, и он пошел далее один.

Отошедши далеко, он оглянулся на мать. Мать стояла на месте и смотрела на него. Артему хотелось заплакать по матери и вернуться к ней, но он опять пошел вперед, чтобы мать не обиделась на него. А матери тоже хотелось догнать Артема, взять его за руку и вернуться с ним домой, но она только вздохнула и пошла домой одна.

Вскоре Артем снова обернулся, чтобы поглядеть на мать, однако ее уже не было видно.

И пошел он опять один и заплакал. Тут гусак вытянул шею из-за изгороди, крикнул и защемил клювом штанину у Артема, а заодно захватил и живую кожу на его ноге. Артем рванулся прочь и спасся от гусака. «Это страшные дикие птицы, — решил Артем, — они живут вместе с орлами!»

На другом дворе были открыты ворота. Артем увидел лохматое животное с приставшими к нему репьями; животное стояло к Артему хвостом, но все равно оно было сердитое и видело его.

«Ктой-то это? — подумал Артем. — Волк, что ли?» Артем оглянулся в ту сторону, куда ушла его мать, — не видать ли ее там, а то этот волк побежит туда. Матери не было видно, она уже дома, должно быть, — это хорошо, волк ее не съест. Вдруг лохматое животное повернуло голову и молча оскалило на Артема пасть с зубами.

Артем узнал собаку Жучку.

— Жучка, это ты?

— Р-р-р! — ответила собака-волк.

— Тронь только! — сказал Артем. — Ты только тронь! Ты знаешь, что тебе тогда будет? Я в школу иду. Вон она — виднеется!

— Ммм, — смирно произнесла Жучка и шевельнула хвостом.

— Эх, далече еще до школы! — вздохнул Артем и пошел дальше.

Кто-то враз и больно ударил Артема по щеке, словно вонзился в нее, и тут же вышел вон обратно.

— Это ктой-то еще? — напугался было Артем. — Ты чего дерешься, а то я тебе тоже... Мне в школу надо. Я ученик — ты видишь!

Он поглядел вокруг, а никого не было, один ветер шумел павшими листьями.

— Спрятался? — сказал Артем. — Покажись только!

На земле лежал толстый жук. Артем поднял его, потом положил на лопух.

— Это ты на меня из ветра упал. Живи теперь, живи скорее, а то зима настанет!

Сказавши так, Артем побежал в школу, чтобы не опоздать. Сначала он бежал по тропинке возле плетня, да оттуда какой-то зверь дыхнул на него горячим духом и сказал: «Ффур-фурчи!»

— Не трожь меня: мне некогда! — ответил Артем и выбежал на середину улицы.

На дворе школы сидели ребята. Их Артем не знал, они пришли из другой деревни, должно быть, они учились давно и были все умные, потому что Артем не понимал, что они говорили.

— А ты знаешь жирный шрифт? Ого! — сказал мальчик из другой деревни.

А еще двое говорили:

— Нам хоботковых насекомых Афанасий Петрович показывал!

— А мы их прошли уже. Мы птиц учили до кишок!

— Вы до кишок только, а мы всех птиц до перелета проходили.

«А я ничего не знаю, — подумал Артем, — я только маму люблю! Убегу я домой!»

Зазвенел звонок. На крыльцо школы вышла учительница Аполлинария Николаевна и сказала, когда отзвенел звонок:

— Здравствуйте, дети! Идите сюда, идите ко мне.

Все ребята пошли в школу, один Артем остался во дворе. Аполлинария Николаевна подошла к нему:

— А ты чего? Оробел, что ли?

— Я к маме хочу, — сказал Артем и закрыл лицо рукавом. — Отведи меня скорее ко двору.

— Нет уж, нет! — ответила учительница. — В школе я тебе мама!

Она взяла Артема под мышки, подняла к себе на руки и понесла.

Артем исподволь поглядел на учительницу: ишь ты, какая она была, — она была лицом белая, добрая, глаза ее весело смотрели на него, будто она играть с ним хотела в игру, как маленькая. И пахло от нее так же, как от матери, теплым хлебом и сухою травой.

В классе Аполлинария Николаевна хотела было посадить Артема за парту, но он в страхе прижался к ней и не сошел с рук. Аполлинария Николаевна села за стол и стала учить детей, а Артема оставила у себя на коленях.

— Эк ты, селезень толстый какой на коленях сидит! — сказал один мальчик.

— Я не толстый! — ответил Артем. — Это меня орел укусил, я раненый.

Он сошел с коленей учительницы и сел за парту.

— Где? — спросила учительница. — Где твоя рана? Покажи-ка ее, покажи!

— А вот тут! — Артем показал ногу, где гусак его защебил.

Учительница оглядела ногу.

— До конца урока доживешь?

— Доживу, — обещал Артем.

Артем не слушал, что говорила учительница на уроке. Он смотрел в окно на далекое белое облако; оно плыло по небу туда, где жила его мама в родной их избушке. А жива ли она? Не померла ли от чего-нибудь, — вот бабушка Дарья весною враз померла — не чаяли не гадали. А может быть, изба их без него загорелась, ведь Артем давно из дома ушел, мало ли что бывает.

Учительница видела тревогу мальчика и спросила у него:

— А ты чего, Федотов Артем, — ты чего думаешь сейчас? Почему ты меня не слушаешь?

— Я пожара боюсь, наш дом сгорит.

— Не сгорит. В колхозе народ смотрит, он потушит огонь.

— Без меня потушат? — спросил Артем.

— Без тебя управятся.

После урока Артем первым побежал домой.

— Подожди, подожди, — сказала Аполлинария Николаевна. — Вернись назад, ты ведь раненый.

А ребята сказали:

— Эк, какой, — инвалид, а бегают!

Артем остановился в дверях, учительница подошла к нему, взяла его за руку и повела с собою. Она жила в комнатах при школе, только с другого крыльца. В комнатах у Аполлинарии Николаевны пахло цветами, тихо звенела посуда в шкафу, и всюду было убрано чисто — хорошо.

Аполлинария Николаевна посадила Артема на стул, обмыла его ногу теплой водой из таза и перевязала красное пятнышко — шипок гусака — белой марлей.

— А мама твоя будет горевать! — сказала Аполлинария Николаевна. — Вот горевать будет!

— Не будет! — ответил Артем. — Она оладьи печет!

— Нет, будет. Эх, скажет, зачем Артем в школу нынче ходил? Ничего он там не узнал, а пошел учиться — значит, он маму обманул, значит, он меня не любит, скажет она и сама заплачет.

— И правда! — испугался Артем.

— Правда. Давай сейчас учиться.

— Чуть-чуть только, — сказал Артем.

— Ладно уж: чуть-чуть, — согласилась учительница. — Ну, иди сюда, раненый.

Она подняла его к себе на руки и понесла в класс. Артем боялся упасть и прильнул к учительнице. Снова он почувствовал тот же тихий и добрый запах, который он чувствовал возле матери, а незнакомые глаза, близко глядевшие на него, были несердитые, точно давно знакомые. «Не страшно», — подумал Артем.

В классе Аполлинария Николаевна написала на доске одно слово и сказала:

— Так пишется слово «мама». — И велела писать эти буквы в тетрадь.

— А это про мою маму? — спросил Артем.

— Про твою.

Тогда Артем старательно начал рисовать такие же буквы в своей тетради, что и на доске. Он старался, а рука его не слушалась; он ей подговаривал, как надо писать, а рука гуляла сама по себе и писала каракули, не похожие на маму. Осерчавши, Артем писал снова и снова четыре буквы, изображающие «маму», а учительница не сводила с него своих радующихся глаз.

— Ты молодец! — сказала Аполлинария Николаевна.

Она увидела, что теперь Артем сумел написать буквы хорошо и ровно.

— Еще учи! — попросил Артем. — Какая это буква: вот такая — ручки в бочки?

— Это Ф, — сказала Аполлинария Николаевна.

— А жирный шрифт — что?

— А это такие вот толстые буквы.

— Кормлёные? — спросил Артем. — Больше не будешь учить — нечему?

— Как так — «нечему»? Ишь ты какой! — сказала учительница. — Пиши еще!

Она написала на доске: «Родина».

Артем стал было переписывать слово в тетрадь, да вдруг замер и прислушался.

На улице кто-то сказал страшным заунывным голосом: «У-у!», — а потом еще раздалось откуда-то, как из-под земли: «Н-н-н!».

И Артем увидел в окне черную голову быка. Бык глянул на Артема одним кровавым глазом и пошел к школе.

— Мама! — закричал Артем.

Учительница схватила мальчика и прижала его к своей груди.

— Не бойся! — сказала она. — Не бойся, маленький мой. Я тебя не дам ему, он тебя не тронет.

— У-у-у! — прогудел бык.

Артем обхватил руками шею Аполлинарии Николаевны, а она положила ему свою руку на голову.

— Я прогоню быка.

Артем не поверил.

— Да. А ты не мама!

— Мама... Сейчас я тебе мама!

— Ты еще мама? Там мама, а ты еще, ты тут.

— Я еще. Я тебе еще мама!

В классную комнату вошел старик с кнутом, запыленный землей; он поклонился и сказал:

— Здравствуйте, хозяйева! А что, нету ли кваску испить либо воды? Дорога сухая была...

— А вы кто, вы чьи? — спросила Аполлинария Николаевна.

— Мы дальние, — ответил старик. — Мы скрозь идем вперед, мы племенных быков по плану гоним. Слышите, как они нутром гудят? Звери лютые!

— Они вот детей могут изувечить, ваши быки! — сказала Аполлинария Николаевна.

— Еще чего! — обиделся старик. — А я-то где? Детей я уберегу!

Старик пастух напился из бака кипяченой воды — он полбака выпил, — вынул из своей сумки красное яблочко, дал его Артему. «Ешь, — сказал, — точи зубы» — и ушел.

— А еще у меня есть еще мамы? — спросил Артем. — Далеко-далеко где-нибудь?

— Есть, — ответила учительница. — Их много у тебя.

— А зачем много?

— А затем, чтоб тебя бык не забодал. Вся наша Родина — еще мама тебе.

Вскоре Артем пошел домой, а на другое утро он спозаранку собрался в школу.

— Куда ты? Рано еще, — сказала мать.

— Да, а там учительница Аполлинария Николаевна! — ответил Артем.

— Ну что ж, что учительница. Она добрая.

— Она, должно, уже соскучилась, — сказал Артем. — Мне пора.

Мать наклонилась к сыну и поцеловала его на дорогу.

— Ну иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

Как я под партой сидел. В. Голявкин

Только к доске отвернулся учитель, а я раз — и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать у всех, куда я делся, — вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я всё сижу. «Когда же, — думаю, — он увидит, что меня в классе нет?» А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я — никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да ещё Серёжка мне в спину ногой всё время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю:

— Извините, Пётр Петрович...

Учитель спрашивает:

— В чём дело? Ты к доске хочешь?

— Нет, извините меня, я под партой сидел...

— Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

Подружки. Н. Артюхова

Галя Серебрякова и Маруся Ильина встретились, как всегда, у ворот и вместе пошли в школу. Синее безоблачное небо над широкой улицей. В садах и в скверах – осеннее золото листьев. Девочки шли, крепко держась за руки, поэтому Маруся Ильина несла портфель в левой руке, а Галя Серебрякова – в правой. А портфели были твёрдые, блестящие, с необмятыми краями – казалось, что их долго и старательно утюжили мамы вместе с коричневыми платьями, белыми воротничками и чёрными фартуками девочек.

Галя Серебрякова громко читала вывески и надписи, которые попадались навстречу:

– «Бу-лоч-ная»... «Ки-но-те-атр»... «Мо-ло-ко»... «Ре-монт о-бу-ви»...

Прошуршал по серому асфальту голубой блестящий троллейбус. Быстро промчался, а всё-таки Галя успела прочесть:

– «Са-до-во-е Б-коль-цо».

– Как ты хорошо читаешь! – сказала Маруся. Галя ответила с гордостью:

– Я ещё в прошлом году научилась! Маруся вздохнула:

– А я не умею такое трудное...

Все классы в школе были одинаковые, но самым лучшим, разумеется, был первый «А». Все учительницы в школе были разные. Самой лучшей, разумеется, была Ольга Андреевна.

Вот она вошла в класс, весёлая, молодая, приветливая, и сразу захотелось ответить ей как можно лучше.

Ольга Андреевна заглянула в журнал и сказала:

– Читай, Ильина.

Маруся покраснела, раскрыла букварь и начала читать, старательно, по буквам выговаривая каждое слово. На пятой строчке запнулась и покраснела ещё больше.

Галя подняла руку. Тёмные глаза стали совсем круглыми, как будто выпрыгнуть хотели, и умоляли учительницу: «Меня, меня спросите!»

Ольга Андреевна улыбнулась:

– Серебрякова, дальше читай.

Галя прочла всю страницу, от начала до конца, даже то, что ещё не было задано сегодня.

Ольга Андреевна опять улыбнулась и сказала:

– Хорошо.

Галя села за парту и радостно подумала: «Пятёрку поставит!»

На следующем уроке девочки писали.

Ольга Андреевна ходила по рядам и заглядывала в тетради.

– Ольга Андреевна, – сказала Галя, – вот у неё здесь ошибка. – Она ткнула пальцем в Марусину тетрадь. – Нужно «о», а она написала «а».

Ольга Андреевна посмотрела на Галю, но почему-то не улыбнулась на этот раз.

– Конечно, «о», – сказала она. – Поправь, Маруся.

Маруся стала поправлять и от волнения посадила на трудном слове большую расплывчатую кляксу.

Последним был урок арифметики.

Ольга Андреевна вызвала Марусю решать задачу. Тонкие Марусины пальцы, постукивая мелом, нерешительно продвигались по чёрной доске. Маруся написала знак равенства и задумалась.

– Девять! – крикнула Галя.

Светлана Николаева с передней парты обернулась. Лицо у неё было сердитое. Может быть, ей обидно стало, что не она первая решила задачу? Ведь по арифметике Светлана сильнее всех в классе. Ольга Андреевна сказала строго:

– Молчи, Серебрякова.

Маруся стояла, не поднимая глаз, и беззвучно шевелила губами. Потом вздохнула тяжело и написала: «9». Медленно вернулась к своей парте и села рядом с Галей.

Урок кончился. Девочки закрывали учебники и тетради. Женя Волкова сказала соседке:

– Нюра, у тебя сейчас заколка выскочит.

Нюра Иванова только недавно стала отпускать косу. А волосы у неё были прямые и жёсткие. Заколки и ленточки подбирали за ней всем классом.

Про неё говорили, что, если бы она в лесу заблудилась, как мальчик с пальчик, дорогу домой найти было бы очень легко.

Нюра нагнулась поднять заколку и громко сказала:

– Не люблю, когда выскакивают. – И в упор посмотрела на Галю.

Галя так и не поняла, про кого сказала Нюра. Про заколку?

– И я не люблю, когда выскакивают, – подтвердил Юра Смирнов.

Но ведь он-то никогда не терял заколок!

– Я тоже не люблю, – сказала Светлана Николаева.

А у Светланы длинные косы и ни одной заколки в волосах.

...Галя Серебрякова и Маруся Ильина возвращались домой из школы.

Галя несла портфель в правой руке, и Маруся тоже в правой. Девочки не держались за руки.

Маруся шла грустная, не поднимая глаз. Гале тоже было невесело.

Яркие золотые буквы блестели над дверями магазинов – Галя не обращала на них внимания. Проезжали мимо нарядные голубые троллейбусы – Галя не читала номера и надписи.

Девочки молча вошли во двор и повернули – одна направо, другая налево.

Мама спросила Галю:

– Ну, как дела?

– Пятёрка по чтению, – мрачно ответила Галя.

... Утром мама расчёсывала короткие курчавые

Галины волосы и завязывала бант потуже, а Галя терпела и морщилась.

– Собирайся, Галя, – сказала мама. – Вон подружка твоя уже тебя поджидает.

Галя бросилась к окну. У ворот мелькнули светлые косички и знакомое серенькое пальто в клетку. Нет, Маруся не ждала. Она поспешно вышла на улицу, даже не взглянув на Галины окна. Галя сбежала с лестницы. Не догнать! Маруся уже на углу стоит, собирается улицу переходить.

Галя знала по себе, что переходить улицу одной страшновато: уж очень она широкая. Сегодня, впрочем, Галя беспокоилась не за себя, а за Марусю. Улица такая большая, а Маруся такая маленькая, да ещё торопится.

Когда Галя вошла в класс, Маруся уже сидела за партой и разбирала свои тетрадки.

– Здравствуй, – сказала Галя.

Галя сказала: «здравствуй», а Маруся ясно услышала: «не сердись».

– Здравствуй, – не поднимая глаз, ответила Маруся.

А Галя в этом «здравствуй» услышала совсем другие слова: «Обидела ты меня».

В самом начале урока Ольга Андреевна спросила:

– Ну-ка, девочки, кто сегодня выучил хорошо и может прочесть до конца всю страницу?

Галина рука сама взлетела над партой и сама сейчас же опустилась. Галя увидела, что Маруся тоже поднимает руку, правда, совсем не высоко, робко и нерешительно. Из всех рук в классе Ольга Андреевна выбрала именно эту, самую медленную руку.

Маруся читала гораздо лучше, чем вчера, прямо, должно быть, наизусть выучила. Только она слишком торопилась, как будто боялась, что её перебьют, не дадут договорить. От этой спешки перепутала строчки в самом конце – вместо одного слова прочла другое – и остановилась, смущённая.

Гале так хотелось поправить, что она обеими ладонями зажала себе рот. Удержалась всё-таки.

Ольга Андреевна улыбнулась чуть-чуть и сказала:

– Не спеши, Маруся, подумай и скажешь правильно.

Маруся подумала и очень хорошо, с выражением даже, прочитала последние две строчки.

– Молодец! – похвалила Ольга Андреевна. А Галя зашептала:

– Пятёрку тебе поставила, пятёрку, я видела! Девочки возвращались домой, крепко держась за руки.

Это был удивительный день. Совсем не жалко и не грустно было смотреть, как облетают осенние листья.

Осень – это конец года, но ведь для девочек эта осень была только началом. Маруся и Галя шли медленно и останавливались около каждой вывески. Сначала Маруся называла буквы, потом Галя говорила всё слово целиком. А когда дошли до угла и остановились у перехода, Маруся посмотрела на загоревшиеся маленькие зелёные буквы, пошевелила губами... И вдруг прочитала, громко и радостно, не по буквам уже, а сразу всё слово:

– «Идите!»

Про то, для кого Вовка учится. В. Голявкин

Вовка учится для себя, а не для других людей. Он это прекрасно знает. Да ему ещё все говорят об этом. Как будто он сам не знает.

Папа с мамой ему говорят:

— Ты для себя в школе учишься.

Бабушка говорит:

— Ты для себя в школе учишься.

Даже Шурик сказал:

— Ты для себя в школе учишься, — ясно?

Вовка знает, что учится он для себя.

Но он и другим людям хочет помочь, а не только в школу ходить. Только ему говорят: «Ты маленький. Ты подучись сначала. Потом нам поможешь как следует».

Значит, он для себя учится и для других тоже.

Читалочка. В. Берестов

Как хорошо уметь читать!

Не надо к маме приставать,

Не надо бабушку трясти:

«Прочти, пожалуйста, прочти!»

Не надо умолять сестрицу:

«Ну прочитай еще страницу!»

Не надо звать,

Не надо ждать,

А можно взять

И почитать!

Школьные зарисовки. В. Берестов

Треугольник

В старших классах каждый школьник

Изучает треугольник.

Три каких-то уголка,

А работы - на века.

Точилка

Почему из-под точилки

Вьются стружки и опилки?

Карандаш писать не хочет,

Вот она его и точит.

Тетради

Тетради в портфеле шуршали,

Что в жизни важнее, решали.

Тетрадка в линейку бормочет:

- Грамматика!

А в клетку тетрадка ворчит:

- Математика!

На чем примирились

Тетрадка с тетрадкой,

Для нас до сих пор

Остается загадкой.

Ручка

Буквы напечатанные -

Очень аккуратные.

Буквы для письма

Я пишу сама.

Очень весело пишется ручке:
Буквы держат друг друга за ручки.
- Ах, батюшки! - сказала ручка. -
Что значит эта закорючка?
- Чернильная ты голова!
Ты ж написала букву "А"!

Устный счет

Ну-ка, в сторону карандаши!
Ни костяшек. Ни ручек. Ни мела.
Устный счет! Мы творим это дело
Только силой ума и души.
Цифры сходятся где-то во тьме,
И глаза начинают светиться,
И кругом только умные лица.
Потому что считаем в уме!

Портфель

Зимой на улице бежит,
А летом в комнате лежит.
Но только осень настаёт,
Меня он за руку берёт.
И снова в дождик и в метель
Со мной шагает мой портфель

Учебник

— Учитель у меня в портфеле!
— Кто? Быть не может! Неужели?
— Взгляни, пожалуйста! Он тут.
Его учебником зовут.

Линейка

Я - линейка. Прямота -
Главная моя черта.

Карандаш

Я — малютка-карандашик.
Исписал я сто бумажек.
А когда я начинал,
То с трудом влезал в пенал.
Школьник пишет. И растёт!
Ну а я — наоборот!

Циркуль

Циркуль мой, циркач лихой
Чертит круг одной ногой,
А другой проткнул бумагу,
Уцепился и ни шагу.

Резинка

Я — ластик. Я — резинка,
Чумазенькая спинка.
Но совесть у меня чиста:
Помарку стёрла я с листа!

Пенал

Карандаш в пенале мается,
Но зато он не ломается,
Ручка в тесноте находится,
Но зато легко находится.

Закладка

Я — нарядная закладка.
Я лежу здесь для порядка.
Зря страницы не листай.
Где закладка, там читай!

Счеты

То считаю втихомолку я,
То опять на счётах щёлкаю.
Если правильно считать,
То всегда получишь "пять"!

Дневник

В дневнике задания на дом
И стоят отметки рядом —
До чего же хороши!
Ну-ка, мама, подпиши!

Кисточка

Над бумажным над листом
Машет кисточка хвостом.
И не просто машет,
А бумагу мажет,
Красит в разные цвета.
Ух, какая красота!